ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВ. ДВИЖЕН.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 323
0-910

БАУМАНСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б)
МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В БАУМАНСКОМ РАЙОНЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ
095

БАУМАНСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

9(47)
095

ЕН323
О 910

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В БАУМАНСКОМ РАЙОНЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 Экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

10-я типография
„ЗАРЯ КОММУНИЗМА"
МОСПОЛИГРАФ
Чистые пруды, 8.
Телефон 5-64-46

Заказ № 1205
Мосгублит № 13162
Тираж 7.000 экз.
1928 г.

ЕН323
0-910

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)

922
28
213122

СФ
42461
213122

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5
I. От кружков к партии 9
II. Первая революция (1905 г.) 25
III. В межреволюционные годы 42

1917 год

IV. Канун Февральской революции и февральские дни 69
V. От Февраля к Октябрю 80
VI. Октябрьские дни 125

Диктатура пролетариата

VII. Из работы Басманного совета в 1917—1918 гг. 159
VIII. Годы гражданской войны. Рабочая оппозиция в районе 166
XI. Новая экономическая политика 181
X. В. И. Ленин в Бауманском районе 195
XI. Некрологи 204

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории нашей партии, ее руководящей роли в революционной борьбе рабочего класса, имеет огромное значение в нашей политико-воспитательной работе. На фабриках и заводах нашего Союза работают многочисленные кадры рабочих, которые вступили в общественную жизнь в годы революции и не могли быть свидетелями и участниками той гигантской героической борьбы, которую пришлось выдержать рабочему классу до Октября, до завоевания диктатуры пролетариата. А между тем, эта история совершенно неразрывно связана с развитием нашей партии, с революционным творчеством рабочего класса после победы пролетарской революции. Нельзя усвоить нынешнюю политику и тактику нашей партии, если не понимать, как и почему, в борьбе с какими явными и скрытыми врагами рос и развивался большевизм. По вопросу о дисциплине в большевистской партии В. И. Ленин в „Детской болезни „левизны" в коммунизме" указывает, что „только история большевизма *за весь период* его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата". Это указание, несомненно, имеет не меньшую силу в основных вопросах политики и тактики нашей партии. Через стихийное революционное брожение, через организацию подпольных рабочих кружков—к созданию оформленной партийной организации; через раскол социал-демократии и организацию боевой революционной ленинской партии большевиков, через организованную и неорганизованную стачечную борьбу—к революции 1905 г.; через годы реакции, через новый подъем революционной волны 1912—1914 гг.,

через империалистическую войну — к свержению самодержавия; через керенщину и соглашательство — к завоеванию пролетарской диктатуры; через тяжелую длительную войну рабочих и крестьян в защиту октябрьских завоеваний от помещиков и капиталистов — вот краткий перечень тех этапов, которые прошел рабочий класс, прежде чем он смог приступить к строительству социалистического общества.

Рабочий сегодня — активный участник социалистического строительства, творец нового общества, новой культуры и быта. Каждый на небольшом участке своей работы принимает участие в решении тех огромных задач, которые возложены историей на рабочий класс. Рабочий должен знать, как росла и развивалась вся партия в целом, как работали отдельные отряды этой большой организации; он должен знать революционные традиции своей фабрики, своего завода и на этих традициях воспитывать все новые слои рабочих, вовлекаемых в развертывающуюся промышленность советского государства. Само собой разумеется, что история районной организации, фабричной ячейки нашей партии, является лишь небольшой частицей истории всей партии в целом; она показывает определенный участок этой большой истории, показывает ее на примере своего района, своего предприятия. Рабочий узнает, как участвовали в великой пролетарской борьбе те, которые работали на известной ему фабрике, как они организовывали рабочих для борьбы в небольшие группки сознательных передовиков-подпольщиков; как те самые большевики, которые всегда в трудные минуты оказывались главарями, руководителями, стойкими борцами за рабочее дело, сейчас заняты организацией производства, налаживанием социалистического хозяйства, продолжая в этих новых условиях решать историческую задачу рабочего класса.

В сознании необходимости помочь рабочим нашего (Бауманского) района ознакомиться с прошлой революционной жизнью в районе, с работой большевистской организации, районный комитет ВКП(б) занялся собиранием соответствующих документов, материалов и воспоминаний.

Далеко не все имеющиеся материалы по размерам сборника могли быть напечатаны. Собранные материалы

использованы для составления кратких очерков, все же дающих более или менее ясную картину. Здесь восстановлено участие ряда фабрик и заводов нашего района в революционной борьбе, восстановлены имена товарищей, деятельность которых связана с революционной борьбой в районе; восстановлены некоторые документы из далекого революционного прошлого нашего района (листовки Лефортовского районного комитета и других подпольных партийных организаций и другие „нелегальные" документы). Мы надеемся, что эта работа окажет помощь рабочим нашего района при изучении истории нашей партии, внося конкретные образы в описание больших исторических событий прошлого; мы полагаем, что эта работа даст известный толчок ячейкам ВКП(б) в нашем районе, теперь выросшим в большую и мощную большевистскую организацию, заняться основательным собиранием материалов по революционному движению среди рабочих своей фабрики, своего завода.

Гужон и Мусси, бывшие владельцы шелкоткацкой фабрики им. Щербакова (ранее ф-ка Шелкового т-ва в Москве), вели у себя дневник под названием „О влиянии революционого движения на рабочих ф-ки Шелкового т-ва в Москве". Им, „культурным капиталистам", это нужно было для того, чтобы „культурнее" вести борьбу против рабочих, „по-европейски" душить рабочие организации. Рабочим Советского Союза, знающим и геройскую баррикадную борьбу за установление диктатуры пролетариата, и годы гражданской войны, и кропотливое каждодневное участие в строительстве социалистического хозяйства, в строительстве своего пролетарского государства, фиксировать историю нужно для того, чтобы тем успешнее помочь рабочим понять революционный социалистический характер нашего строительства, чтобы тем лучше воспитывать молодежь на революционных традициях прошлого.

В составлении настоящего сборника принимали участие тт. Ангарский, Н. (под его редакцией тов. Коган написаны I и II главы), Вегер, В. (глава III), Маневич, В. (гл. IV, VIII, IX; собраны материалы X и XI глав), Розенштейн, М. (гл. V, а), Базанов (гл. V, б), Никифоров, Н. (гл. VI), Цихон, А. (гл. VII).

Сборник редактирован коллегией в составе товарищей: А. Цихона, А. Ширина, В. Маневича, В. Сафронова, Г. Камкова, В. Вегера, А. Фролова и А. Кузнецова.

Просьба к читателям прислать свои замечания и дополнения к материалу сборника в Бауманский райком ВКП(б).

Бауманский районный комитет ВКП(б).

I. ОТ КРУЖКОВ К ПАРТИИ.

Рабочее движение 80—90-х годов в Бауманском районе

С середины 80 годов, после образования за границей социал-демократической группы „Освобождение труда", начали возникать социал-демократические кружки в России; первоначально эти кружки состояли из интеллигентов, изучавших марксизм, и лишь позднее члены кружков стали вести социал-демократическую пропаганду в рабочей среде. В безотрадные времена 80-х годов эти небольшие рабочие кружки были единственным зародышем будущей массовой пролетарской партии.

Эти общие для всей России явления характерны и для Москвы, где начиная с 70-х годов давало себя чувствовать стачечное движение.

Нынешний Бауманский район является одним из самых старых промышленных районов Москвы; стихийное стачечное движение 70-х годов не могло не коснуться района. В 1878 г. вспыхнула в вагонных мастерских Курской железной дороги одна из наиболее ранних экономических забастовок.

4 мая 1884 г. бастовала табачная фабрика Бостанжогло (ул. К. Маркса, д. № 20, где теперь помещается райком ВКП(б). Рабочие фабрики, в числе около 500 человек, недовольные неправильными действиями нового мастера, прекратили работу и потребовали расчета. На фабрику прибыла полиция, было арестовано 52 человека, но забастовка продолжалась, и фабрикант вынужден был пойти на уступки. В 1888 г. были обысканы и арестованы за участие в нелегальных кружках весовщик фабрики Бостанжогло Василий Колонистов, слесарь фабрики Зелига (ныне фабрика Мостри-

котаж № 11) Василий Филев и ткач Е. Д. Синяев, принимавший и позднее участие в революционной борьбе.

Забастовки 70-х—80-х годов носили весьма стихийный характер. Разрозненные рабочие кружки, хотя и не создали в районе сколько-нибудь заметной рабочей организации, все же подготовили немало спропагандированных народническими идеями рабочих, которые впоследствии были деятельными работниками при новом уже социал-демократическом подъеме движения.

Этими работниками не замедлил воспользоваться первый марксистский кружок, возникший в Москве зимой 1891—1892 г. и известный под именем кружка Винокуровых или—еще чаще—кружка С. И. Мицкевича. Кружок Мицкевича приступил к непосредственной пропаганде лишь осенью 1893 г., из числа его членов выделилось шесть человек. Надо отметить, что деятельность этих первых революционеров-марксистов не ограничивалась одним каким-либо районом; они использовывали все возможности для установления связей с рабочими и для организации кружков; помощь в этом отношении им оказали рабочие, участники былых народнических кружков и кружков самообразования; в нашем районе выделился, как организатор, рабочий-токарь завода Вейхельдта[1]) Константин Бойе. Связи среди рабочих района были установлены также через Андрея Карпузи, интеллигента, поступившего на тот же завод Вейхельдта в качестве слесаря. С их помощью организовано было несколько кружков. Занятия кружков состояли, главным образом, в ознакомлении с учением Маркса, причем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни; развивалась мысль о конечной цели рабочего движения—о социализме—и доказывалась необходимость завоевания политиче-

Ф. Ф. Бойе.

[1]) Впоследствии военно-промышленный завод, теперь там клуб им. Кухмистерова, Гороховская ул.

ской свободы, которое может быть осуществлено только рабочим классом.

Участниками кружков распространялась среди рабочих нелегальная литература; некоторые из брошюр печатались за границей группой „Освобождение труда“, другие же составлялись членами кружка и раздавались в гектографированном или рукописном виде. На ряду с изучением марксизма кружковцы вели и массовую агитацию. С этой целью устраивались небольшие собрания—„летучки“ в рабочих квартирах, а летом за городом, выпускались и вывешивались в местах скопления рабочих особые листки, где описывались столкновения с администрацией на заводах. Первый такой листок, изданный в феврале 1894 г., был обращен к рабочим завода Вейхельдта, по случаю предполагавшейся стачки на заводе.

Деятельность „Московского рабочего союза“ в районе

Широкая волна стачек, прокатившаяся по промышленным районам России (Петербург, Харьков, Ростов и др.) в 1893 г., требовала перехода от „кружковщины“ к более организованным формам работы. В 1895 г. образовался „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“.

В Москве число кружков росло, и все они действовали разъединенно; только пропагандисты одного и того же завода составляли так называемый заводский кружок. Наш район стал местом создания первой социал-демократической организации в Москве. Собрания вновь созданного „Центрального рабочего союза“ происходили на квартире рабочего К. Ф. Бойе на Немецкой, теперь Бауманской улице (дом № 23).

В апреле 1894 г. состоялось первое собрание, на котором присутствовали представители от многих московских кружков. Из нашего района там были представители завода Вейхельдта, фабрики Михайлова, фабрики Филиппова.

С возникновением союза появилась и первая нелегальная социал-демократическая типография, которая поместилась на Садово-Черногрязской ул., в квартире Спонти.

Для работы среди женщин осенью 1894 г. образовался особый женский кружок пропагандисток. Члены кружка поступали учительницами в воскресные школы и там устанавливали связи с ткачихами и модистками. Одна из таких

воскресных школ, на Ново-Басманной улице, оказала большую помощь в деле вовлечения рабочей молодежи в социал-демократическую партию.

Дело шло без особых помех со стороны полиции до осени 1894 г.; в ноябре началась слежка за интеллигентами-пропагандистами кружков, а в декабре 1894 г. все интеллигенты — члены первого центрального марксистского кружка, кроме М. Н. Мандельштама-Лядова [1]), были арестованы. Кружок пополнился студентами Московского университета и Технического училища; в 1894 г. из техников вошли в союз братья А. К. и В. К. Масленниковы и Евгений Лакур, которые печатали листовки, хранили шрифт у себя на квартире и выполняли другие задания союза.

В апреле 1895 г. Центральным рабочим союзом были выпущены целых три листка по поводу празднования 1 мая; 30 апреля в воскресенье состоялась первая маевка, на которой собралось около 200 человек. На маевке выступали Мартын Мандельштам (Лядов), рабочий Федор Поляков и Карпузи. Настроение собравшихся рабочих было весьма приподнятое, и после окончания речей впервые громко на сходке были пропеты „Марсельеза“ и „Дубинушка“.

Некоторые из массовок стали устраиваться в Анненгофской роще [2]). Две таких сходки, 28 мая и 4 июня, состоялись на берегу Яузы. На майских и июньских сходках тщательно обсуждался вопрос об организации рабочей кассы. Работа, казалось, все развивалась, но сходки были прослежены полицией, вожаки были сфотографированы, полицией было установлено перемещение нелегальной типографии союза из Москвы в Мытищи, и Центральный рабочий союз потерпел новый удар; в ночь с 9 на 10 июля 1895 г. были вновь арестованы все интеллигенты, принадлежавшие к организации. Охранка оставила на свободе принадлежавших к союзу рабочих, хотя и знала их, чтобы по их следам выловить всех вожаков движения.

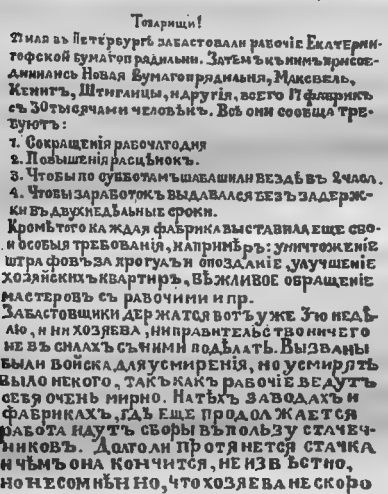
Несмотря на аресты, работа союза продолжалась; выпущенные им прокламации появлялись то на одном, то на другом заводе. 15 августа были обнаружены полицией

---

[1]) Ныне ректор Коммунистического университета им. Свердлова.

[2]) Теперь площадь перед Красными казармами в Лефортове.

прокламации союза на фабрике б. Мусси (ныне Шелкоткацкая фабрика им. Щербакова), в ноябре были доставлены в полицию прокламации, которые были наклеены на доме управы в Преображенском. С осени 1895 г. жандармское управление приступило к арестам, всего было арестовано несколько десятков человек—весь центральный рабо-



Товарищи!

Уже въ Петербургѣ забастовали рабочіе Екатерингофской бумагопрядильни. Затѣмъ къ нимъ присоединились Новая Бумагопрядильня, Максвель, Кенигъ, Штиглицы, и другія, всего 17 фабрикъ съ 30 тысячами человѣкъ. Всѣ они сообща требуютъ:

1. Сокращенія рабочаго дня
2. Повышенія расцѣнокъ.
3. Чтобы по субботамъ шабашили вездѣ въ 2 часа.
4. Чтобы заработокъ выдавался безъ задержки въ двухнедѣльные сроки.

Кромѣ того каждая фабрика выставила еще свои особыя требованія, напримѣръ: уничтоженіе штрафовъ за прогулъ и опозданіе, улучшеніе хозяйскихъ квартиръ, вѣжливое обращеніе мастеровъ съ рабочими и пр.

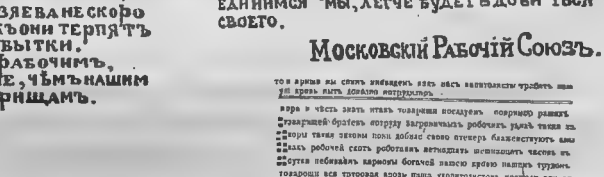
Забастовщики держатся вотъ уже 3-ю недѣлю, и ни хозяева, ни правительство ничего не въ силахъ съ ними подѣлать. Вызваны были войска для усмиренія, но усмирять было некого, такъ какъ рабочіе ведутъ себя очень мирно. Натѣхъ заводахъ и фабрикахъ, гдѣ еще продолжается работа идутъ сборы въ пользу стачечниковъ. Долго ли протянется стачка и чѣмъ она кончится, не извѣстно, но несомнѣнно, что хозяева не скоро ее забудутъ, такъ какъ они терпятъ отъ нея громадные убытки.

Намъ, московскимъ рабочимъ, живется ничуть не легче, чѣмъ нашимъ петербургскимъ товарищамъ.

И насъ хозяева заставляютъ за грошовую плату работать до полнаго изнеможенія. И у насъ пускаются въ ходъ разныя уловки, чтобъ урвать что нибудь изъ этого скуднаго заработка. Жаловаться намъ некуда—инспектора насъ не хотятъ и слушать. А какъ заботится о насъ правительство, видно хотя бы вотъ изъ чего. На фабрикѣ Максвеля инспекторъ, убѣждая рабочихъ прекратить стачку, заявилъ, что правительство уже обсудило законъ о сокращеніи рабочаго дня и что осталось только его подписать. На вопросъ рабочихъ, когда же его подпишутъ, онъ отвѣчалъ: не раньше, чѣмъ года черезъ два.

Облегчить свою тяжелую участь, товарищи, мы можемъ только сами, собственными силами, начавъ борьбу противъ хозяйскихъ притѣсненій. Теперь для этого время самое удобное. Если бы и въ Москвѣ устроилась такая же общая стачка, какъ въ Петербургѣ, то хозяева, напуганные питерской стачкой, теперь скорѣе, чѣмъ въ другое время могутъ намъ уступить. Да и нашимъ петербургскимъ товарищамъ, если къ нимъ присоединимся мы, легче будетъ добиться своего.

Московскій Рабочій Союзъ.



Воззвание доставлено в полицию в ноябре 1895 г. в 12 экземплярах и хранилось в делах охранного отделения. По документам охранки, „эти воззвания были расклеены 26/XI ночью в районе расположения значительного числа фабрик и заводов 2-го участка Лефортовской части, на заборах и домах“.

чий кружок и много рабочих из организации; из видных работников в нашем районе были арестованы Ф. Ф. Бойе, его брат и сестра М. Ф. Бойе; 6 ноября был арестован слесарь завода Вейхельдта А. Богомолов, передавший, по сведениям полиции, другому рабочему два гектографических листка под заглавием „Разговор двух фабрикантов“ и „Столковались — у фабричного инспектора“.

Однако, даже такой большой разгром союза не остановил работы. Уже поздней осенью 1895 г. оставшиеся на свободе рабочие образовали несколько новых кружков; некоторые из них поддерживали связь с интеллигентами, другие же действовали совершенно самостоятельно и без помощи интеллигентов выпускали свои листки. 26 ноября в фабрично-заводских кварталах Лефортовской части были наклеены воззвания, призывающие рабочих добиваться сокращения рабочего дня:

„Товарищи, мы спим и не видим, как нас капиталисты грабят, нашу кровь пьют. Довольно, потрудились, пора и честь знать. Итак, товарищи, последуем примеру наших товарищей, братьев по труду, заграничных рабочих... Товарищи, ведь мы братья между собой, забудем ссоры, вздоры, будем соединяться, оснуем кассы, и сообща на врага; или беремся за руки просить короткого рабочего дня. Товарищи, просыпайтесь, пора начинать мстить. Кровь за кровь. Рабочие всех стран, соединяйтесь!“ [1])

Воззвание было составлено и отпечатано малограмотным рабочим-типографом Р. Наумовым, не имевшим в своем распоряжении даже клея; на оборотной стороне листка сохранились следы хлеба, которым он и был приклеен к стене.

Одновременно возродились и кружки интеллигентов, пытавшиеся возобновить старые и установить новые связи с рабочими. Из них следует отметить два кружка: один, известный под именем кружка П. Колокольникова и Б. А. Кварцева, другой — В. Н. Батурина и А. Финна (Енотаевского).

Из членов первого кружка больше других работали: П. Колокольников — среди рабочих Измайловской мануфактуры и фабрики Филиппова, Величкин — среди рабочих железоделательного завода Вейхельдта; большую помощь по части связей с рабочими оказала им М. Бойе.

Во второй группе участвовали студенты Технического училища А. Ящнов и др. В начале 1896 г. оба московских кружка слились и образовали центральную группу Москов-

---

[1]) „На заре рабочего движения в Москве“, сборник под ред. Н. Овсянникова. М. 1919 г., 91 стр.

ского рабочего союза. В течение короткого времени Московский рабочий союз охватил своим непосредственным влиянием около 1000 рабочих разных районов Москвы; из рабочих нашего района активно участвовали в работе нового союза Николай Смирнов (Измайловская мануфактура), Осип Васильев (ф-ка Филиппова) — оба присутствовали на втором собрании центральной группы, Д. Малинов (завод Вейхельдта), сидевший в тюрьме по делу Мицкевича.

Московский рабочий союз устраивал нелегальные типографии, выпускал прокламации, в январе 1896 г. послал адрес французским социалистам к празднованию 25-летия Парижской коммуны, делегировал своего представителя на Лондонский социалистический конгресс. К весне 1896 г. число членов союза значительно увеличилось, образовались новые стачечные кассы, делались попытки слияния отдельных касс, выпускались гектографированные листки по поводу стачек.

Влияние пропаганды Московского рабочего союза чувствовалось в стачечном движении рабочих: еще при первой группе в январе 1895 г. отмечена стачка 200 рабочих ф-ки Дюфурмантель (ныне им. III конгресса Профинтерна), потребовавших введения поденной оплаты. 6 марта 1896 г. забастовали 45 рабочих завода Вейхельдта, вследствие понижения заработной платы; у одного из забастовавших, Ф. Г. Мартехина, была отобрана брошюра „Первое мая“, а сам он был арестован. Под руководством союза была сделана попытка провести и политическую забастовку; в мае 1896 г., во время коронации Николая II, рабочие Газового завода пытались прекратить выпуск газа для иллюминации Кремля и даже сделали опыт во время одной пробной иллюминации. Союз тщательно собирал все сведения о злоупотреблениях администрации, не упуская повода для призыва рабочих к выступлениям; отметим, в частности, воззвания к рабочим Измайловской и Филипповской фабрик.

3 июля 1896 г. рабочие Московско-Курской железной дороги прекратили работу и выставили ряд требований; стачка закончилась удовлетворением всех требований рабочих. Первым изданием нового рабочего союза, к которому примкнули А. Бриллинг и другие студенты-техники, рабочие Лавров, Прохор Зотов,—была брошюра „Стачка рабочих

на Московско-Курской железной дороге", за нею последовал ряд других воззваний. Последнее собрание организации состоялось на квартире студента-техника А. Р. Бриллинга 10 ноября 1896 г. В ночь на 11 ноября последовали новые аресты.

Усилиями Зубатова история рабочего движения в Москве превратилась в непрерывную „историю провалов", но и на этот раз Рабочий союз не умер. Основным ядром третьей группы Рабочего союза 1896 г. были студент Московского университета Алексей Никитин и студенты Технического училища Константин Батурин и А. Финн.

24 ноября 1896 г. на заводе Вейхельдта, где со времени кружка Мицкевича уже имелось ядро сознательных рабочих, была найдена прокламация за подписью „Рабочий союз". В первых числах декабря кружок Финна и Батурина был ликвидирован полицией, при чем при обыске у Батурина найден был склад нелегальной литературы и рукопись программы „боевой организации" рабочих. Дело по обыкновению закончилось „высочайшим повелением". Батурин был выслан на 2 года, а А. Финн на 3 года под гласный надзор полиции в Вятскую губернию.

На фабриках и заводах

1897 год в Москве был временем усиленной борьбы рабочих за сокращение рабочего дня и за увеличение заработной платы. Первыми выступили рабочие завода б. Доброва и Набгольц в Замоскворечьи (теперь им. Калинина) и рабочие фабрики Мейера на Хапиловской, ныне завод Маштреста № 8. 3 января 1897 г. одновременно на этих двух предприятиях появились рукописные плакаты, приглашавшие требовать $9^1/_2$-часовой рабочий день и уплату заработка 2 раза в месяц. 20 марта рабочие Газового завода потребовали увеличения платы за работу в праздники; инженеру удалось успокоить рабочих обещанием снестись с администрацией завода; днем позже рабочие чулочной фабрики Демина (где теперь помещается научный авто-моторный институт—НАМИ) избрали делегатов для предъявления требований об окончании работы в субботу не в 7, а в 6 часов.

11 мая рабочие завода Ширмера (ныне „Красный мыловар") потребовали прибавки жалованья; из боязни стачки хозяин прибавил им $2—2^1/_2$ р. в месяц, но вернул свои деньги перед Пасхой, не выдав рабочим наградных.

13 июня забастовка вспыхнула на резино-ткацкой фабрике Зелига (ныне фабрика Мострикотаж № 11). Требование рабочих о прибавке было удовлетворено.

Стачечная борьба захватывала все большее количество рабочих, но она редко кончалась победой рабочих, в ней не было планомерности и правильной организации. Таким организационным аппаратом не мог явиться образовавшийся после ареста Батурина и его товарищей кружок Рыкачева. Кружок составился, преимущественно, из окончивших техническое училище— Николая Рыкачева, вскоре покончившего жизнь самоубийством, Владимира Хатунцева (пропагандист под кличками „Степан Степанович“ и „Александр Александрович“), и из студентов этого училища—Н. Н. Вашкова (издательская работа), И. С. Бабаджана и Каммера (техническая работа), Вацлава Воровского, Демида Карагодина, А. Ф. Кабакова, И. А. Юрьева и А. Бриллинга. Они возобновили старые связи, в первую очередь с Измайловской мануфактурой, где работал Николай Трусов, уже дважды привлекавшийся к ответственности за революционную пропаганду. Новый кружок наладил получение нелегальной литературы из-за границы, завел печатные машинки и небольшой мимеограф для печатания листовок. Кружок просуществовал недолго.

18 апреля и в первых числах мая было „изъято из обращения“ до 70 человек интеллигентов и рабочих. Частые провалы вели к тому, что рабочие остерегались вступать в кружки, да и сами организации опасались наскочить на провокатора. Выступления же рабочих продолжались и во второй половине 1897 г.

15 сентября рабочие фабрики Ронталлер (ныне им. Балакирева), в числе 70 человек, прекратили работу в ответ на понижение расценков и были уволены.

13 октября рабочие фабрики Грессар (была раньше, где теперь клуб завода Стеол) грозили забастовать, не согласившись переселиться на вольные квартиры. 20 октября 385 рабочих фабрики Беляева (Преображенская площадь, Беляевские казармы, ныне общежитие), собравшись у конторы, потребовали увеличения сдельной оплаты; получив решительный отказ, принуждены были вновь стать на работу; 8 декабря рабочие фабрики Зелига потребовали оста-

вления получасового перерыва на чаепитие; хозяин согласился, но заставил кончать работу не в 7, а в $7^1/_2$ часов.

Осенью 1897 г. в Москве появились новые социал-демократические кружки Розанова и Дубровинского.

Кружки самообразования продолжали возникать и среди фабричных рабочих, несмотря на тяжелые для партийной работы условия жизни, изнурительную работу по 16 часов в сутки, неусыпное наблюдение за общими спальнями, невозможность собираться. Стремление организоваться, двинуться всей массой против фабрикантов, было в то время сильное, но уменья проделать все это еще не было.

Новые аресты кружка Розанова и Дубровинского в конце 1897 г. и последовавшая за ними ликвидация Московского рабочего союза временно оставила рабочие кружки без интеллигенции; рабочим „приходилось все придумывать своими мозгами", популярной литературы почти не было — приходилось довольствоваться чтением „Спартака", „Один в поле не воин" Шпильгагена, сборника „Социал-демократ" и Эрфуртской программы. Из кружков самообразования, возникших в 1898 г. в районе, отметим кружки на мебельной фабрике Малыжева в Благуше (организатор — рабочий В. П. Бычков), у Гакенталя (ныне „Манометр" — Сыромятники), у Грессара, Вейхельдта и, наконец, самый большой — на фабрике Дюфурмантеля. Организатором его был И. Н. Смирнов. После того как образовалось основное ядро, Смирнов стал привлекать новых членов из числа молодых рабочих, казавшихся ему наиболее подходящими; одним из таких членов кружка был В. Косырев (ныне работает в Главном хлопковом комитете), бывший тогда еще мальчиком. Кружок разросся, количество его членов достигло 40 человек; идейным руководителем кружка был рабочий Саеронов, считавший себя учеником революционера-профессионала из рабочих, Прохора Зотова, известного нам по кружку Батурина. Штабом кружка была квартира И. Н. Смирнова; здесь участники кружка читали попадавшую в их руки нелегальную литературу и спорили о судьбах будущей революции; иногда заседания переносились в Анненгофскую рощу. Кружок обзавелся недурной библиотекой и начал устанавливать связь с рабочими других фабрик: Доброва и Набгольц в Замоскворечье, Гужона и Бромлея — в Рогожском районе

Вейхельдта, Грессара и Гакенталя у нас; связь с кружками поддерживалась, главным образом, через токаря завода Гакенталя, Шумкина, ставшего позднее революционером-профессионалом.

От образования партии до первой революции

Необходимость самой строгой конспирации не давала возможности стянуть разрозненно работавшие московские кружки и вокруг новой социал-демократической организации—„Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса". Революционная работа, однако, продолжалась. Состоявшийся весной 1898 г. первый съезд РСДРП укрепил идейную связь между отдельными организациями, отныне все они считали себя отрядами единой рабочей партии. Из образовавшейся в Москве при первом комитете партии группы активных работников наиболее тесно связался с кружком фабрики Дюфурмантеля А. В. Луначарский, поддерживавший связь через одного из членов кружка, Королькова. Провал агитаторской группы в апреле 1899 г. вновь нарушил только что налаживавшиеся связи. В июле прекратил свое существование и кружок у Дюфурмантеля. 3 июля был арестован организатор кружка И. Н. Смирнов, 5-го—В. Косырев и некоторые другие. Кружок рабочих фабрики Малыжева также не избежал провала — из 12 членов кружка полицией было арестовано 7 человек.

Одним из легальных средств для связей с рабочими оставались вечерние и воскресные курсы; в 1900 г. в нашем районе такие курсы помещались на Новой Басманной, в доме церкви Петра и Павла. Преподаватели курсов, связанные с социал-демократической организацией, подбирали специальные группы из учеников, среди которых можно было вести пропаганду. С весны 1901 г. этими группами стали устраиваться под видом экскурсий собрания в Богородском лесу и в Черкизове. По воспоминаниям одного из слушателей этих курсов Я. И. Старостина, работавшего тогда на заводе Дангауэр и Кайзер (ныне „Котлоаппарат"), пропагандистами вновь зародившегося кружка были Фридрих Эрнестович Фроденбург, Анна Васильева и некоторые другие. Иногда полиция узнавала о собрании, и собравшимся приходилось разбегаться по лесу.

Несомненно, многие из существовавших тогда кружков остались неизвестными, о некоторых организация узнала лишь после их провала. Один из таких маленьких кружков продолжал существовать после провала 1899—1900 гг. на фабрике Малыжева; в 1901 г. на этой фабрике под руководством одного из членов кружка, Р. О. Волынкина, проведена была забастовка, кончившаяся удовлетворением всех требований рабочих: был повышен расценок за работу, стали платить за прогульные по вине фабрики дни, сократили рабочий день с 14 до 11 часов. Успех забастовки дорого достался ее организаторам: они были уволены, и кружок распался.

Зубатовщина

В эти годы получили довольно широкое распространение зубатовские организации. Еще с 1898 г. московские власти стали насаждать „полицейский зубатовский социализм".

„Борьба за пятачок" все больше толкала рабочих в организованные Зубатовым „общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве", такие же общества вспомоществования рабочих в текстильном производстве, в пуговичном производстве и др. Для привлечения рабочих регулярно устраивались лекции в Историческом и Политехническом музеях, а также по районам, — по вторникам такие лекции читались в Покровском районе. В нашем районе довольно значительную роль играл зубатовец Белов, из рабочих пуговичной фабрики Вентцели. Одна из касс „вспомоществования" зубатовской полиции поместилась в Введенском народном доме (теперь Рабочий театр). В обществах избирались так называемые „советы рабочих", а на самом деле советы агентов охранного отделения, которые держали Зубатова в курсе того, что делалось в рабочей среде; на всех рабочих собраниях присутствовала полиция, малейшая критика правительства вызывала преследования выступавшего. Арестуя и высылая более сознательных рабочих, зубатовская организация пыталась убедить малосознательную массу в том, что правительство и полиция о них заботятся: при содействии „совета" рабочие устраивали стачки и предъявляли ряд требований. Фабриканты, зная про связь касс вспомоществования с охранным отделением, иногда шли на уступки;

так было, например, у Вейхельдта, где рабочим разрешили уходить с завода без обыска. Не всегда, однако, дело улаживалось мирным путем. Особенно большое противодействие встретила стачка, организованная зубатовцами в нашем районе, на фабрике б. Т-ва шелковой мануфактуры — Мусси и Гужона. Около 1000 человек рабочих расторгли договор с правлением и оставили работу, предъявив следующие требования: 1) уплату ткачам 25% на заработанный рубль, с Пасхи 1901 г. по Пасху 1902 г., за все прогульное время ткачей по вине фабрики; 2) оставление на фабрике ткачей Макарова и Синицына, которым был объявлен расчет.

Эта стачка, о которой сохранились подробные материалы, интересна тем, что послужила поводом для пересмотра царским правительством своего отношения к зубатовским мероприятиям. Гужон и Мусси, владельцы фабрики, подняли большой шум по случаю стачки, завели переписку с министром финансов Витте, обратились за защитой к французскому послу. Правительство не на шутку испугалось размаха рабочего движения; переписка Витте с Сипягиным (министром внутренних дел), Сипягина с Сергеем Александровичем (моск. ген.-губернатором) требовала энергичной борьбы с рабочим движением, вместо попытки Зубатова ввести движение в полицейские рамки. Что собою представляли „рабочие вожди“ Зубатова, прекрасно видно из письма тогдашнего председателя зубатовского союза текстильщиков, Ф. Жилкина, к директору фабрики. Поддержав забастовку, втянув рабочих в борьбу, он с наглым цинизмом предателя сообщает через несколько месяцев, когда стачка была проиграна, директору фабрики, что он хочет „очистить свое сердце“, „снять с себя тяжелый камень“, что он действовал по наущению царских жандармов, и выдает с головой всех рабочих, поддержавших забастовку.

Немало честных рабочих пострадало от таких провокаторов, как этот „полицейский забастовщик“ Жилкин. Большинство забастовавших разъехалось по домам; оставшиеся стачечники, около 300 человек, держались стойко. „Совет“ выдавал им пособие в 250 руб. в неделю и даже снял для их расквартирования пустую фабрику, когда правление потребовало немедленного очищения фабричных спален.

Представители совета, зубатовцы Жилкин и Красивский, вели переговоры, с фабрикантами, настаивая на удовлетворении требований, но ничто не помогало—даже угрозы Трепова наложить усиленный штраф за нарушение обязательных постановлений и выслать директоров фабрики, как иностранных подданных, из России, не могли сломить упорство директора фабрики. Расчеты фабрикантов оказались правильными; царское самодержавие не могло изменить своей классовой сущности, министерство финансов поспешило защитить фабрикантов от „социалиста" Зубатова. Стачка закончилась крайне неудачно для забастовавших, рабочие увидели себя обманутыми и начали постепенно уходить из зубатовских организаций.

Недовольство своим положением все сильнее проявлялось и среди рабочих других фабрик и заводов. Частичные экономические завоевания рабочих брались назад, агитаторы высылались из Москвы, и зубатовские организации стали хиреть. Всеми этими действиями зубатовщина приводила рабочих к мысли о необходимости политической борьбы. На ряду с зубатовскими „кассами вспомоществования" стали постепенно возникать новые, социал-демократические кружки; один из таких кружков был организован в это время рабочим фабрики Ронталлер, Сазоновым, в сентябре 1902 г.; в состав кружка вошли А. Р. Сазонов, Смирнов, Камков, Селезнев, Федулов, Н. Д. Балакирев. Слежка и арест одного из технических работников, доставлявшего литературу для распространения по району, привела к распаду кружка в мае 1903 г., и он вновь возродился лишь через несколько месяцев, в августе того же 1903 г. К этому времени вечерне-воскресная школа была переведена с Новой Басманной на 2-ю Сокольническую улицу. Члены кружка, поступившие в школу, установили с помощью преподавательницы Е. Ефимовой и других связи с социал-демократической организацией. Организатором района был в это время Семен Канатчиков; ответственным пропагандистом и агитатором кружка, пополнившегося новыми членами из состава учеников, был Станислав Вольский. В кружке начались правильные занятия по политической экономии, и с конца 1903 г. кружок уже стал выделять организаторов из своей среды — Камкова,

Федулова, Балакирева, Смирнова,— которые связались с другими предприятиями района.

В Благуше роль рассадника революционной пропаганды выполняла чайная Первого московского общества трезвости, где всегда собирались фабричные рабочие (в числе их Я. Михайлов и С. Прохоров), снабжавшие товарищей прокламациями и брошюрами для раздачи на фабриках.

К весне 1903 г. московская организация окрепла и расширила свои связи с рабочими. Большинство кружков 1903 г. уже вело занятия под руководством партийных работников; пропагандист Московского комитета С. Черномордик (П. Ларионов) руководил пятью наиболее значительными кружками,—в один из них входили в большом числе рабочие-ронталлеровцы. Собрания кружка происходили на квартире одного из рабочих, в Рыкуновом переулке.

1903 г. был годом перелома в рабочем движении. Летом того же года в Измайловском зверинце была созвана общегубернская конференция рабочих кружков. Впервые все кружки Москвы выработали единый образ действий. Движение московских рабочих, под влиянием широкой волны стачек на Юге, особенно оживилось осенью 1903 г. Московские печатники, без помощи интеллигенции и независимо от зубатовцев, начали массовую экономическую борьбу с хозяевами типографий. Движение вылилось в форму организованной забастовки. В первый же день забастовки, 9 сентября 1903 г., проходя толпой по Кривоколенному переулку, они устроили летучий митинг, на котором выделившийся из среды рабочих оратор призывал всех держаться стойко до конца. Усилия зубатовцев овладеть движением печатников привели лишь к тому, что на ряду с легальным обществом вспомоществования рабочих возник нелегальный социал-демократический союз типографских рабочих.

После II съезда партии, несмотря на рост разногласий в партии, партийная работа в Москве не заглохла, а заметно развертывалась. Подпольные кружки появились на многих фабриках района: на Газовом заводе, Чаеразвесочной Губкина и Кузнецова (ныне Чаеуправления), фабрике Бостанжогло, Т-ва шелковой мануфактуры б. Мусси, чугуно-

литейном заводе Мейера, заводе Миллер-Фугельзанг на Благуше и других.

Весной 1904 г. в Измайловском зверинце часто устраивались митинги, привлекавшие большое количество рабочих. Митинги обычно заканчивались пением „Дубинушки“ и других революционных песен. Революционными центрами района были фабрика Ронталлер и Измайловская больница в Благуше, где с 1904 г. работала Е. Я. Рюмина. Партийная районная организация крепла и ширилась, к концу 1904 г. в районе был организован и районный комитет РСДРП (Лефортовский) в составе 9 товарищей: Орлов (он же Канатчиков)—ответственный организатор, Вольский Станислав (Соколов)—ответственный пропагандист, А. Ф. Смирнов, Н. Г. Камков и И. Д. Федулов (рабочие фабрики Ронталлера), Бабиков (завод Бонакера—Благуша), В. Коктин и Голубев (завод Гужон, входивший в наш район) и Андреев (мельница Эрлангер).

II. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1905 г.)

Революция 1905 г. в Бауманском районе

На фоне общего подъема рабочего движения, поражение царских войск в Японской войне поднималось революционное настроение рабочей массы, — районная партийная организация разрасталась. В начале 1905 г. Бауманский район делился уже на 4—5 подрайонов—Ронталлеровский, Лефортовский, Благушинский, Винно-технический, Басманный (Сыромятники тогда организационно были связаны с Рогожским районом, центральная часть современного Бауманского района входила в Городской район); участники уже известного нам кружка ронталлеровцев и явились организаторами подрайонов. Январский расстрел петербургских рабочих, вызвавший усиление стачечного движения, послужил еще бо́льшим толчком к развитию партийных организаций. Стачечное движение в Москве вспыхнуло в районе Замоскворечья; 10 января в 2 часа дня работа прекратилась на заводе Вейхельдта; 11 января забастовавшие рабочие сняли с работы рабочих соседних заводов — Газового завода, Гакенталя и Чаеразвесочной Губкина и Кузнецова. У ворот Чаеразвесочной был организован митинг, „и рабочие услышали отважные, зовущие слова представителя РСДРП о борьбе во имя класса, о кровожадности правительства, допустившего расстрел безоружных рабочих и призыв к забастовке протеста“ [1]). 12 января примкнули к стачке мастерские Московско-Курской ж. д.; в следующие дни, 13—14 января, к забастовке присоединился ряд других фабрик нашего района (Бостанжогло, б. Вентцели, Гумгаля),

[1]) „Путь к Октябрю“, вып. III, воспоминания П. Карпухина.

механический завод Фолька, аппретурная фабрика Дислен, Тимашевская фабрика (Бакунинская ул., № 71), фабрика жестяных изделий Бонакер (теперь там „Мастяжарт“), котельный завод Кудлинга, бахромная ф-ка Гордон (ныне Петровская ткацко-кружевная и трикотажная), ф-ка Пфейфер (ныне Семеновская красильно-аппретурная) и многие другие.

Январская стачка привлекла в партию новых рабочих; на некоторых заводах организация насчитывала до 15—20 человек, на фабрике же Ронталлер она достигала 70 человек. Подпольщики повели энергичную открытую работу по втягиванию рабочих масс в революционное движение, на предприятиях организовались социал-демократические ячейки—„комитеты“, как они тогда назывались, широко шло снабжение нелегальной литературой, количество пропагандистов увеличилось; в это время в Бауманском районе работали Станислав Вольский (В. Соколов), „Артем“ (проф. Горев) и многие другие. Вся работа в районе регулировалась районным комитетом, в состав которого входили ответственный организатор района [в мае—июне „Вера Ивановна“, в октябре—декабре „Алексей Иванович“ (Войткевич)], пропагандист и представители подрайонов. В распоряжении района и подрайонов был ряд квартир: штабом Винно-технического подрайона было общежитие Технического училища, в особенности квартира № 25, занятая Филипповичем, и квартира Маруси Скобеевой в самом здании Технического училища; штабом Ронталлеровского подрайона были квартиры в доме б. Фирсова (Бакунинская ул., № 69) и дом № 45 б. Эдуардова по б. Переведеновскому пер. [1]); временным центром Благушинского подрайона была чайная в конце Михайловской улицы (ныне им. тов. Щербакова, ближе к Зверинцу), которая была открыта большевиками совместно с меньшевиками, а также Измайловская больница, где велись постоянные занятия под руководством И. Н. Смирнова (кличка „Третьяков“) и других. Районные собрания устраивались в Пушкинской школе на 2-й Сокольнической ул. и в помещении профессионального союза пуговичников на Переведеновке в д. № 45 б. Правилова. Весной и летом началось устрой-

[1]) Воспоминания Камкова.

ство массовок и районных конференций в Анненгофской роще, Измайловском зверинце и в Баулинском лесу близ Перова; открытые массовки привлекали рабочих, не связанных раньше с партийной организацией. Дело не всегда обходилось без жертв; 8 июля 1905 г. разъезд казаков открыл место митинга в Измайловском зверинце и вступил в перестрелку с дружинниками, из коих четверо было ранено.

Под руководством районной организации партии был проведен ряд экономических забастовок в районе, в чаеразвесочной Губкина и Кузнецова, у Гакенталя и других, кончившихся в пользу рабочих. Производство за производством втягивалось в разрастающуюся забастовочную борьбу. Вслед за фабричным пролетариатом района поднялись и торговые служащие.

В мае началось движение среди приказчиков в районе Лубянского проезда, Маросейки и Земляного вала. К ним примкнули приказчики соседних улиц. 9 мая около 200 человек забастовавших пытались устроить митинг на Лубянском сквере, но были разогнаны полицией; требования приказчиков, однако, были удовлетворены.

Широкое стачечное движение привело к организации профсоюзов — московских булочников, приказчиков, торгово-промышленных служащих. Политические лозунги становились все более популярными в рабочей среде.

По определению работника этого периода тов. С. Черномордика, „все было готово к всеобщей забастовке: и политические условия (поражение царизма на Дальнем Востоке), и возбуждение масс, и значительное укрепление рабочих организаций и партийных с.-д. организаций". Аудитории московских высших учебных заведений превратились в места постоянных митингов и рабочих собраний. 29 сентября в Бауманском районе в Межевом институте на Гороховской состоялся грандиозный политический митинг, на котором собралось до 4000 человек. Выступавший докладчиком проф. Н. А. Рожков был награжден шумной овацией аудитории. С 6 октября шли беспрерывные митинги и в Техническом училище.

Штаб МК РСДРП(б) перешел в помещение Высшего технического училища, и оттуда, из глубины Лефортова, руководил московским рабочим движением.

Всеобщая октябрьская стачка

Сигналом к всеобщей политической забастовке явилось прекращение движения на Казанской железной дороге 7 октября 1905 г. Через 3 дня — 10 октября — в Красно-пресненском районе в Инженерном училище на Бахметьевской была созвана межрайонная конференции московской организации РСДРП(б); на конференции собрались все фабрично-заводские комитеты Москвы, или, по современному обозначению, фабрично-заводские ячейки партии. Представителями Бауманского района были Федулов, Камков, Н. Д. Балакирев, А. Ф. Смирнов, П. Королев и Зеленцов, служивший бухгалтером на винном складе [1]). На конференции была принята резолюция начать забастовку 11 октября в 12 ч. дня.

На другой день улицы нашего района огласились звуками тревожных гудков и свистков. Как было решено заранее, первыми забастовали фабрики, расположенные в Винно-техническом подрайоне, близ Лефортовской части, куда в то время было стянуто значительное количество полиции, сотня или две казаков и драгун. По замыслу организаторов, эти фабрики должны были оттянуть на себя все силы полиции и дать возможность другим подрайонам спокойно провести забастовку. Винно-технический подрайон прекрасно выполнил возложенную на него задачу: но дело, конечно, не обошлось без жертв, — несколько рабочих было тяжело ранено [2]).

В Ронталлеровском подрайоне сигнал к забастовке был дан фабрикой Ронталлер. Ронталлерцы высыпали на улицу и отправились снимать с работы соседние фабрики, которые не решались самостоятельно забастовать. Снимать было не трудно, – стоило забастовавшим рабочим подойти к фабрике, бросить для вида камень в простенок или окно, как находившиеся внутри здания рабочие заявляли, что они боятся, чтобы их не исколотили, и начинали выходить на улицу.

По воспоминаниям рабочего Ив. Петухова [3]), забастовавшие рабочие пошли по Покровской, теперь Бакунинской ул., к ним присоединились рабочие Тимашевской фабрики

[1]) Вечер воспоминаний участников 1905 г. Доклад Камкова.

[2]) Там же.

[3]) „Путь к Октябрю“, вып. III.

и др. Во время прохождения по Нижне-Хапиловской ул., через забор Корякинской фабрики (ныне ф-ка им. Маркова) перескочил рабочий, обратившийся к демонстрантам с призывом: „Товарищи, мы все работу приостановили, но заперты в стенах завода — выпустите нас из этого фабричного застенка“. Тотчас же посыпались дождем камни со стороны демонстрантов в дом фабриканта Корякина, бывшего руководителем „Союза русского народа“ и председателем союза

Группа участников революции 1905 г. в Бауманском районе. Слева направо: тт. Зеницкий, Кокин, Курбач, Старостин, Шиков, Чаков, Твердов, Камков, Федулов, М. Щербаков, Веселов, Петухов, Новиков.

фабрикантов. Корякин оказался крайне предусмотрителен: он заранее ввел к себе на фабрику человек 15 казаков для охраны „своих“ рабочих от крамолы. Но эта мера не достигла своей цели. Корякинские рабочие, завидев демонстрантов, чтобы присоединиться к ним, стали выскакивать из своих спален; часть перебегала задним двором через реку Яузу, часть перелезала через забор, а часть с помощью демонстрантов прорвалась через ворота. Далее, проходя по Н.-Хапиловской ул. (теперь Почтовой), демонстранты услышали тревожный свисток на мыловаренном заводе Ширмера (теперь „Красный мыловар“); по этому свистку рабочие ширмеровцы прекратили работу и присоединились к демонстрантам. После

этого демонстранты разбились на несколько частей и направились по различным улицам и переулкам, демонстрируя перед многими фабриками и заводами, рабочие которых, бросив работу, присоединялись к общему шествию, которое направилось на Введенскую площадь к Народному дому (теперь Бауманский рабочий театр), где был проведен митинг с пением „Марсельезы“ и „Варшавянки“. Напротив театра, на Носовской ф-ке (ныне „Освобожденный труд“), как и на Корякинской, рабочие были заперты в фабричных казармах. Дом фабриканта Носова (теперь „Рабочий дворец им. Ленина“) тоже подвергался каменной бомбардировке. На фабрику пришлось пробраться силой, пришли в машинное отделение и выпустили пары. Затем была задета и Кудряшевская фабрика (угол М. Семеновской и Барабанного пер. (ныне „Шерсть-сукно“).

Стачка захватила все фабрики района, никакие ухищрения полиции не могли удержать развития забастовки. 11 октября на заводе Вейхельдта рабочие оказались запертыми, подошедшая толпа забастовавших железнодорожников и рабочих близко расположенных фабрик открыла дверь и вейхельдтцы с радостными лицами высыпали во двор и смешались с пришедшими. На дворе открылся митинг, но он длился недолго — показались казаки, и началось побоище; многие были ранены, и среди них Б. А. Бреслав („Захар“), ответственный организатор боевых дружин.

Все фабрики стояли, и районный комитет во главе с ответственным организатором А. Ф. Войткевичем („Алексеем Ивановичем“) не замедлил использовать благоприятный момент для широкой агитации среди рабочих. В Техническом училище и в Межевом институте происходили беспрерывные митинги, аудитории были полны народа, выступавшие ораторы пользовались громадным успехом. Горячо приветствовали ораторов из рабочих, из которых особенно популярен был Балакирев.

В противовес политическому подъему рабочей массы поднимала голову и черная сотня. Не раз происходили столкновения рабочих с черносотенцами, и перед организацией встал вопрос о необходимости планомерной боевой подготовки. Стремление к приобретению оружия стало все сильнее проявляться и в широких слоях рабочих; на ми-

тингах устраивались массовые сборы на приобретение оружия, предпринимались иногда налеты на полицию для разоружения городовых, и началась усиленная вербовка в боевые дружины. Техническое училище стало штабом боевой организации: туда привозилось оружие, там круглые сутки несли дежурство отряды боевиков, подвал училища был использован как тир, в котором производилось обучение стрельбе.

Манифест 17 октября не только не остановил погромной деятельности черносотенцев, но даже усилил ее. На завтра после манифеста, 18 октября, пала первая жертва „свободы", погиб один из старейших работников партии Н. Э. Бауман (кличка „Грач"). В этот день во всех аудиториях Технического училища происходили митинги, утром стало известно о манифесте 17 октября, и главной темой дня был разбор царского манифеста. Выступавшие ораторы-большевики призывали не верить дарованным свободам и продолжать начатую борьбу.

Похороны Баумана

По постановлению Московского комитета РСДРП(б), решено было итти всем митингом к Таганской тюрьме. Торжественная демонстрация вышла из стен училища и направилась по Бригадирскому пер. Во главе демонстрации шел Н. Э. Бауман; дойдя до Немецкой (теперь Бауманской) улицы, он заметил толпу у фабрики Дюфурмантель, быстро взял у кого-то знамя и отправился на извозчике к собравшимся рабочим, чтобы призвать их итти вместе к Таганской тюрьме освободить политических заключенных. В это время наперерез ему у фабрики б. Щапова (ныне им. Осипа Звонкова) выскочил черносотенец Михалин—хожалый по спальням и нанес Бауману удар газовой трубой по голове. Тов. „Грач" больше уже не возвратился к демонстрации, тело его было перенесено в Техническое училище. Жуткое настроение охватило всех собравшихся вокруг трупа Баумана, выступила его жена и ряд товарищей; „казалось, призови сейчас на баррикады — и бросилась бы эта масса рабочих, наполнявших все время аудиторию" [1]).

20 октября были назначены похороны. С раннего утра в училище собралась боевая организация в составе около

[1]) „Пятый год", под ред. С. Черномордика.

400 чел. для того, чтобы охранять гроб. Вот как описывает похороны Н. Н. Мандельштам[1]). „Стройными рядами, со знаменем и венком, подходят фабрика за фабрикой, завод за заводом. Вот сразу идут большие колонны—прохоровцы, железнодорожники. Подошедшие колонны выстраиваются тут же в одну общую колонну и, когда вынесли гроб, по-

Похороны Н. Э. Баумана (20 октября 1905 г.) Начало процессии на Бригадирском переулке.

местив его на указанном нам месте, и тронулись — ни спереди не было видно начала колонны, ни сзади — ее конца. Шли чуть ли не шесть-семь часов через всю Москву, и нигде ни разу не была нарушена стройность колонны. Кладбище не могло вместить всех, пустили только делегации от каждого предприятия, и вся колонна оставалась стоять до окончания всей процедуры, и теми же стройными рядами вернулись в город". В демонстрации участвовало до 200 тысяч человек: это была крупнейшая по своим размерам демонстрация в России.

Со стороны черносотенцев сделано было несколько попыток спровоцировать демонстрантов — у Бригадирского пер., у церкви Богоявления (Елоховская площадь), — но расстроить

---

[1]) „Пятый год", под ред. С. Черномордика.

ряды им не удалось, полиции не было весь день; вечером же, когда незначительная часть боевой дружины из демонстрации подходила к Университету, где она собиралась оставить знамена, засевшие в манеже казаки без всякого для себя риска почти в упор расстреливали дружинников. Всего было ранено человек 200, убито 14.

Революционная волна октябрьских дней захватила также массу служащих почты и телеграфа. После манифеста возник Всероссийский почтово-телеграфный союз; заседания его московского комитета состоялись недалеко от почтамта в Чудовском, ныне Фокином пер., на квартире П. Н. Миллера, заведующего 5-й экспедицией почтамта; общие собрания служащих происходили в большинстве случаев в нашем же районе, в училище Фидлера и в так называемом Демидовом дворе или Старом почтамте (Мясницкая, 40).

Организация настолько окрепла, что в средних числах ноября в Москве был созван Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих, который регулярно собирался, несмотря на запрещение. Начавшиеся правительственные гонения — увольнение со службы членов союза, заставили съезд перейти к открытой борьбе.

15 ноября началась Всероссийская почтово-телеграфная забастовка; в 6 час. вечера этого дня, „после отправки смены, экспедиция и весь почтамт сразу опустели, все высыпали на улицу. Целые толпы служащих почтамта и телеграфа сосредоточились у центрального телеграфа, на Чистых прудах, по Мясницкой ул., по Тургеневской площади. Настроение было приподнятое. К 8 часам вечера мы целой вереницей направились на Смоленский бульвар, в тогдашнее С.-х. училище, где должно было происходить вечернее заседание съезда“ [1]).

Грандиозность развернувшегося массового движения потребовала иных форм работы, прежние подпольные районные организации не могли политически руководить всей восставшей массой рабочих, необходимо было создать в районе рабочий центр и этим еще теснее сомкнуть ряды пролетариата. В ноябре на всех предприятиях Лефортовского района начались выборы в районный совет рабочих

---

[1]) „Путь к Октябрю“.

депутатов [1]). „Все избранные в совет под пение „Марсельезы", сопровождаемые своими рабочими, направились в Введенский народный дом, где было назначено первое торжественное заседание районного совета рабочих депутатов. Вся Введенская площадь была занята рабочими, провожавшими своих депутатов, а здание театра было переполнено депутатами, которые приступили к выборам президиума; после избрания президиума было поднесено к столу президиума группой рабочих шелковое, золотом вышитое знамя с изображением солнечных лучей, как эмблемы приближения царства социализма, и лозунгом: „Долой самодержавие, да здравствует совет рабочих депутатов!", после чего председатель произнес потрясающую речь с призывом к борьбе, по окончании которой все рабочие депутаты поклялись бороться до конца своей жизни за знамя революции".

Подготовка вооруженного восстания

Всем было ясно, что дальнейшая борьба должна принять иной характер. Рабочие стали серьезно готовиться к вооруженной борьбе, на заводах началось изготовление самодельного оружия — кинжалы, короткие пики, палки с наконечниками. В районе образовалось несколько боевых дружин; у Ронталлера, Губкина-Кузнецова, Гакенталя, на заводе Мейера и на многих других. Возникло и несколько студенческих дружин Высшего технического училища, Лазаревского института. Обучение стрельбе происходило в Измайловском зверинце, в лесу, а также и в здании Технического училища. В конце октября в здании училища Фидлера (ныне в этом здании 40-я школа МОНО, уг. Мыльникова и Лобковского пер.) состоялось совещание боевых дружин. Из нашего района был один представитель, Иосиф Георгиевич Урысон, начальник боевой дружины Технического училища. Училище стало штабом боевых дружин не только социал-демократических, но и эсеровских; позднее при штабе находилось по два представителя от каждой дружины; в одной из зал училища велись занятия по обучению приемам стрельбы. Некоторое время этими занятиями руко-

[1]) Точнее — выборы производились в Московский совет; собрания депутатов, избранных в Моссовет с предприятий района, составляли „районное собрание Моссовета", или районный совет (см. постановления Моссовета от 7 и 8 декабря 1905 г.).

водил студент Высшего технического училища „Виктор“— большевик; здесь же в подвале училища был и склад оружия.

Одновременно с обучением дружинников велась некоторая работа и в войсках, во всех расквартированных по району частях; наибольшее брожение замечалось в Самогитском полку и двух батальонах Екатеринославского полка, стоявших в Покровских казармах, а также в Троицко-сергиевском полку, помещавшемся в казармах у угла Бригадирского переулка, но, надо сказать, революционное настроение не захватило солдатской массы; к началу декабрьского восстания наиболее революционные из солдат были удалены из полков, и брожение было быстро ликвидировано. Единственной боевой силой района оставались дружинники. Приближался решительный момент, правительство приступило к арестам руководящих органов массовых революционных организаций — 14 ноября было арестовано в Москве бюро крестьянского союза, в двадцатых числах ноября начались аресты членов президиума почтово-телеграфного съезда; арест Петербургского совета рабочих депутатов поставил пролетариат перед необходимостью прибегнуть к вооруженному восстанию, как тогда говорили,—„революция уперлась в вооруженное восстание“.

5 декабря 1905 г. в реальном училище Фидлера состоялась общегородская конференция большевистской организации. На конференции присутствовало 900 человек; рабочие, представители фабрик и заводов, имели красный билет и решающий голос, районные работники — белый билет и совещательный голос. Председателем конференции был секретарь МК партии, В. Шанцер („Марат“). В порядке дня стоял только один вопрос о всеобщей забастовке. Приведем воспоминания тов. Васильева-Южина об этой конференции.

„Четвертое заседание совета рабочих депутатов, назначенное на 6 декабря, должно было окончательно решить вопрос о забастовке, о восстании, вернее—подытожить мнение по этому вопросу московского пролетариата. Но мы уже вечером 5 декабря знали, каково это мнение. В течение всего этого дня по фабрикам и заводам происходили собрания, на которых обсуждался вопрос, поставленный советом рабочих депутатов. Вечером же состоялись обще-

городские партийные конференции, как у нас, так и у меньшевиков. Наша конференция собралась на Чистых прудах, в училище Фидлера. У нас уже тогда были ячейки почти на всех крупных фабриках и заводах Москвы. Согласно заранее намеченному порядку дня, решено было в первую очередь заслушать доклады делегатов из районов, преимущественно фабрично-заводских рабочих. Мы не хотели вступительными речами оказывать хотя бы тень давления на делегатов. И вот один за другим выходят на трибуну или говорят с мест непосредственные представители рабочей массы, и общий тон речей один: московские рабочие рвутся в бой. „Рабочие нашей фабрики постановили, что дальше ждать нельзя. У нас на заводе рабочие давно уже наковали себе пики и кинжалов. У нас все говорят, что выступят сами, если совет и партия будут молчать“,—вот что говорили на конференции большинство выступавших делегатов. Начинается голосование. Подавляющее большинство поднятием рук высказывается за забастовку и восстание. Решено предложить совету рабочих депутатов объявить всеобщую забастовку с 7 декабря, всемерно стараться организовать вооруженное восстание, под воззванием поместить подпись и Московского комитета партии, как представителя московских большевиков“.

6 декабря Московский совет рабочих депутатов подтвердил решение общегородской партийной конференции и выпустил воззвание „Ко всем рабочим, солдатам и гражданам“.

В этот же день воззвание Московского совета было получено районным советом рабочих депутатов, и в районе началась подготовка к всеобщей забастовке. По спешным и неполным сведениям „Известий Московского совета“, в первый день в Лефортово-благушинском районе забастовало 15 крупных фабрик и много мелких; в тот же день 7 декабря прекратилось движение и на Курской и на Нижегородской линиях. Забастовка в большинстве случаев проходит всюду единодушно; некоторые, менее сознательные, бросают работу после уговоров со стороны товарищей; других, совсем несознательных, приходится снимать, некоторые готовы примкнуть к движению, но боятся нападе-

ния черносотенцев, так, например, „сознательные рабочие фабрики Гиля и Герасимова в Измайлове просят товарищей из города притти и снять их, так, как по местным условиям, благодаря свирепству черной сотни, они не могут забастовать сами, хотя и готовы охотно поддержать товарищей борцов“ [1]). Столкновения с черносотенцами произошли, кроме Измайлова, в Благуше и в некоторых других местах. По прекращении работы все забастовавшие рабочие двинулись стройными колоннами с развернутыми красными флагами по направлению к Введенскому народному дому, месту заседания районного совета, на площади был устроен грандиозный митинг, закончившийся пением „Марсельезы“.

Забастовка росла и в следующие два дня захватила почти все крупные и мелкие предприятия района; в одном только Лефортовском районе бастовало 81 предприятие, (как сообщалось в № 2 „Известий Московского совета“) с 24.000 рабочих. Железные дороги стояли. „В Московском почтамте работают до трех четвертей общего числа чиновников, в телеграфе—половина; низшие служители (почтальоны, курьеры, рассыльные) продолжают дружно бастовать“ [2]). В первые дни забастовка протекала мирно, во многих местах шли непрерывные митинги (в Введенском народном доме, в мастерских Курской ж. д.); на одном из митингов Курской ж. д. собралось до 10.000 человек. Всеми районными митингами и демонстрациями руководил районный совет рабочих депутатов, агитаторы и докладчики присылались Московским комитетом.

„Для того, чтобы лефортовцы могли пойти в ногу с рабочими наиболее боевых районов (Пресня, Замоскворечье), нужно было поднять интенсивнейшую агитацию, и мы устраивали в Введенском народном доме не прекращавшиеся с утра до вечера митинги, на которые рабочие валом валили: не успеешь выпустить одну толпу, как зал заполнялся другой толпой рабочих, терпеливо дожидавшихся своей очереди на Введенской площади“ [3]). 10 декабря

---

[1]) „Известия Московского совета рабочих депутатов“ 1905 г.

[2]) „Известия Моссовета“, № 3.

[3]) „Записки рядового подпольщика“—тов. Зеликсон-Бобровской, работавшей тогда организатором фабрик быв. Немецкой ул., ныне зав. истпартом МК.

в Введенском народном доме состоялся многолюдный митинг, на котором собравшиеся рабочие высказались за необходимость вооруженного восстания.

Заседания районного совета происходили почти ежедневно, и они все время вели организационную работу, выполняя директивы Исполнительного комитета Московского совета рабочих депутатов. Обучение дружинников военному строю не прекращалось, продолжался сбор денег и на оружие; для приобретения оружия делались иногда и налеты на оружейные магазины; так, 10 декабря было совершено нападение на магазин Торбека на Покровке в д. № 40 и взято все бывшее там оружие; обезоруживались дружинниками и стоявшие на постах городовые. В декабрьские дни центральным штабом боевых дружин — „военным министерством" — продолжало оставаться училище Фидлера: штабом боевых дружин Лефортовского района стал Введенский народный дом; районный партийный комитет также находился в Введенском народном доме. Рабочие нашего района были готовы к восстанию, но к боевым действиям не переходили, время от времени происходили лишь стычки демонстрировавших рабочих с казаками и полицией, но они носили еще крайне неопределенный характер.

Разгром училища Фидлера

9 декабря московские власти решили перейти в наступление. В 8 часов вечера 9 декабря здание училища Фидлера было оцеплено войсками со всех сторон. Часть пехоты и кавалерия разместились вдоль Чистопрудного бульвара, со стороны Мыльникова переулка стоял эскадрон конных драгун, невдалеке расположились три роты Самогитского полка, отряды полиции и жандармов. Ко времени осады в здании училища оставались, главным образом, железнодорожные дружины, среди которых были лица разных партий и даже беспартийные, ученическая эсеровская дружина и недавно пришедшая в училище дружина слушателей Училища живописи, ваяния и зодчества (ныне Вхутемас) с ее руководителем Н. Д. Виноградовым. Целых четыре часа тянулись переговоры между дружинниками, засевшими в училище, и приставом Гедеоновым, предлагавшим сдать оружие. Предложение Гедеонова было подвергнуто несколько раз голосованию, и решено было не сдаваться.

Обе стороны начали готовиться к боевым действиям: дружинники заняли все удобные для обстрела войск места и забаррикадировали вход в училище партами. Подошедшие войска разместились в боевом порядке во дворе дровяного склада, на углу Лобковского и Машкова пер., д. № 79. Против училища были поставлены два трехдюймовых орудия, орудия были подвезены и к началу Лобковского пер. В 11 час. 40 мин. вечера началась осада училища; не успел замолкнуть последний сигнал, как сразу же ухнул пушечный выстрел, потрясший все здание. За первым выстрелом последовал второй, третий и т. д., после двенадцатого выстрела наступил перерыв в стрельбе, кем-то из отряда был выброшен белый флаг из окна в Мыльников пер., и вновь начались переговоры о сдаче, последовала новая баллотировка — и новый отказ сдаться. Вновь раздались пушечные выстрелы, после каждого выстрела все больше и больше стала сыпаться штукатурка с верха лестницы, здание наполнилось пылью, электричество погасло. Дружинники отвечали ружейным огнем и бросили пять бомб, не причинивших серьезного урона врагу. Дальнейшее сопротивление было бесполезно, дружинники принуждены были сдаться. Часть дружинников пыталась спастись бегством, но это удалось лишь немногим, остальные 118 чел., оставив оружие в здании училища, выходили по-одному на улицу. В это время на них налетел отряд драгун и стал рубить шашками направо и налево; эта расправа продолжалась минут десять, некоторые из дружинников были изрублены. Все арестованные, кроме раненых, были отправлены в Бутырскую тюрьму.

Разгром училища Фидлера послужил сигналом к восстанию. На следующие утро, 10 декабря, московские улицы уже были покрыты стенами баррикад, начали строиться баррикады и в нашем районе — на Мясницкой, Покровке, Басманной, у Красных ворот. В тот же день началась ожесточенная борьба в центре; часть лефортовской дружины ушла с Ново-благословенной фабрики и с винного склада, вместе с дружинниками Рогожского района приняла участие в борьбе с жандармами на Садовой-Каретной; человек 20 дружинников отправились на помощь к дружине Казанской ж. д., но вернулись обратно, не застав дружины

В тот же день 10 декабря в доме б. Фирсова (Покровская, ныне Бакунинская ул. № 69) состоялось оживленное совещание дружинников по вопросу об устройстве баррикад, и с 11 декабря закипела работа по постройке баррикад на окраинах Бауманского района: были сделаны заставы, выставлены посты для наблюдения; товарищи, не имевшие огнестрельного оружия, были вооружены пилами, топорами и ломами. Ронталлеровцы построили две баррикады — одну со стороны Покровского моста, другую—со стороны центра, у д. б. Фирсова; одна из баррикад была выстроена из трамвайных вагонов, набитых мешками с кокосовыми стружками, взятыми на ф-ке Ронталлер; охранялись обе баррикады дружинниками из рабочих фабрики. Третья баррикада была устроена из бочек, облитых водой; замерзнув, они образовали ледяную гору. Баррикада в Гавриковом пер. была выстроена из бревен и досок, которые были засыпаны антрацитом и коксом, так что получилось нечто вроде каменной стены. В этот же день появилась баррикада на Нижне-Хапиловской улице, и была забаррикадирована местность у Курского вокзала; остался открытым для проезда лишь Рыкунов пер., что было сделано с целью заманить войска в западню. Предполагалось после приезда конных войск засыпать Рыкунов пер. и прилегающие улицы битым стеклом и этим отрезать войскам путь к отступлению.

Здание училища Фидлера.
Здесь революционные боевые дружины обучались военному делу и хранили оружие. 5 декабря 1905 г. на происходившей здесь общегородской конференции большевиков был решен вопрос о вооруженном восстании. 9 декабря здание было разгромлено царской артиллерией (на снимке следы артиллерийских разрушений).
В настоящее время в этом здании помещается 40-я школа МОНО.

Двое суток прошло в тщетном ожидании боя с войсками; только однажды к баррикаде подошла группа переодетых полицейских и с помощью черносотенцев пыталась неожиданно напасть на штаб дружины, но план не удался; они были встречены дружным залпом из парабеллумов и маузеров; в другой раз к баррикадам приблизились солдаты, но сейчас же удалились, не сделав ни одного выстрела. 12 декабря правительственные войска заняли Земляной вал и Красные ворота, в ту же ночь произошла перестрелка у Курского вокзала, но в глубине района все оставалось тихо, войска туда не показывались. Дружинники нашего района начали постепенно переправляться в другие районы, дружинники фабрики Мусси, с тов. Лукиным во главе, направились на помощь к дружине мастерских Рязанской железной дороги и участвовали в атаке Николаевского (ныне Октябрьского) вокзала; человек 15 дружинников, в числе которых были Балакирев, Баранов, Е. Петухов, приняли участие в знаменитых боях на Пресне [1]).

15 декабря Курский вокзал был занят войсками, в этот же день освобожден от революционеров и Казанский вокзал. 16 декабря поезд Ухтомского гнал дружину Казанской железной дороги мимо Покровской общины (ныне там помещается родильный дом Бауманского района), куда на помощь казанцам, с целью отвлечь внимание семеновцев, собралась дружина Ярославской железной дороги. Недалеко от Покровской общины поезд подвергся неожиданному пулеметному обстрелу со стороны притаившегося отряда царских жандармов. Стены вагонов были изрешетены; Ухтомский не растерялся, остановил поезд, быстро дал контр-пар и задним ходом вывел поезд с дружинниками из ловушки. В тот же день по этой же дороге проехала карательная экспедиция Римана. Через несколько дней, 19 декабря, пала цитадель московского вооруженного восстания — Пресня. Восстание было подавлено.

Наступила расправа, карательные экспедиции, военные суды. Партийные работники снова ушли в подполье для того, чтобы выйти из него лишь через 12 лет.

---

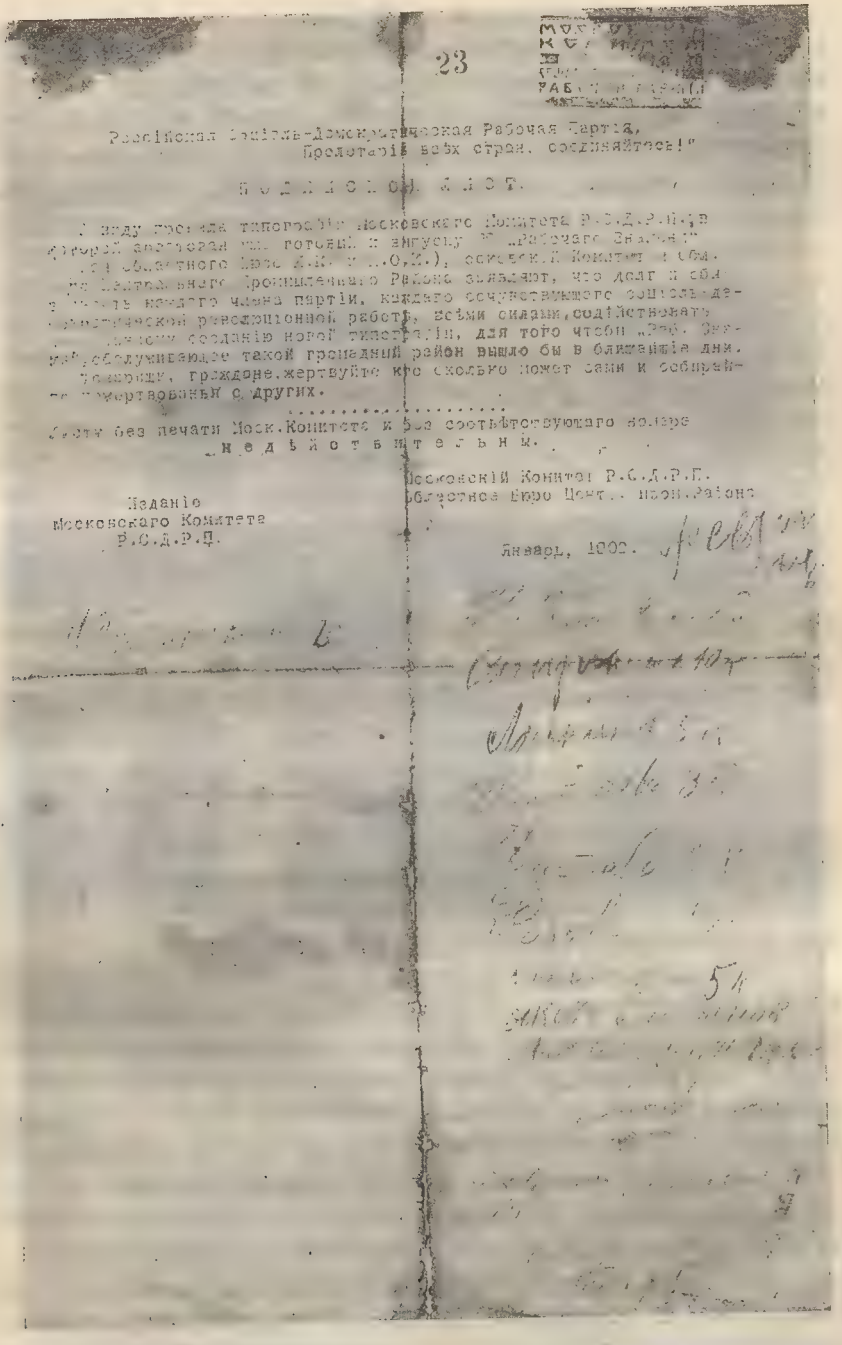
[1]) Воспоминания Петухова.

III. В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Революция шла под уклон. Однако, период 1906 и 1907 гг. развертывался на фоне все еще широкого рабочего движения, принимавшего формы многочисленных забастовок. В этом движении Москва и Центральный промышленный район занимали видное место. В авангарде движения находились большевики. В то время московская организация имела следующие районы: Дорогомиловский, Бутырский, Сокольнический, Рогожский и Лефортовский (ныне Бауманский), а также особый железнодорожный район.

Руководителем района являлся ответственный организатор, входивший, по положению, в состав Московского комитета партии. Районы делились на подрайоны, во главе которых стояли подорганизаторы, не имевшие непосредственной связи с МК. В числе членов Московского комитета этого периода работали следующие тт.: Л. Я. Карпов (секретарь), В. М. Лихачев („Влас"), Нина Львовна или „Зверь" (Эссен), Вейсброд („Андрей"), Радус-Звенькович („Егор"), „Полтора Егора", С. И. Гусев (Драпкин), Таратута („Виктор"), Н. Н. Мандельштам („Михаил Миронович"). Н. Н. Мандельштам работал в это время организатором Лефортовского района, который состоял из следующих подрайонов: Ронталлеровского, Благушинского, Винно-технического, Лефортовского и Басманного.

В этот период Высшее техническое училище было по существу основной базой Московского комитета. „Во всяком случае, мы чувствовали себя здесь как дома. В Техническом училище и в общежитии училища проходили все наши конференции, заседания Московского комитета, явки" (Ходоровский). Целый ряд студентов МВТУ оказывали помощь



23

Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Н У Л Е В О Й Л И С Т.

В виду того, что типографія Московского Комитета Р.С.Д.Р.П., в которой впервые был готовый к выпуску № „Рабочего Знамя" (Об. Бюро Цент. и О.К.), Московск. Комитет и Обл. Бюро Центр. Промышленного Района заявляют, что долг и обязанность каждого члена партіи, каждого сочувствующего вопросу революціонной работы, всѣми силами содѣйствовать ... новому созданію новой типографіи, для того чтобы „Раб. Знамя" обслуживающее такой громадный районъ вышло бы в ближайшіе дни.

Товарищи, граждане, жертвуйте кто сколько может сами и собирайте пожертвованія с других.

Листъ без печати Моск. Комитета и без соотвѣтствующаго номера недѣйствительны.

Московскій Комитет Р.С.Д.Р.П.
Областное Бюро Цент.. Промышл. Района

Январь, 1900.

Изданіе
Московскаго Комитета
Р.С.Д.Р.П.

По призыву Московского комитета партии, после провала газеты „Рабочее знамя", рабочие собирают средства для создания новой газеты.

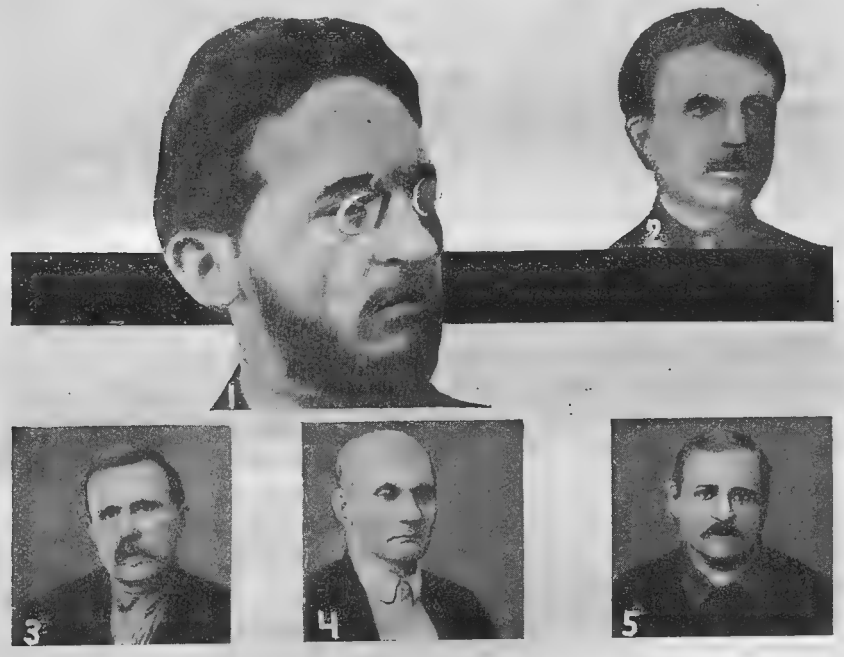
революционному движению, и некоторые из них принимали активное участие в работе партийной организации; в числе их находилися тов. П. А. Богданов. Летней же базой для московской организации в это время (да и во весь подпольный период) являлся Измайловский зверинец, за Семеновской заставой, где под видом загородных прогулок проводились все массовки, собрания, совещания и митинги.

Партийная работа велась в разнообразных формах. Для профессиональных союзов, находившихся под ударами полиции и связанных рамками легального устава „Профессионального общества", добыли помещение в Соболевском переулке, у Трубной площади. Это помещение никто не желал снимать, так как из него только что был выселен публичный дом. Пришлось воспользоваться им потому, что обычно домовладельцы не желали пускать к себе профсоюзы. Работая в легальных организациях, большевики, в противоположность меньшевикам, не преувеличивали их значения и не забывали о подготовке к дальнейшей революционной и боевой борьбе. Заметен был лишь отход от партийной организации непролетарской интеллигенции. В связи с этим уменьшалось количество пропагандистов. Однако в рабочей массе Лефортовского района, как и всей Москвы в период 1906—07 гг., настроение было бодрое. В архиве шелко-ткацкой ф-ки им. Щербакова (б. Товарищество шелковой мануфактуры, Гужон и Мусси) сохранилось рукописное воззвание к рабочим, повидимому, исходящее от местной партийной организации. Приводим его краткий текст:

„Товарищи рабочие. В целях поддержки и единодушия петербургских рабочих и армии, сегодня революционными организациями объявлена *всеобщая политическая забастовка*, и если где рабочие не кончат сами работать, то будет производится съемка, за последствие которой мы не ручаемся. Объявлена: 12 ч. дня кончать работать".

Это воззвание вызвано политической забастовкой, организованой в Питере в связи с роспуском I Государственной думы. Этим же числом (24 июля 1906 г.) в дневнике фабрики, который велся администрацией, отмечено объявление политической забастовки. В том же архиве сохранились изъятые администрацией некоторые прокламации Московского комитета РСДРП, относящиеся к этому периоду.

Из членов Лефортовского районного комитета этого времени выделялись следующие рабочие с предприятий: Камков, Балакирев, Федулов и В. И. Косарев. Особой активностью отличались рабочие пуговичной фабрики Ронталлера, входившие в большом числе в партийную организацию. Сильный удар партийной работе был нанесен весной 1907 г., в связи с ликвидацией охранным отделением



Члены Лефортовского райкома: 1. Мандельштам Н. Н., 2. Балакирев, 3. Камков, 4. Маркин, 5. Федулов.

Московского комитета. Было ясно, что в основе провалов лежала провокация. Однако, не следует думать, будто вследствие этих арестов началось разложение московской организации. В частности, партийная работа большевиков в Лефортовском районе продолжается и развивается и в последующие годы.

Следы партийной работы 1908 — 1909 гг. сохранились в виде отдельных документов. В перехваченном охранкой отчете Лефортовского районного комитета, адресованном с письмом к Н. К. Крупской, сообщается, что „до майского

провала работа вперед двигалась, хотя работники часто сменялись и всегда их было в высшей степени недостаточно, но все-таки до Пасхи велись два кружка высшего типа, ежедневно [1]) были собрания РК; ежедневно, несмотря на „квартирный" кризис, собирались РС [2]), проводились также довольно часто заводские собрания, особенно с наступлением весны, когда можно было пробираться на бесплатные квартиры. Была бы полная возможность развернуть довольно широко, если бы были налицо пропагандисты и агитаторы, так как в связи с повсеместным наступлением капитала настроение рабочих приподнятое и кроме того имеются сколько угодно связей. И часто некоторые предприятия настойчиво, по несколько недель ждут возможности связаться с организацией. Я не упоминаю здесь о недостатке организаторов потому, что с чисто организационной работой, при значительной сознательности и энергичности районного коллектива, при нужде, можно было бы справиться и одному профессионалу, но, повторяю, без пропагандистов и агитаторов работа успешно итти не может. После провала положение района таково: во всем районе в 17—заводских ячейках заключен 191 рабочий. Критерием партийности принято посещение разного рода организационных собраний и уплата членских взносов. По отдельным подрайонам они распределяются так: 1) в Винно-техническом, в четырех предприятиях—58 ч., 2) в Ронталлеровском, в семи—93 чел., 3) в Семеновском в двух—15 чел. и 4) в Благушинском в четырех—25 чел., РС и РК собираются попрежнему регулярно. Проведена одна массовка (53 чел.), другая не состоялась из-за дождя, занятий в кружках не производится, так как для одного профессионала, оставшегося в районе, слишком достаточно чисто организационной работы. Впрочем, критический момент, переживаемый нашей организацией, оживил самодеятельность рабочих: был выпущен листок с призывом к старым работникам, стоящим сейчас по разным причинам вне организации, снова войти в работу [3]); был пополнен РК новыми работниками, наконец начинает образовываться из рабочих районная пропагандистская группа.

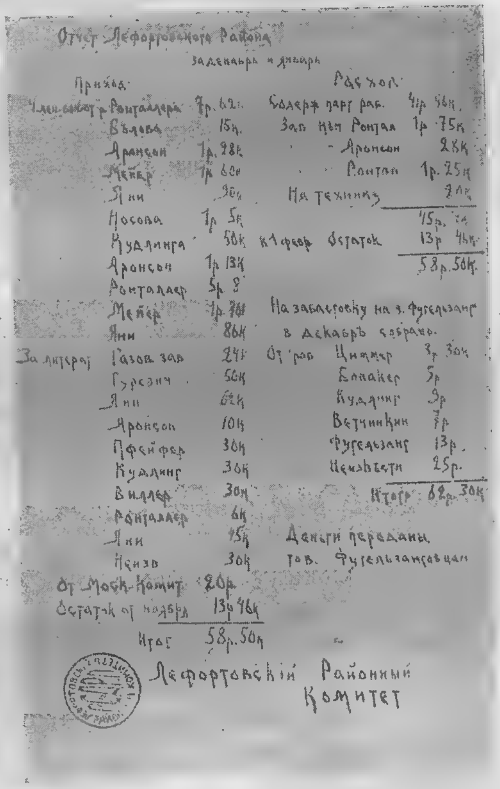
[1]) В тексте написано „е ж е д н е в н о", вероятно ошибочное указание.

[2]) Районные собрания.

[3]) Этот листок отпечатан в № 41 выходившего за границей журнала „Вперед"; текст его имеется в Бауманском райкоме ВКП (б).

Вообще, если бы было побольше сил, работа могла бы пойти хорошо“.

Следы партийной работы, связанной с наступлением капитала после 1905 г., отразились и в других документах того периода. Широкого революционного движения этот период не знал, но время от времени выступления рабочих по разным поводам имели место. Рабочие корреспонденции, сохранившиеся в черновиках, описывают экономические стачки на отдельных фабриках. В связи с забастовкой на заводе Ветчинникова, Лефортовский районный комитет в выпущенной листовке пишет:



Отчет Лефортовского Района
за декабрь и январь

Приход:
Член. взнос. р. Ронталлера 7р. 62к.
Бѣлова 15к.
Аронсон 1р. 98к.
Мейер 1р 60к
Яни 90к
Носова 1р 5к
Кудлинга 50к
Аронсон 1р 13к
Ронталлер 5р 8
Мейер 1р 78к
Яни 86к
За литерат. Газов. зав. 24к
Гурзанч 50к
Яни 62к
Аронсон 10к
Пфейфер 30к
Кудлинг 30к
Виллер 30к
Ронталлер 6к
Яни 45к
Цензв 30к
От Моск. Комит. 20р.
Остаток от ноября 13р 46к
Итог 58р. 50к

Расход:
Содерж. парт. раб. 41р 56к.
Зап. нем. Ронтал 1р 75к
" Аронсон 28к
" Ронтал 1р. 25к
На технику 21к
45р. 4к
к 1 февр. остаток 13р 46к
58р. 50к.

На забастовку на з. Фугельзанг в декабрѣ собрано.
От раб. Циммер 3р 30к
Блэкер 5р
Кудлинг 9р
Ветчинкин 7р
Фугельзанг 13р.
Цензветри 25р.
Итог 62р. 30к

Деньги переданы тов. Фугельзанговцам

Лефортовский Районный Комитет

Денежный отчет Лефортовского райкома 1908—09 гг.

„В данный момент нам, московским рабочим, тоже приходится считаться с одним из таких выступлений капитала. На состоявшемся недавно совещании заводчиков - металлургов решено ввести 10-часовой рабочий день, вместо почти повсеместного завоеванного 9-часового. Весь вопрос только в том, насколько сильный отпор дадут рабочие на это посягательство на их пот и кровь. В качестве застрельщиков выпустили Ветчинникова, который после Пасхи объявил новые условия работы. Рабочие, имея в виду как интересы собственные, так и интересы товарищей на других заводах, с понедельника фоминой—забастовали.

Ясно, конечно, товарищи, что эта забастовка имеет важное значение для всех рабочих, и потому Лефортовский

районный комитет РСДРП обращается, во-первых, к рабочим завода Ветчинникова, призывая их твердо стоять на своих требованиях и не сдаваться, памятуя, что этой забастовкой они борются не только за свои интересы, но, выиграв забастовку, они во много раз облегчат борьбу и остальным товарищам.

Рабочих же остальных заводов комитет призывает оказывать поддержку как нравственную, так и материальную рабочим завода Ветчинникова, ибо только борьба, согретая товарищеской солидарностью, даст нам возможность выдержать натиск капиталистов и дать суровый отпор разыгравшимся аппетитам хищников.

Лефортовский районный комитет".

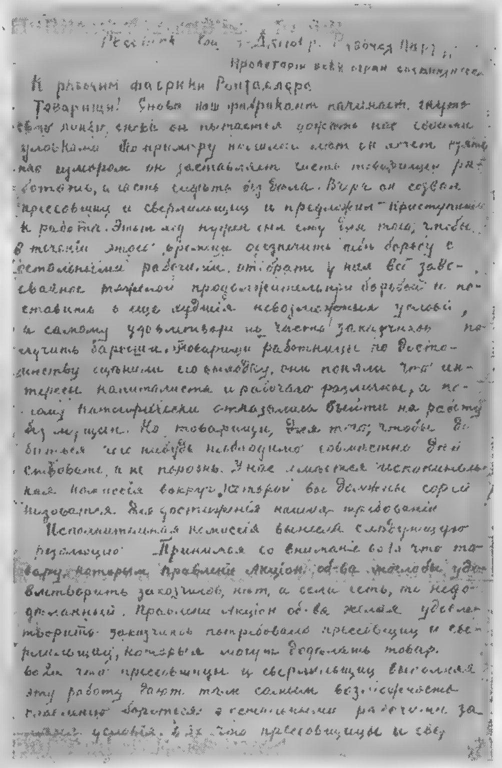
Проявлял себя и Благушинский подрайонный комитет, листовка которого гласит:

„Товарищи! Реакция все сильнее и сильнее заставляет себя чувствовать. Капитал, сорганизовавшись, почувствовал свою силу, которую у него отняли в борьбе рабочие в октябрьские и декабрьские дни 1905 г., и, почувствовав опять всю свою силу, капиталисты начинают делать наступление по всей линии и на все отрасли производства. Не успели оправиться от борьбы федотовцы, у которых хотели отнять половину заработка, как та же самая борьба встает перед фугельзановцами, и фугельзановцы, несмотря на такое тяжелое время, приняли вызов; и, простояв две недели, фугельзановцы отстояли тот час, который хотел прибавить хозяин к рабочему дню, и с честью стали на работу.

Но этим, товарищи, не кончилось. Перед нами опять борьба. Левитин, где работает 70 чел., сбавляет чуть не половину жалованья. Мекс, где работает 50 чел., хочет ввести 10-часовой рабочий день. У Левитина вызов принят, и борьба началась, а у Мекса она, наверное, скоро начнется. Товарищи, знайте, что поражение рабочих есть поражение всех рабочих. Если удастся ввести 10-часовой рабочий день Мексу, то Фугельзан, Бонакер, Кудлинг, вообще все фабриканты и заводчики, не заставят себя ждать и тоже последуют примеру Мекса. И вот, товарищи, если мы оглянемся назад и посмотрим, сколько лучших товарищей гниет за этот час в тюрьмах и сколько крови мы пролили

пока завоевали это час, то каждому из нас станет ясно, как дорого он вам достался. Но знайте, товарищи, что нам только тогда легко будет бороться с хозяевами и одержать победу, когда мы сорганизованы и будем поддерживать борющихся советами и материальными средствами. Знайте, что только вы, рабочие, сорганизовавшись в одну грозную армию пролетариата, сумеете свергнуть ныне гнетущее нас иго капитала“.

В тот же период была выпущена листовка партийной ячейкой, (по-тогдашнему — „заводской комитет“) ф-ки Ронталлер; и эта листовка, выставляя определенные требования (9-часов. рабочий день, старый расценок, вежливое обращение с рабочими, создание примирительной камеры), призывает к организации рабочих: „Для того, чтобы добиться чего-нибудь, необходимо совместно действовать, а не порознь. У нас имеется исполнительная комиссия, вокруг которой Вы должны сорганизоваться для достижения наших требований“.


Пролетарии всех стран соединяйтесь
К рабочим фабрики Ронталлера
Товарищи!

Листовка ячейки ф-ки имени Балакирева (бывш. Ронталлера).

В 1909—1911 гг. главным опорным пунктом нелегальной работы становится Благуша. Автор воспоминаний по этому периоду тов. Чичеров в это время становится членом кружка, который был организован на заводе Бонакера из рабочей молодежи этого завода и занимался под руководством мастера Шикова. Кружок нес техническую работу по охране партийных собраний, распространению литературы и выполнял

ряд других поручений партийной организации. В 1910 г. большинство членов кружка успели побывать в тюрьме, и в 1911 г. приступили уже к самостоятельной партийной работе. В состав этого кружка входили: Чичеров, Балакин, Глаголев, Рузин, Кузнецов и др. В 1911 г. эта группа в своей работе объединила уже целый ряд заводов и фабрик.

В донесениях агента охранного отделения под кличкой „Монтер" сообщается по поводу этого кружка следующее: „Несмотря на полное отсутствие интеллигентных и опытных руководителей среди рабочих, почти исключительно молодежь (старые отсутствуют, благодаря ликвидации розыскными органами), наблюдается определенное стремление сорганизоваться во что бы то ни стало; мечтают о сходках, массовках и т. п. в этом направлении. На Благуше, само собой, без воздействия со стороны, начинает определяться кружок наиболее „сознательных" местных рабочих". Это донесение указывает, что и охранка отметила самостоятельность вновь развертывающегося рабочего движения. В этом же году в Лефортово приехал Смилга, который возглавил нелегальную работу и в то же время был устроен на работу секретарем в Первое московское общество трезвости, работа которого направлялась указанным с.-д. кружком, развернувшим через о-во широкую политико-просветительную работу среди рабочих Благуши. Эта партийная группа имела актив до 40 человек, а всего объединяла, по словам тов. Чичерова, около сотни товарищей. Была создана (24 июня 1911 г.) временная организационная комиссия в составе 7 товарищей, которая поставила себе задачу организовать Лефортовский районный комитет. В ночь с 4-е на 5 июля 1911 г. вся руководящая группа была арестована.

Новый подъем рабочего движения

Новый подъем рабочего движения, проявившийся в период ленских событий 1912 г. в среде московского пролетариата, не миновал и Лефортовского района. 24 апреля забастовало 564 чел. на Чаеразвесочной Губкина—Кузнецова, 500 чел. на заводе Гакенталь, 185 чел. на заводе при Техническом училище и 800 чел. на винном складе № 1 (ныне Государственный спиртоводочный завод). Тогда же на Благуше забастовали рабочие фабрики Бонакер (ныне „Мастяжарт") и завода Раузер и Вибер.

25 апреля забастовали: 1200 чел. на ф-ке Мандль и Райц (ныне им. Клары Цеткин), котельный завод Ветчинкина, пуговичная фабрика Ронталлер, ленточная фабрика Гордон, фабрика Сегалова, фабрики Левитина, Борисова, Константинова и ряд других. В следующие дни забастовали: слесаря рязанского трамвайного парка, рабочие рязанских мастерских, фабрики Зелиг-Мейера, Егера и Аронсона, Таубера и Цветкова, товарищества Бландовых, Венцель, Лерх, фабрики Бостанжогло, Чичкина, Мусси, Рихарда Симона и много других [1]).

Движение протеста рабочих против ленского расстрела переросло в широкую политическую первомайскую забастовку. 1 мая 1912 г. не работал металлический завод Гужона (3.000 чел.), в нашем районе фабрика металлических изделий Бонакер (600 чел.), завод Гакенталь, фабрика Дюфурмантель (615 чел.), Невский стеариновый завод (ныне „Стеол") и другие более мелкие предприятия. Вслед затем, 2 мая, Общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, имевшее председателем Гужона и являвшееся активным руководящим органом промышленной буржуазии, единогласно постановило: всех рабочих, не вышедших 1 мая на работу или прекративших таковую, подвергнуть штрафу. Между прочим, эта мера мотивировалась тем, что забастовки протеста против ленских событий прошли для рабочих безнаказанно. Общество заводчиков и фабрикантов правильно полагало, что забастовка 1 мая имела организованный характер и являлась началом новой усиленной борьбы рабочих за свои классовые интересы. А в ноябре 1912 г. обществом было составлено и разослано для вывешивания на фабриках объявление, хорошо характеризующее ход борьбы:

„*Объявление*: За последнее время на фабриках и заводах наблюдаются случаи внезапного оставления работ частью или всеми рабочими по причинам, ничего общего с внутренней жизнью промышленных заведений не имеющим, чем причиняется им значительный материальный ущерб. Ввиду этого рабочие поставляются в известность, что на будущее время во

---

[1]) Сведения взяты из рапортов полицейских приставов Басманной и Лефортовской частей.

всех подобных случаях они будут подвергнуты обязательно взысканиям, предусмотренным как Уставом о промышленности, так и правилами внутреннего распорядка (ноябрь 1912 г.)".

Борьба развивалась с успехом на стороне рабочих. Поэтому 17 апреля 1913 г. Гужон, от имени Общества заводчиков и фабрикантов, рассылает всем членам общества секретную бумагу, сообщая, что рабочие „проявляют ныне демонстративное настроение", и что необходимо предпринять соответствующие меры, ввиду близости 1 мая и предполагаемого приезда „высочайших особ". При этом Гужон пишет своим классовым друзьям, что в первомайской стачке 1912 г. участвовало в России 300.000 чел. Ответные сообщения предпринимателей показывают, что подавляющее большинство из них ставят своей целью заставить рабочих 1 мая работать обычным порядком, а некоторые предупреждают, что невышедшие на работу будут оштрафованы. Однако настроение рабочих масс в этот период крепло и поднималось.

Г. И. Ломов (Оппоков).

В августе 1913 г. старый московский, и в особенности лефортовский, подпольщик тов. Ломов (Г. Оппоков)[1]) сообщал в „Северную правду", что рабочие организации растут, что собрание представителей одиннадцати предприятий Лефортовского района призывает товарищей поддержать материально свою газету, провести отчисления в фонд „Северной правды", в память погибшего товарища Иннокентия (Дубровинского).

[1]) Ныне председатель правления Донугля.

Собрание представителей одиннадцати предприятий Лефортовского района призывает пролетариат к общим выступлениям против гонения на рабочую печать. Лефортовцы призывают собирать средства для создания московской рабочей газеты, обещая поддерживать обе газеты: и питерскую и московскую. И общая оценка положений, данная тогда тов. Ломовым, такова: московский пролетарий снова идет в строй.

Экскурсия рабочих, организованная Благушинским кооперативом „Жизнь" в 1913 г. Под видом загородных экскурсий проводились революционные массовки. В руках экскурсантов—легальные большевистские газеты: „Правда" и „Наш путь".

В феврале 1913 г. приехали на работу в Лефортово (вернувшись из ссылки по случаю амнистии) А. И. Рыков и Г. И. Ломов. Здесь они разыскали преданного большевика Николая Балакирева и установили связь с рядом товарищей и предприятиями Ронталлеровского и Винно-технического подрайонов. По воспоминаниям Ломова, они организовали в Измайловском зверинце, в июле месяце, большое собрание представителей ячеек и предприятий,

примерно от 26 предприятий Лефортовского района. На этом собрании участвовал А. И. Рыков, который был избран в районный комитет.

Работал ряд кружков, которые собирались и по квартирам, и по линии Казанской ж. д., и на берегу Яузы, и на

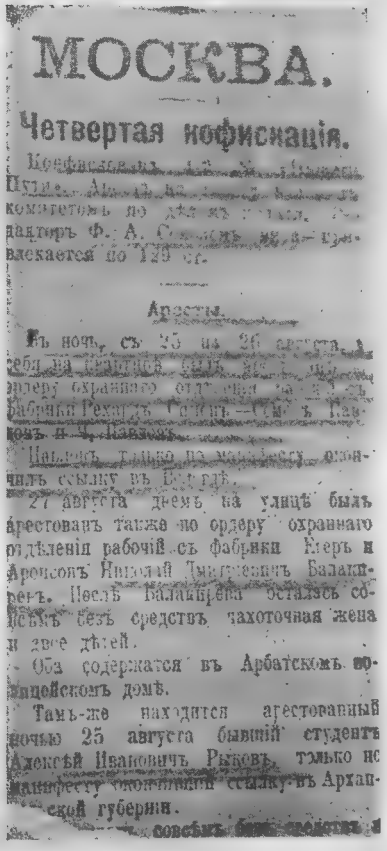
А. И. Рыков,
работал в Лефортовском районе в 1913—14 гг.

опушке Зверинца на Благуше, и в глубине леса, если собрание превращалось в массовку. А. И. Рыков поселился где-то на Разгуляе, чтобы быть ближе к Лефортовскому району и опираться главным образом на ронталлеровцев и Благушу. Осенью А. И. Рыков, несмотря на все строгости конспирации и меры против провокации, все же был арестован и впоследствии выслан в Нарым. В № 5 московской легальной рабочей газеты „Нашь путь“ читаем следующую заметку по этому поводу:

Аресты.

„В ночь с 25-го на 26 августа у себя на квартире был арестован по ордеру охранного отделения рабочий с фабрики Рихард Симон (ныне „Красная заря“), Семен Павлов и Ч. Павлов. Павлов только по манифесту окончил ссылку в Вологде. 27 августа днем на улице был арестован также по ордеру охранного отделения рабочий с фабрики Егер и Аронсон, Н. Д. Балакирев. После Балакирева осталась совсем без средств чахоточная жена и двое детей. Оба содержатся в Арбатском полицейском доме. Там же находится арестованный ночью 25 августа бывший студент Алексей Иванович Рыков, только по манифесту окончивший ссылку в Архангельской губернии. Все сидят совсем без средств и без белья“.

Однако, организация не распалась, местное ядро уцелело, а в ноябре вернулся из Питера тов. Ломов. Районная организация начала шириться, установила связи с Замоскворечьем, а также сыграла большую роль в организации союза металлистов. В зимнее время в подрайонах успешно шла работа кружков. И к тому времени, когда уже надвинулась гроза империалистической войны, лефортовские большевики работали над подготовкой созыва московской партийной конференции, которая должна была прежде всего обсудить вопрос о том, что делать в случае объявления войны. Были в организации и провокаторы: Маракушев, монтер городской электростан-



МОСКВА.

Четвертая нофиснація.

Аресты.

27 августа днемъ на улицѣ былъ арестованъ также по ордеру охраннаго отдѣленія рабочій съ фабрики Кверъ и Аронсонъ Николай Дмитріевичъ Балакиревъ. Послѣ Балакирева осталась совсѣмъ безъ средствъ чахоточная жена и двое дѣтей.

Оба содержатся въ Арбатскомъ полицейскомъ домѣ.

Тамъ-же находится арестованный ночью 25 августа бывшій студентъ Алексѣй Ивановичъ Рыковъ, только по манифесту окончившій ссылку въ Архангельской губерніи.

3 аметка в московской газете „Наш путь“ (1913).

ции, Соколов, Болякин, рабочий фабрики Эйнем. В апреле 1914 г. Ломов и ряд других товарищей из Лефортова и Замоскворечья были арестованы. После побега Рыкова из Нарыма, его снова предал провокатор Сергей Гааке.

Волны рабочего движения поднимались все выше. Корреспонденции рабочих лефортовских заводов и фабрик в питерскую „Правду“ и московский „Наш путь“ сообщают об экономических и политических требованиях при стачках, собирают средства на издание рабочей газеты. Вот что писал 19 марта 1914 г. Ю. Гужон членам Общества заводчиков и фабрикантов: „Настоящим имеем честь сообщить дальнейшие сведения о ходе демонстративной стачки рабочих в Петербурге и Москве, обнаружившейся в последние дни, а именно:

Марта 1914 г.	В Петербурге	В Москве
11-го	9.000 рабочих	Стачек не было
12 „	Крупных стачек не было	Т о ж е
13 „	50.000 рабочих	Т о ж е
14 „	20.000 „	600 рабочих
15 „	Крупных стачек не было	700 „
16 „	Воскресенье	
17 „	30.000 рабочих	1.206 рабочих
18 „	Крупных стачек не было	4.205 „

А летом подъем рабочего движения принимает такой серьезный характер, что Общество заводчиков и фабрикантов, констатируя значительное развитие стачек в московском районе, систематически информирует предпринимателей о развертывании стачечной рабочей борьбы. Уведомив господ членов общества о том, что 8 июля, с благословения святейшего синода, на 12 площадях Москвы состоится торжественное молебствие о ниспослании побед, причем молящимся будет роздано послание синода в количестве 50.000 экземпляров,—Гужон предлагает устроить обеденный перерыв на предприятиях пораньше, чтобы послать рабочих и служащих „принять участие в столь благолепном и выдаю-

щемся духовном торжестве". Одновременно с воздействием на массу посредством духовного благолепия и синодских листовок, общество проводит более решительные меры, и Гужон регулярно сообщает всем предпринимателям именные „черные" списки бастующих рабочих, предлагая проявить предпринимательскую солидарность и не принимать на работу уволенных за революционную деятельность (Письмо от 10 июня 1914 г.).

В июле Общество заводчиков и фабрикантов начинает чуть ли не ежедневно сообщать своим членам о росте грозных забастовок. Приводим одно из таких сообщений от 12 июля 1914 г.

Справка.

О демонстративных стачках рабочих в июле 1914 г. по предварительным сведениям (процентное отношение выведено к общему составу).

Июля 1914 г.	В Петербурге		В Москве	
4-го	60.000	24,5%	—	
5 „	50.000	20,4%	1.896	1,2%
6 „	Праздник		—	
7 „	110.000	44,9%	9.697	6,3%
8 „	без перемен		5.488	3,5%
9 „	120.000	49,0%	5.289	3,4%
10 „	135.000	55,1%	5.379	3,5%
11 „	130.000	53,1%	3.661	2,4%

Годы империалистической войны

По полицейским документам видно, что в июле бастовало в Москве 16.000 рабочих. А месяцем раньше, согласно доклада начальника охранки, „настроение московских рабочих весьма приподнятое, и руководители подполья вели усиленную агитацию за забастовку". И летние московские стачки и питерские баррикады сигнализировали канун новой революции в России.

Начав империалистическую войну, царское правительство создало внутри страны обстановку, которая позволяла

ему применение особенно решительных и сильных средств подавления выступлений рабочего класса. Настроение рабочей массы было революционно-враждебным в отношении правительства и буржуазии, не патриотическим, а пораженческим. Так, например, при манифестации около памятника Скобелеву рабочие пели „Дружно, товарищи, в ногу"; раздавались разговоры о том, что запасные, получив оружие, не пойдут на войну, а повернут против правительства. Эта боевая готовность рабочей массы была придавлена неслыханным, исключительным напором военного режима: ликвидация рабочей прессы и профессиональных организаций, перевод рабочих на положение „учетников" и ухудшение заработка, новые удары по партийной организации, а затем повторные мобилизации и отправка на фронт. Придушенность пролетариев, разумеется, еще не означала превращения их авангарда в сторонников шовинизма, милитаризма и капитализма. Работа большевиков в Москве, хотя и не централизованная, продолжалась. В феврале 1915 г. вышла листовка с призывом к непримиримой борьбе. Тогда же рабочие завода Динамо, в числе 1.300 человек, проводят забастовку-протест по поводу суда над фракцией большевиков Государственной думы. В Лефортовском районе первыми выступают с политическими требованиями рабочие завода Пэлка (вошел затем в завод „Мастяжарт") — 1 апреля 1915 г. В июле происходит стачка на центральном телеграфе, а в сентябре развертывается политическая забастовка, и останавливаются предприятия, работающие на оборону. Остановилась Трехгорная мануфактура (4.000 чел.), механический завод Бромлей, завод инженера Барри и т. д. Из предприятий нынешнего Бауманского района в стачке приняли участие: фабрика инженера Пэлка, Акционерное о-во „Марс", Т-во „Лерх", О-ва „Шестерня", Сальмсон, завод Гакенталь, завод „Свет" и др. Всего по Москве бастовало 38 предприятий с числом рабочих около 11.000, считая городскую электрическую станцию. 4 сентября 1915 г. остановились трамваи. Основная пружина забастовок—рост дороговизны и снижение заработной платы. Общие причины вызывали выступления рабочих осенью этого же года в разных местах России, в частности, в Иваново-Вознесенске и Костроме, где высту-

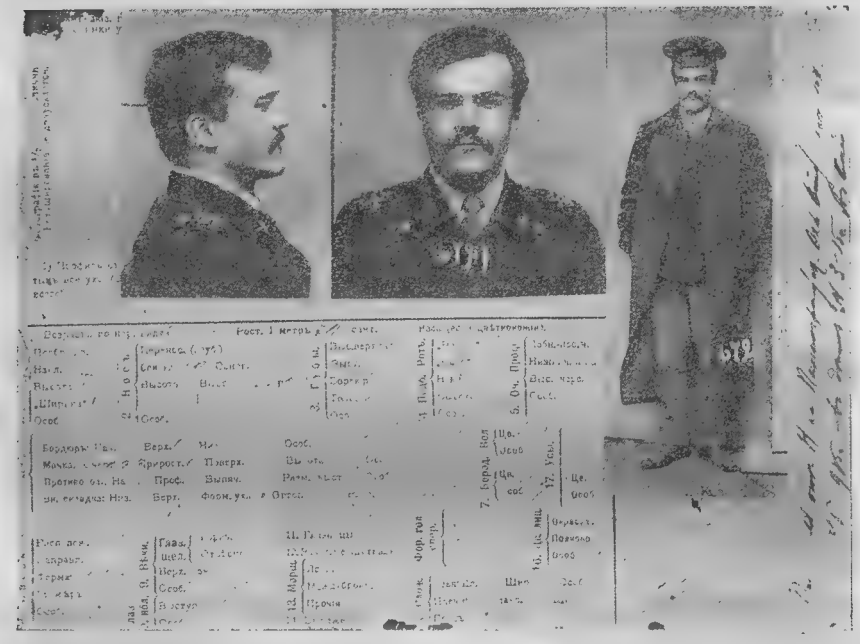
пления приняли ярко-выраженный политический характер. В октябре забастовки в Москве снова возобновились. Снова останавливались электрическая станция и трамваи. Бастовал завод моторов „Гном и Рон“ и военно-промышленный завод. Вследствие забастовки закрылся завод „Динамо“. Часть рабочих отправили к воинскому начальнику. Далее в январе-феврале 1916 г. бастует в нашем районе фабрика Т-ва шелковой мануфактуры, рабочие требуют повышения зарплаты на 25% и других улучшений. В то же время происходят волнения на той же почве у почтово-телеграфных работников.

Правительство беспощадно расправляется с вожаками рабочих. При стачке на заводе Пэлка в 1915 г. уволен за подстрекательство рабочий Егоров; затем, за требование возвратить его, арестованы Андреевы, Конов, Колесов, Никулин и сам Егоров.

Кроме массовых выступлений рабочего класса и активной борьбы передовых пролетариев в нынешнем Бауманском районе велась чисто партийная работа большевиков. Уже весной 1915 г. имелись партийные ячейки у Ронталлера, на автомобильном заводе Земского союза, на заводе Пэлка, и велась работа отдельными товарищами на других предприятиях. В мае из Питера приехал тов. В. М. Молотов (ныне секретарь ЦК ВКП(б), который организовал, поднял работу и провел избрание районного комитета партии. Провокаторы, проникавшие в организацию, весьма подробно осведомляли охранку. Жандармский ротмистр записал показания провокатора „Ярославского“ (Буксин из союза печатников, расстрелян советской властью). В показаниях указывается о том, что руководителями районного комитета партии являются два неизвестных интеллигента. „Приметы их: 1) лет 27, выше среднего роста, среднего телосложения, брюнет, подстрижены усы, бороду бреет, вогнутый нос, носит пенснэ, и 2) лет 24, выше среднего роста, худой, брюнет, длинные волосы, усов и бороды нет, продолговатое лицо, прямой нос, носит пенснэ, серое пальто и серую шляпу с полями“. Дальше провокатор перечисляет активных партийных рабочих-большевиков района.

Небезынтересно привести агентурные сведения Московской охранки по делу В. М. Скрябина-Молотова:

„Дело № 700 (19). Арестован 6 июня 1915 г. С приездом *Скрябина* и других, агентура отметила подъем революционного настроения среди представителей местного с.-д. подполья, причем все настойчивее говорили о необходимости создания в гор. Москве оформленной с.-д. организации, которая бы способствовала сплочению разрозненных пролетарских масс и руководила бы выступлениями последних.



В. Молотов (Скрябин),
работал в Лефортовском районе в 1915 г.

Для этой цели *Скрябин* организовал в Лефортовском районе марксистскую группу, которой и была выпущена от имени „организованной группы с.-д.“ гектографированная листовка о „ленских событиях“. Затем некоторым наиболее видным представителям подполья удалось организовать в гор. Москве несколько групп, а именно: 1) студентом Генохом Мейеров. *Альперовичем* была создана группа, первоначально присвоившая себе наименование „организационной комиссии“, а затем „центральной руководящей группы“; 2) известным партийным кругам под кличкой „Прокоп“ Иваном Ивановичем *Егоровым* группа, которая, не зная о

существовании уже группы Альперовича, также присвоила себе наименование „центральной руководящей группы"; 3) Ильей Венедиктовым *Цивцивадзе* — особый кружок, и Ильей Ивановым *Борисовым* — кружок в Симоновском районе. Таким образом, из первоначально созданной Скрябиным группы в Лефортовском районе образовалось пять с.-д. групп, которые, однако, до середины минувшего мая не были связаны друг с другом. В мае же месяце, благодаря загородным экскурсиям, в коих обыкновенно принимают участие рабочие всех профессий и различных городских районов, некоторым членам вышеуказанных с.-д. групп удалось связаться друг с другом, и представители таковых стали стремиться к объединению в одну общую организацию, с общегородским МК во главе. Для приведения в исполнение намеченной цели, стараниями Скрябина были устроены групповые собрания, на которых и было выражено пожелание, для вырешения вопроса об объединении, а также связанных с таковым некоторых вопросов, созвать общегородскую конференцию из представителей названных выше групп.

Душой созыва такой конференции являлись *Скрябин* и *Альперович*, последний даже взялся подготовить соответствующий для конференции материал. На устроенном 1 июня с. г. в Сокольническом лесу собрании окончательно решено собрать конференцию на 7 июня в лесу „Измайловского зверинца", на которой (здесь, наверное, пропущено слово— избрать) МК и подвергнуть обсуждению следующие вопросы: 1) война и ее последствия; 2) экономическая жизнь России; 3) позиция с.-д. при ликвидации войны, по коим и внести соответствующую резолюцию. Кроме того, на этой конференции предполагалось обсудить текст заготовленной Альперовичем листовки по поводу происшедших в Москве 28—29 мая событий, выразившихся в разгроме магазинов и имущества, принадлежащего лицам немецкого происхождения. На эту конференцию должно было собраться вместе со Скрябиным до 10 человек" (Агентурные сведения и данные наружного наблюдения).

В другом донесении провокатор Маракушев (по кличке „Босяк") об этой конференции сообщает: „Конференция эта должна бы состояться в воскресенье 7 сего июня, в лесу Измайловского зверинца. Сборный пункт за виадуком, у

шоссе, идущего от Семеновской заставы к богадельне. Бывший секретарь газеты „Правда“ стоит во главе с.-д. группы Лефортовского района. В пятницу (5 июня) между 8 и 9 часами утра, на бульваре у памятника первопечатника Федорова, он будет видеться с „Прокопом“, который сообщит ему о времени и месте конференции“.

6 июня Скрябин (Молотов) и другие товарищи, избранные от районов делегатами на общегородскую конференцию, были арестованы.

В связи с арестом тов. Молотова и других товарищей, партийная работа была подорвана, но все же не прекратилась, особенно на фабрике Ронталлера.

Рабочее движение в районе не заглохло. В начале сентября возникли стихийные забастовки на десяти предприятиях. Бастовало около 2.000 рабочих. Тогда же произошел разгром мясной лавки Лебедева на Преображенской площади и безуспешная попытка помощника градоначальника Модля успокоить взволнованную массу; ему пришлось спасаться бегством. В октябре бастуют трамвайные служащие, Военно-промышленный завод № 2, завод „Гном и Рон“. Эта стачка была ликвидирована отправкой на фронт около 200 рабочих. В то же время масса рабочих начинает вступать в союз металлистов — „Единение“. Партийная работа также поднимается. Провокатор „Кондуктор“ (Соколов) доносит в охранку 28 октября, что „Временный московский с.-д. комитет уже образовался, в составе его 6 человек“, что „собрание всех членов комитета должно состояться в воскресенье 1 ноября, где-то в Благушах“...

В следующем своем доносе от 9/XI тот же провокатор пишет: „4 ноября должно было состояться первое собрание вновь сорганизовавшегося „Временного московского с.-д. комитета“, но об этом собрании не было сообщено представителям „Тверской группы“ из Замоскворецкого района. Им должен был сообщить о собрании представитель литературной группы Смидович, но он этого почему-то не сделал и сам на собрание не пошел, так что на собрание явилось всего четыре члена комитета, которые и были арестованы. Хозяин квартиры, тоже арестованный, членом комитета не состоял и только предоставил свою квартиру под комитетское собрание. В его квартире уже однажды

происходило совещание некоторых местных большевиков по вопросу об избрании „Московского комитета".

Из арестованных тов. Остроумов на допросе в охранном отделении, с целью одурачения охранки, дал весьма хитроумное показание: „Ни к каким тайным организациям и партиям не принадлежу и не принадлежал. 4 ноября ко мне на квартиру пришли Шутко и Щербаков. Шутко привел с собой портного, фамилия мне неизвестна, а Щербаков привел с собой рабочего, также неизвестного мне. Портного привел Шутко по моей просьбе, поговорить с ним о пальто, которое я предполагал себе шить, а рабочий был приведен Щербаковым с целью определения его через меня к нам на завод: Щербакова я знаю давно, с детских лет, а с Шутко познакомился в этом году, во время купанья в Измайловском зверинце". Жандармы, имея секретную информацию от провокатора, конечно, знали о партийной работе больше, чем сообщил в этом показании тов. Остроумов.

В самом конце 1915 г. на Благуше организовался союз металлистов. На первом собрании участвовало около 100 чел. рабочих от Ронталлера, Пэлка, Фугельзанга, Гнома и других. Профессиональная организация металлистов создалась в качестве благушинского отдела профсоюза „Единение". Первое собрание благушинских металлистов происходило на Николаевской (ныне Ткацкой) улице, в доме Голышева, где и было выбрано правление, в том числе председателем тов. Плаксин [1]), а секретарем тов. Ибрагимов. Свое политическое лицо благушинский отдел союза металлистов отчетливо выявил при выборах в столичное страховое присутствие, весною 1916 г. Этими выборами руководила группа меньшевиков, засевших в Военно-промышленном комитете и страховом присутствии. Составленный ими наказ вызвал одобрение центрального правления союза металлистов „Единение". Тогда правление благушинского отделения союза вынесло такое постановление: „Обсудив присланный наказ и приглашение участвовать в страховом журнале, делегатское собрание в корне не согласно с поведением страховой группы и с тем наказом, которым она руководствуется, так как наказ этот не был принят широ-

---

[1]) Ныне председатель Тверского губисполкома.

кими рабочими массами и на обсуждение вовсе нигде не ставился, за исключением незначительной кучки. Делегатское собрание нашло участие в журнале возможным только при условии, если журнал будет стоять на точке зрения последовательного марксизма. Делегатское собрание нашло прошедшие выборы неправильными, так как широкие массы рабочих не могли принять участия в выборной кампании. Делегатское собрание внесло пожелание больничным кассам воздействовать на страховую группу, чтобы страховая группа в свою очередь в скором времени подготовила новую выборную кампанию. Подготовив новую выборную кампанию, с широким участием рабочих масс, страховая группа должна сложить с себя полномочия". Этот наказ, в конце концов, вынуждено было принять центральное правление, и он был утвержден общемосковским собранием членов союза металлистов. Однако, на общем собрании выборщиков оказалось меньшевистское большинство, и упомянутый наказ не прошел. Наказ защищал тов. Подбельский (впоследствии Наркомпочтель, умер в 1920 г.). В результате этой длительной борьбы пришлось пойти на компромисс.

Также чрезвычайно любопытная борьба, как вспоминает тов. Ибрагимов, разыгрывалась в области кооперации, вокруг Николо-Покровского общества потребителей, где при засилии администрации рабочим отпускались гнилые продукты. Делегатское собрание постановило объявить кооперативу бойкот и сообщить об этом рабочим всего района. Дело кончилось перевыборами правления кооператива и введением в его состав группы рабочих. В то же время большевики для установления связей и развертывания массовой пропаганды шли в культурно-просветительные организации: некоторые товарищи пробрались в состав совета благушинской общественной библиотеки и работали по устройству лекций и экскурсий, концертов и спектаклей, а также устроили драматический кружок с рабочим Качугиным во главе. Когда правительство в июле 1916 г. ликвидировало союз металлистов, в нем было 1.500 членов, причем 500 из них приходилось на благушинское отделение.

Помимо просветительной и профессиональной работы внутри легальных организаций, велась большевистская конспиративная работа: устраивались доклады небольшим

группам рабочих, преимущественно на тему о войне. В Измайловском зверинце собирали массовки в несколько десятков человек, а иногда бывало и до 150 человек, с участием других районов. Была нелегальная библиотечка. Районом были выпущены две листовки, одна к 4 апреля, а другая к 1 мая 1916 г. Листовки печатались на шапирографе на окраине Благуши, на квартире нелегального товарища Тарашненко. Для снабжения нелегальных товарищей документами имелись бланки уездного воинского начальника и печать 2-го Лефортовского полицейского участка. Аресты и провалы, дезорганизовавшие районный комитет, происходили вследствие провокации.

Несмотря на все удары, рабочее движение не прекращалось. 9 января 1917 г. бастовали следующие фабрики и заводы: 1) „Гном и Рон"—500 чел.; 2) Сальмсон—600 чел.; 3) „Шестерня-Цитроен"—700 чел.; 4) Золотарева—171 чел; 5) Рихард Симон—500 чел.; 6) Благушинская м-ра и Чулочно-трикотажная ф-ка—250 чел.; 7) Вортман—65 чел.; 8) Мохов-Фалькевич—50 чел.; 9) Пэлка—900 чел.; 10) Урбан—60 чел.; 11) Шпаковского—50 чел.; 12) Бирюкова—200 чел. 13) Ронталлер—600 чел.; 14) Левитина—150 чел.; 15) Иванов и Ефимова—126 чел.; 16) Пирвиц—150 чел.; 17) Московский металл. промзавод—290 чел.: 18) Ф-ка Русского акционерного о-ва электрических ламп; 19) Азибер, 20) Авт. зав. В. З. С.—350 чел.; 21) Хишина; 22) Моск. союз потр. о-ва; 23) Гордона—300 чел.; 24) Якобсон—50 чел.; 25) Рон-Зелинский—100 чел.

Приближалось февральское восстание рабочих и солдат, низвержение романовской монархии и канун пролетарской революции.

1917 год

IV. КАНУН ФЕВРАЛЬСКОИ РЕВОЛЮЦИИ и ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

Накануне революции

Причины, приведшие к Февральской революции, общеизвестны. Политика царского правительства, построенная на дикой эксплоатации рабочих, на ограблении трудового крестьянства, на подавлении воли многочисленных в стране национальностей, — неизбежно привела к обострению классовых противоречий в годы войны. Обострившееся до крайних пределов продовольственное положение осталось в памяти у всех свидетелей этого времени. У всех магазинов, особенно продовольственных, у булочных — беспрерывные очереди. „Рабочим оставались пустые полки в лавках. Недовольство рабочих росло с каждым днем. Дороговизна все увеличивалась, а заработок далеко отставал от повышения цен на предметы первой необходимости. На все требования рабочих нашего завода увеличить зарплату администрация отвечала отказом, ссылаясь на то, что идет война и завод работает на оборону. Терпение рабочих истощалось" — вспоминает рабочий завода „Проводник", тов. Пуйша. Вот другое яркое описание тов. Орлова: „Ежедневно в обед и ужин, во дворе казармы двух мастерских 2-й запасной автомобильной роты (ныне Танко-броне-автомобильный завод, у Преображенской заставы) собирались голодные окрестные жители, главным образом женщины и дети, с чугунками, чашками или лотками; пугливо озираясь, собирали они остатки от обеда со столов, находящихся во дворе, и тут же с жадностью поедали их; под столами бегали обтянутые кожей живые скелеты голодных собак". Не легче было на фабриках и заводах, в большинстве своем работавших „на войну".

„Во время войны,—вспоминает работавшая с 1905 г. на фабрике бывш. Носова (ныне „Освобожденный труд“) тов. К. Арефьева[1]),—на фабрике остались работать, главным образом, солдатки, которых заставляли „за отечество“ работать больше 10 час. Здесь и произошла забастовка; требовали прибавки жалования; в результате—ткацким, как основе фабрики, прибавили,—мастеровым, конечно; остальным же либо ничего, либо по 2 копейки. Наиболее активных выкинули, в том числе и старых работниц-суконщиц. К войне отношение у нас складывалось следующее: в начале—общая шумиха, обещания победы в 3 месяца задурманили голову, да задабривали нас, солдаток, наградами к празднику и пр. Но уже к 1916 г. настроение резко изменилось, повидали раненых, убитых. Была у нас небольшая часть „оборонщиков“, так мы их и звали, любимцев хозяина, кричавших „война до победного конца“, с ними ругались, некоторых прямо ненавидели. Настроение было такое, что революцию ждали со дня на день; даже в окна заглядывали, не идут ли демонстранты снимать с работы“.

Несмотря на особо жестокое преследование правительством всякого движения среди рабочих, все же на некоторых предприятиях недовольство выливалось в организованное массовое движение. Так, на заводе „Проводник“ в конце 1916 г. вспыхнула забастовка, длившаяся около двух недель; основные требования забастовавших были: а) увеличение зарплаты; б) выдача спецодежды и в) открытие при заводе продовольственной лавки и хлебопекарни. Избранная рабочими делегация в составе активных рабочих тт. Агеева, Титова, Пуйша и др. ежедневно направлялась в Военно-промышленный комитет, в котором „рабочая группа“, состоявшая из меньшевиков и других „оборонщиков“, брала на себя „защиту“ интересов рабочих. Рабочие, однако, очень скоро убедились, что так называемая „рабочая группа“ вся под влиянием промышленников; предоставленные самим себе, рабочие, по увольнении части вожаков, проиграли забастовку; зато к моменту Февральской революции на заводе был кружок инициаторов забастовки, превратившийся фак-

[1]) В настоящее время зам. директора шелко-прядильной ф-ки им. Щербакова.

тически в заводской комитет (Агеев, Жилкин, Тикотин, Пуйша). Забастовки бывали и на других заводах. Прошедшая в 1916 г. забастовка в слесарно-сборочной мастерской завода „Гном и Рон“ кончилась тем, что начальство отправило всех военно-обязанных рабочих на фронт и тем ликвидировало стачку.

В особо тяжелых условиях жили солдаты-рабочие непосредственно военных мастерских, которых в районе было довольно много. Особенно выделялись мастерские тяжелой и осадной артиллерии „Мастяжарт“, тогда помещавшиеся на Ладожской ул. д. № 29. Под угрозой поставить после работы под винтовку, из рабочих выжимались последние соки Болеть „воспрещалось“; встретив однажды токаря Холодинского и узнав, что врач околодка, дав порошок, направил его на работу, начальник мастерских, капитан Кадрян, избил тов. Холодинского на глазах у рабочих. Ночевали мастяжартовцы во взятых для этого больших домах, чайных, где были устроены 2 и 3 этажные нары; грязь в этих казармах была ужасающая. Питание, главное блюдо—чечевица, надоевшая так, что рабочие в знак протеста выбрасывали ее с мисок на столы; начальство поставило строевых фейерверкеров за столы для наблюдения за тем, кто выкинет чечевицу. Эти условия приводили некоторых товарищей в такое отчаяние, что они нарочно устраивали дебош в какой-либо чайной, чтобы быть откомандированными на фронт. А капитан Кадрян, собрав всех, рычал, что зарубит, как щенков, хвастаясь при этом такими же подвигами в Кронштадте в 1905 г. За некоторое время до Февральской революции были запрещены всякие отлучки из казармы, ввели отправку с казарм в мастерские военным строем, прислали в мастерскую жандармов, организовали дисциплинарную роту, хотя и без того карцеры были полны; в последние дни запретили продажу газет у казарм и свидания с родными. Чаша терпения переполнялась...

Настоящих партийных организаций к моменту Февральской революции в районе почти не было. Исключением был Военно-промышленный завод (Гороховская ул., закрыт в конце 1917 г.), в бывшем Басманном районе [1]), где собралась

[1]) Нынешний Бауманский район образован весной 1920 г. из слившихся Басманного и Благуше-лефортовского районов.

значительная группа квалифицированных рабочих с московских, ленинградских и Брянского заводов. Интересные данные о работе на этом заводе приводит в своих воспоминаниях рабочий этого завода тов. Яновский (Соколов, ныне председатель Бауманской районной контрольной комиссии ВКП(б):

„Я поступил на Военно-промышленный завод через посредство тов. Савостьянова (по связи из Петрограда) 4 августа 1916 г. в крупно-снарядный цех; начальником этого цеха был гр. Сверк. Ввиду частых провалов партийцы были сильно законспирированы, поэтому связь с партийцами мне удалось получить через тов. Селиванова (работавшего в Центросоюзе), примерно, через месяц после поступления на завод. Первыми товарищами, с которыми я познакомился, были Батышев и Белорусов; несколько позднее меня познакомили с тов. Голубевым, через которого впоследствии (после ареста тов. Попова) мне пришлось устанавливать связь с МК партии большевиков (через Тер-Ваганяна).

Настроение рабочих в это время было несколько подавленное, так как прошла волна экономических забастовок, которые не дали удовлетворительных материальных результатов, а над руководителями этих забастовок нависла угроза ареста, что вскоре и произошло: были арестованы тт. Батышев, Белорусов, другим пришлось ретироваться с завода; несколько позднее — в конце января или в начале февраля 1917 г. — был провал Басманно-лефортовского районного парткомитета, где был арестован рабочий Военно-промышленного завода тов. Попов, И. И., к которому я приходил на свидания и передавал пищу и журналы (выходивший тогда „Печатник“).

Партийная работа внутри заводской парторганизации проходила путем устройства эпизодических собраний активистов-членов партий большевиков, летом и осенью на лужайке в церковной ограде (на Старой Басманной ул.), а зимой в заводской уборной. Ставились на этих собраниях вопросы текущего момента, большей частью практические, касающиеся различных форм реагирования рабочих на события как вне завода, так и внутри его, например: организация политстачки 9 января 1917 г., выступление 14 февраля 1917 г., обсуждение экономического положения

рабочих завода, в связи со все возраставшей тогда дороговизной жизни, сборы на Красный крест (помощь политзаключенным, ссыльным и др.) это один вид партработы—основной; другой вид работы — кружковой, воспитательный; устраивались кружковые конспиративные собрания на квартире с приглашением пропагандистов и без них. Я помню, как у меня на квартире собиралась группа молодежи; в одном из домов по Костомаровскому пер. также собирались кружки; третий вид партработы—работа в легальных организациях, как больничная касса. Я был тогда членом ревизионной комиссии кассы и поэтому принимал непосредственное участие в этой работе. Был еще один участок партийной работы в благушенском драматическом кружке, куда входил ряд рабочих нашего завода, в том числе я и тов. Моисеев. Этот кружок был фактически партийной организацией, дополняющей тот пробел, который имелся тогда в связи с необходимостью глубокого законспирирования руководящих органов партии, ввиду усиленных полицейских преследований и провокаций в собственной среде. Этот кружок был звеном для связи рабочих различных заводов (Военно-промышленный, „Гном и Рон“, Пэлка, „Шестерня-Цитроэн“ и ряд др.).

В Февральскую революцию это связующее звено сыграло по тому времени серьезную революционную роль. Я помню, как мы, человек 25, собрались 27 февраля 1917 г. на сцене Черкизовского театра и вместо предполагавшейся репетиции пьесы устроили собрание о событиях в Петрограде. Я сообщил тогда собравшимся директиву Московского комитета партии (которая была передана нам на завод и о которой товарищи еще не знали) и те мероприятия, которые мы наметили, т.-е. призвать рабочих к политической забастовке. Решили репетиции не устраивать, а разойтись с тем, чтобы каждый товарищ встретился с рабочими заводов из других смен (где таковые есть), рассказать здесь слышанное и призвать рабочих к поддержке питерцев.

Мне помнится 9 января 1917 г.; этот день прошел у нас с революционным подъемом, особенно денной смены, которая (как тогда партийцы рассказывали) полностью забастовала и вышла во двор с целью устройства организованного шествия по улицам к центру. Администратор заводского двора,

некто г-н Носов, пытался воспрепятствовать выходу рабочих и запер ворота. Рабочие побили Носова, сняли ворота с крючьев и вышли на улицу, демонстрируя до Земляного вала, так как дальше полиция не пустила их и разогнала. Рабочие пробирались дальше группами с тем, чтобы сойтись в центре. Я работал тогда в ночной смене.

Все мои попытки вместе с десятком молодых товарищей снять ночную смену потерпели неудачу; объясняю я это тем, что эти цеха мы обычно снимали с работы при помощи инструментальной и механической мастерских, но эти мастерские работали днем.

Через месяц с небольшим, 14 февраля, после перерыва созывалась Государственная дума. Незадолго перед этим среди рабочих завода распространялись речи Чхеидзе и других, по-тогдашнему левых членов думы.

Настроение было приподнятое, несмотря на все усиливавшуюся тогда реакцию. Меньшевики и социал-революционеры хотели подкрепить авторитет Думы, а большевики призывали рабочих к политическому протесту с лозунгами „Освобождения членов большевистской фракции Думы“ и „Долой братоубийственную империалистическую войну“. Было устроено общезаводское рабочее собрание: забастовали и двинулись демонстрацией по Покровке к центру. Через полицейские кордоны пробрались до Армянского переулка. Потом один работавший на заводе и оказавшийся провокатором устроил комедию — толкнул полицейского. Тогда демонстрантов-рабочих полиция начала избивать нагайками. Многим товарищам попало здорово; меня три раза продернули вдоль плеч. Все рассеялись и затем по-одиночке собирались в центр.

18 февраля 1917 г. среди рабочих завода, главным образом мало зарабатывавших, пошли разговоры о забастовке, с целью добиться прибавки на дороговизну, ввиду все возраставших цен на продукты.

По предложению рабочих-большевиков была избрана от общего собрания рабочих делегация к генералу Чардынцеву, в составе пяти товарищей: Белоусова, меня (Яновского), Сысенкова, одной работницы и пятого товарища, фамилии которого не знаю. Делегация в результате продолжительной беседы с этим генералом получила заверение, что он до-

бьется у администрации нашего завода организации продовольственного распределителя для снабжения рабочих продуктами первой необходимости по доступным ценам. Доклад делегации был собранием принят с нашим предложением, чтобы администрация к 25—26 февраля предприняла практические меры к организации продраспределителя. Февральская революция „помешала“ администрации завода выполнить это решение. Совет рабочих старост, который был создан после Февральского переворота, организовал такой распределитель и снабжал рабочих продовольствием. 23 февраля (8 марта по новому стилю) была организована политическая стачка (Международный женский день) без особых осложнений“.

В Благуше-лефортовском районе к моменту Февральской революции больше всех членов партии было в Московском союзе потребительских обществ (МСПО); так как МСПО руководили либеральные социал-патриоты, то сюда сравнительно легче было „политическим“ поступить на работу. Как среди рабочих, так и служащих здесь собралось сравнительно большое количество революционеров самой различной окраски.

Условия революционной работы были чрезвычайно тяжелые (к тому же в МСПО работало и изрядное количество провокаторов: Барышников, Поскребухин, Регенкаллер); сколько-нибудь оформленной организации не было. В своих воспоминаниях бывшие работники МСПО указывают, что члены партии подолгу работали рядом друг с другом, не зная о политической физиономии соседа. Здесь работали тт. Аванесов, Хинчук, Васильев, Камков, Мизикин, Пельше и другие.

Февральские дни

Совершенно естественно, что с Февральским переворотом Военно-промышленный завод стал организующим и руководящим центром Басманного района, а МСПО—Благуше-лефортовского района.

Весть о перевороте в Петрограде распространилась чрезвычайно быстро по предприятиям района. Движение рабочих вылилось в форму политической забастовки, демонстрации в центр со съемкой рабочих с фабрик по пути движения, участия рабочих района в освобождении солдат Спасских, Покровских, Фанагорийских и других казарм, выборов депу-

татов в совет. В типографии МСПО после недолгих пререканий с заведующим была напечатана в 10.000 экз. написанная тов. Знаменским прокламация — обращение к рабочим. „У нас имелась,—пишет работавший тогда в отделении завода Гакенталя при МВТУ т. Цихон [1]) — связь с Военно-промышленным заводом, где была большая ячейка, и когда мы от них получили сведения, что в Петрограде началось восстание рабочих, первым делом наша группа и сочувствующие ей объявили забастовку и устроили летучий митинг. На этом митинге приняли резолюцию, в которой говорилось, что мы должны во что бы то ни стало широко организовать забастовку и остановить все ближайшие фабрики.

В количестве 250 чел., бывших в ВТУ (отделение завода Гакенталь), мы двинулись по всем ближайшим фабрикам, призывали рабочих итти в центр, где разъясняют сейчас петроградские события. С большим успехом нам удалось снимать рабочих, которых мы группами в 50—100 чел. направляли в центр. Уже к часу дня рабочие со всех окружающих фабрик были сняты. Мы — группой в 50 чел.— также направились к центру. До нас дошли слухи из Рогожско-симоновского района, что там расставлены цепи городовых, которые не пропускают рабочих, однако, потом выяснилось, что всем рабочим удалось проникнуть в центр. У Красной площади мы встретили конную жандармерию. Нас оттиснули, но группами по 5—10 чел. нам удалось пробраться на Воскресенскую площадь. Здесь мы услышали от товарища, говорившего в рупор, что нужно прежде всего направляться к казармам. Нам перечислили казармы, в которых надо снять солдат. Мы направились группами с красными флагами, за нами двинулась большая толпа“.

По воспоминаниям рабочего ф-ки „Освобожденный труд“ тов. Л. С. Спиридонова, „25—26 февраля на фабрику пришли рабочие с других предприятий: с Семеновской м-ры, благушинской ф-ки быв. Бонакера („Мастяжарт“). К воротам подошло чел. 300—400. Из них 30 ворвалось во двор. В будке была засада—10 городовых. Их разоружили, но не арестовали. Фабрику мы остановили. Пошли, присоединившись к дожидавшим нас на улице товарищам, останавли-

[1]) Ныне секретарь Бауманского РК ВКП (б).

вать другие предприятия—б. Кудряшева, Долгоносова, Красильня и др. Все фабрики останавливались дружно, сразу".

Рабочие Военно-промышленного завода пришли первыми на б. Воскресенскую и Красную площадь. Движение было еще не без препятствий. „У Земляного вала,—вспоминают тт. Козловский, Яновский и Сысенков,—у ф-ки Хишина нас встретил отряд казаков; спросили нас, с какой целью идем и чего просим. Когда мы сказали казакам, что просим немного, всего-навсего хлеба, они нас свободно пропустили. На Маросейке пришлось прорваться через цепь полицейской охраны. Часть демонстрантов рассеивалась, пряталась по переулкам; все же компактной группой пробрались на Лубянскую площадь. Многие неизвестные нам группы людей присоединились к шествию. Когда дошли до бывшей Воскресенской площади, нас пыталась оттеснить появившаяся у Иверских ворот жандармерия; все же мы пробрались на Красную площадь. Там обучалась какая-то рота солдат. Кто-то пустил слух, что рота подготовлена специально для отпора демонстрации. Рота, однако, спокойно ушла, а мы вернулись на Воскресенскую площадь, где в это время показалась внушительная демонстрация студентов московского университета (ныне 1 МГУ). Площадь стала наполняться рабочими других фабрик и заводов. Открылся митинг. Первым оратором был тов. Вознесенский. С площади, по призыву ораторов, отправились к Спасским казармам [1]).

Описание февральских дней закончим воспоминаниями рабочих-солдат „Мастяжарта", где сообщивший о петроградской „забастовке" офицер уговаривал солдат не выходить на улицу, потому что „вас могут забрать, так как вы в шинелях; рабочие недовольны, якобы у них нет хлеба; у вас же хлеба вдоволь, зачем же вам поддерживать рабочую толпу". Эти разговоры, так же как и частое за последние дни демонстративное бряцание офицеров оружием в солдатских казармах, только яснее делали положение вещей, „27/II утром начали работу,—рассказывают тов. Сидоров и др. Смотрим — с Чащихинского проезда, примерно часов в 11 дня, идет небольшая толпа мужчин и женщин с красным фла-

[1]) Освобождение солдат Спасских казарм описано во многих изданиях

гом; тут же бросили станки и присоединились с криками „ура“ к гражданской группе демонстрантов. Офицерство же начинает командовать „стройся в колонну на обед“, но солдаты этой команды уже больше не слушают, а идут все вместе с пением революционных песен. Навстречу попадается полуротный 1-й смены, прапорщик Кузьмин, который встал на повороте по направлению к столовой и закричал: „Братцы, поворачивайся обедать“, но солдаты, не слушая его приглашения, схватили его, сорвали с него оружие, погоны и потащили на Воскресенскую площадь. Часть пошла в думу, а другие вместе с гражданскими тут же отправились к солдатам Покровских казарм, карцеров и дисциплинарной роты мастерской. Некоторые сели на проходившие автомобили и отправились разоружать засады полиции, а также тюрьму, или как ее еще назвать, недалеко от Храма Христа Спасителя. Зайдя в эту тюрьму, мы нарвались на сопротивление дежурного караула. Дежурный офицер предупредил демонстрантов, что он будет стрелять, если демонстранты подойдут и попытаются снять караулы, но демонстранты его не слушали и шли напролом; тогда дежурный офицер скомандовал караулу „пли“ и сам дал два выстрела вверх, но караул ни одного выстрела не дал, а тут же бросил винтовки, демонстранты схватили офицера; дальнейшую судьбу его не знаю, так как после сдачи выслали машину в Марьину Рощу для разоружения полиции, куда и мне пришлось попасть. По приезде туда, оказалось, засада уже выбита, нам только пришлось задерживать переодетых городовых. Вечером все товарищи собрались в казармах, и тут стал каждый делиться впечатлением, кто и где был; группа, которая пошла разыскивать поручика Гордиевского сообщила, что найти его не смогли, потому что он куда-то сбежал, тем самым он спас свою жизнь в это время. В этот вечер солдаты не все собрались, так как часть солдат осталась дежурить по полицейским частям“.

На следующий день завод „Мастяжарт“ внушительной демонстрацией, более чем в 3.000 человек, двинулся к центру. Спрятавшийся было накануне в пустовавшей бане начальник мастерских, капитан Кадрян, встретил у Земляного вала демонстрацию и с возгласом: „Братцы, я с вами!“—сел

в автомобиль, но под крики солдат: „Долой его“ — был торжественно высажен с машины и удален с шествия.

В общем, не считая отдельных стычек, больших боевых столкновений с полицией в самом районе не было.

Одержав быструю победу над царизмом, рабочие принялись за закрепление своей победы, за широкую общественную работу, развертывание партийной организации, профессиональных союзов, советов, за подготовку к еще более ответственному делу, к пролетарской революции.

V. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

В Благуше-лефортовском районе.

В первые же дни после Февральской революции, когда партия получила возможность выйти из подполья, здесь [1]) организовалась крупная ячейка. За неимением в районе другой столь же крупной партийной ячейки, она взяла на себя создание партийной организации во всем районе, и выбранный ею комитет представлял комитет района. Границы этого района сразу определились, как охватывающие территорию пяти бывших полицейских участков: Черкизова, Благуши, 1-го, 2-го, 3-го Лефортовских. Бюро районного комитета находилось в помещении МСПО.

Партийная организация

Первое время в организацию входили как большевики, так и меньшевики. Отмежевание произошло в конце марта. Именно, 26 марта было общее собрание членов партии района, на котором тов. Миллер сделал доклад о современном политическом моменте. Были предложены две резолюции об отношении к Временному правительству. За нашу резолюцию голосовало 86 чел., а за резолюцию меньшевиков — 7 чел. На следующем собрании 27 марта, где тов. Краузе-Пельше делал доклад о войне меньшевиков уже не было. Они вышли из нашей организации и образовали свою отдельную — им было с нами не по пути.

Следует указать, что организация района, в лице ее партийного комитета, несколько раз переменяла место своего нахождения в поисках центрального пункта, удобного для всех находящихся на окраине района ячеек. К таким иска-

---

[1]) В Московском союзе потребительских обществ.

ниям толкала еще необходимость более тесного общения с районным советом и районными отделениями профсоюзов. Найти в это время подходящее помещение было очень трудно. Наконец, в средине апреля (во всей статье даты по старому стилю) бюро районного комитета переводится в Введенский народный дом, где находился районный совет и отделения некоторых профсоюзов, и почти ежедневно по вечерам происходили многолюдные рабочие и солдатские митинги.

Здание бывш. Введенского народного дома; ныне Районный рабочий театр. С этим зданием связаны многие революционные события в районе. Здесь был питательный пункт для бастовавших рабочих в октябре 1905 г. 7 декабря 1905 г. на заседании районного совета рабочих депутатов здесь принято решение о сооружении баррикад в районе. В течение 1917 г. Введенский народный дом был местом беспрерывных массовых митингов. В Октябрьские дни здесь помещался Благуше-лефортовский военно-революционный комитет.

В конце апреля, после слияния Лефортовского и Благушинского районных советов, в исполком прошло подавляющее большинство меньшевиков и эсеров. Как это произошло, будет сказано впоследствии. После двух-трех недель существования бюро в Введенском нардоме оно вынуждено

было перейти в Преображенский нардом[1]), при чем переход этот совершился почти явочным порядком; 20 апреля исполком признал необходимым реквизировать помещение Преображенского нардома для нужд вновь возникающих общественных организаций Черкизовского подрайона и войти с отношением в реквизиционную комиссию Комитета общественных организаций; 24 апреля исполком, заслушав внеочередное заявление тов. Соловьева, члена нашей партии, о необходимости произвести приемку Преображенского нардома, поручил ему эту приемку. Наш комитет, по соглашению с некоторыми районными отделениями профсоюзов (металлисты, текстильщики, пуговичники и крючечники), занял совместно с ними этот дом, распределив между собою помещение, устроил в нем книжный склад и чайную-клуб. Это вызвало протест меньшевистско-эсеровского исполкома, который на собрании своем от 29 апреля вынес следующую резолюцию: „Ввиду поступившего заявления, что в Преображенском нардоме открылся клуб фракции большевиков и ввиду протеста, поступившего со стороны других партий, постановлено: принять меры к тому, чтобы превратить этот клуб в беспартийный рабочий и предоставить помещение его для всех социалистических партий". Но дело было уже сделано, и Преображенский нардом остался за нами и упомянутыми выше профессиональными организациями.

Однако, уже во второй половине сентября наш районный комитет и книжный склад, расположенные не в центре своего огромного района, были перенесены на Покровскую ул. д. № 86.

Первыми шагами партийной организации района было собирание членов партии в одно организационное целое, а также прием новых членов. Эта организационная работа в главном была выполнена к середине апреля. Точное количество членов партии в первое время установить нельзя. 12 марта мы имели сведения об организации ячеек на 5 заводах с общим количеством членов до 61 чел. Вскоре после выхода из подполья она выросла, вероятно, до 300 или 350 чел., судя по тому, что на собраниях 26—27 марта присутствовало 220—250 человек, затем наша организация

[1]) Теперь там помещается клуб им. Шитова.

быстро продолжает расширяться, и на собрании 11/VII присутствует уже больше 600 чел., такое же количество было и на собрании 26/VII; к Октябрьской же революции число членов партии возросло до 1500—2000 чел. Организационная работа состояла как в работе на фабриках и заводах, так и в созыве организаторов партийных ячеек. На этих собраниях комитет через свою организационную комиссию давал товарищам инструкции по работе. Общие собрания членов партии, которые созывались в этот период времени, также в значительной степени были посвящены организационным вопросам. Так, общее собрание 26 марта имело следующий порядок дня: 1) доклады с мест, 2) доклад районного комитета, 3) доклад Московского комитета, 4) об уставе, 5) выборы в районный комитет, 6) текущие дела.

Этому собранию предшествовал созыв 25 марта организаторов всех партийных ячеек района, положивший начало так называемым делегатским собраниям того времени. Аналогичное собрание представителей всех заводских социал-демократических большевистских групп происходило также 7 апреля по вопросу о выборах в районный комитет и в редакционную коллегию газеты „С.-Д.“. А 9 апреля было общее собрание со следующим порядком дня: 1) доклад о конференциях, 2) о 1 мая, 3) организационный вопрос и выборы районного комитета, 4) об издательском фонде, 5) текущие дела. Такое же собрание организаторов фабрично-заводских партийных ячеек, созванное для обсуждения организационных вопросов, было 17 апреля. В общем можно считать, что к этому времени важнейшая часть работы по организации и собиранию партийных сил уже была сделана.

Затем наша организация обратила серьезное внимание на выработку среди членов партии правильного революционно-пролетарского понимания всех явлений быстро текущей жизни. Часто происходят собрания пропагандистов и агитаторов района. Одно из таких собраний было, например, 16 апреля; 20 апреля происходит собрание районного комитета с коллегией пропагандистов и агитаторов для обсуждения известных тезисов тов. Ленина. На собрании 30 апреля, после обсуждения тезисов тов. Ленина, принята следующая резолюция: „Собрание членов РСДРП (большевиков) Лефортов-

ского района, заслушав доклад о 30-летней деятельности тов. Ленина в рядах РСДРП и обсудив его „тезисы", постановило приветствовать тов. Ленина, как передового борца революционного пролетариата, как выдающегося вождя Интернационала, всегда верно указывающего путь для движения рабочего класса и для дела революционной социал-демократии". На этом же собрании вынесено постановление об открытии партийного клуба, а также об учреждении делегатского собрания в качестве подсобного органа при организационной комиссии для проведения в жизнь на местах партийных постановлений, и рассмотрены другие организационные вопросы. Для членов партии ставится целый ряд докладов по вопросам текущей жизни: например, 21 апреля по вопросу о демократизации городского самоуправления, 22 апреля—„О займе свободы", 26 мая—О братании", 27 мая—„Война и наше отношение к ней", 28 мая—„История большевизма", 29—„О земле", „Об экономическом положении России". Эта работа не прекращается, конечно, и впоследствии.

Для углубления партийного самосознания, в начале мая приступлено было к организации районной партийной школы. В конце мая открыта запись как в районную школу, так и в школу МК, устраиваемую для нашего района и двух других. Районная партшкола открылась лекциями по вопросу о предстоящих тогда выборах в городскую думу (платформа, техника избирательной кампании и т. д.).

Нужно отметить также работу партийной организации по распространению партгазет и журналов, которые при коллективной подписке фабрик, заводов и воинских частей распространялись среди подписчиков через районные комитеты. Это было организовано приблизительно с июня. Что касается распространения партийной и вообще революционной литературы (книг и брошюр), то, благодаря близости районного комитета к Союзу потребительских обществ и его книжному складу, оттуда был извлечен целый ряд революционных брошюр, положивший основание созданию собственного книжного склада. Этот склад был устроен сначала на 1-й Переведеновской. Помещение для склада было не совсем удобно, но это помещение имело подвал, в котором конспиративно хранилось небольшое количество имевшегося

у организации оружия. Затем склад был переведен в Преображенский нардом, а потом на Покровскую ул. в д. № 86. Книги и брошюры продавались на месте в книжном складе и в Введенском нардоме, на митингах и собраниях, распространялись через представителей фабрик и заводов; выполнялись также заказы за пределы Москвы. На складе имелись все номера журнала „Спартак", „Жизнь работницы", органов профсоюзов, и принимались заказы по составлению и пополнению рабочих библиотек.

В период первой половины мая районный комитет, деятельность которого, расширяясь, вызывала денежные издержки, вынужден был обратить внимание на пополнение своей партийной кассы. Для этой цели был поставлен ряд платных лекций: 4 мая лекция тов. Полидорова „Воспоминания о каторжной тюрьме — в когтях неволи", 7 мая лекция тов. Знаменского „Тайные договоры в международной политике", 13 мая лекция тов. Фрадкина-Волина „О выборах в городское самоуправление". Все лекции происходили в Введенском нардоме. Впоследствии с этой целью любителями, организованными при районном комитете, были поставлены спектакли в Введенском народном доме: „Ледоход", драма из эпохи освободительного движения 1905 г., и драма Юшкевича „Голод".

В июле, когда „Социал-демократу" грозило прекращение издания ввиду отказа типографии его печатать, согласно призыву МК была предпринята кампания по созданию фонда в 150.000 руб. на приобретение собственной типографии. Везде на фабриках и заводах, в казармах и на митингах,—члены нашей партии производили сбор в фонд газеты, на что рабочие и солдатские массы откликались весьма сочувственно. Вопрос этот обсуждался на общем собрании членов партии 11/VII, где было решено произвести отчисление каждым членом партии однодневного заработка в фонд типографии и пустить подписные листы по фабрикам и заводам для сбора среди всех сочувствующих.

Демонстрации

Районная партийная организация принимала также деятельное участие во всех демонстрациях рабочего класса, которые устраивались в Москве. Следует отметить характерный эпизод, происшедший с нашим районом во время демонстрации 12 марта, закреплявшей по-

беду рабочего класса над царизмом: на Лубянской площади, от угла Лубянского пассажа на Китайскую стену был перекинут огромнейший плакат „Война до победного конца над тевтонами". Наш район сначала упорно отказывался пройти под этим плакатом и хотел было его снять, но это не удалось. Мы участвовали также в первомайской демонстрации 21 апреля, выступавшей с требованием устранить правительство Милюкова и Гучкова, в демонстрации 14 мая с протестом против смертного приговора над Фридрихом Адлером. 4 июля состоялась демонстрация членов нашей партии по поводу питерских событий. Демонстрация в нашем районе произошла после общего собрания членов организации, после которого они и двинулись в центр города. Пока демонстрация проходила по окраинам Москвы, она шла беспрепятственно, но чем ближе она продвигалась к центру, тем озлобленнее и ожесточеннее были нападения на нее буржуазных клик. Оскорбления, удары сыпались со всех сторон, и в конце концов демонстранты были рассеяны на мелкие группы.

Агитация Митинги

Одна из важнейших работ, которую проделала наша районная организация с самых первых дней ее возникновения, это — разъяснение широким массам рабочих и солдат быстро сменяющихся событий, разъяснение лозунгов нашей партии, разоблачение буржуазных и социал-соглашательских позиций и политики Временного правительства — словом, широкая агитационная работа, привлекавшая тысячи слушателей (с 4 по 25 мая было проведено 145 таких митингов). Отметим некоторые из них, и в первую голову происходившие почти ежедневно в Введенском нардоме, вмещавшем в себе 2000—2500 чел. Так, 8 марта был митинг „О гражданских свободах" и о лозунге „Долой войну", на котором был произведен сбор в пользу амнистированных; 10 марта митинг, созванный латышской организацией; 16 марта митинг по вопросу об отношении к войне, 26 марта в Введенском нардоме состоялось собрание рабочих военно-промышленного завода и некоторых других; тут был произведен сбор на посылку „Социал-Демократа" солдатам в окопы. 9 апреля на Семеновской площади состоялось собрание по вопросам о войне, Учредительном собрании, Временном правительстве;

16 апреля там же был вынесен привет тов. Ленину и принята резолюция об отношении к „займу свободы“; 13 апреля „О займе свободы“ в Введенском нардоме; 19 апреля по земельному вопросу; 21 апреля приветствие тов. Ленину; 22 апреля „О текущем моменте“; 22 мая „О коалиционном министерстве“; 17 июля там же „В трехлетнюю годовщину войны“, „О событиях на фронте и современном положении России“ и целый ряд других митингов и лекций. Настроения этих собраний, а также и фабрично-заводских, число которых было очень велико, давали яркую картину боевого революционного настроения рабочих и солдат нашего района. Меньшевики и эсеры, которые выступали на этих многолюдных, всем доступных собраниях, не пользовались никаким успехом, и наша точка зрения неизменно принималась слушателями. Даже когда меньшевики и эсеры ставили свои митинги, т.-е. выставляли своих докладчиков, собрание принимало нашу резолюцию. В этом отношении характерен митинг 3 мая в Введенском нардоме, где состоялась лекция эсера Будкевича по аграрному вопросу. Попытка эсеров сорвать митинг, после того как выяснилось, что настроение собрания не на их стороне, не удалась. И после выбора нового председателя собранием были приняты наши резолюции по земельному вопросу и о братании на фронте.

Лефортовская районная организация первое время после революции была довольно богата пропагандистскими и агитаторскими силами и обслуживала не только свой район, но и другие районы г. Москвы. Ее агитаторы выезжали за пределы Москвы,—например, в Царицыно, во Всехсвятское, в Пушкино, Болшево, Щелково, Мытищи, Калошино и др., а также обслуживали соседний Басманный район,—случалось, выступали и в Сокольническом и в Рогожском районах, и на военных митингах в Спасских и Астраханских казармах. На агитационную работу среди воинских частей было сразу обращено самое серьезное внимание. Был проведен целый ряд митингов, собраний, из которых отметим некоторые; так, 12 марта на собрании 84 запасного пехотного полка в Сокольниках присутствовал представитель нашего районного комитета. Собрание было занято обсуждением приказа полковника Сушильникова, в котором было заявлено, что

командующим войсками округа пока приказано сохранить старый устав, что, конечно, взволновало солдат, так как 5/III был приказ командующего войсками Грузинова об отмене чинопочитания вне службы. Собрание приняло следующую резолюцию: „1) Все приказы, исходящие не от официальных представителей Совета Р и СД или военного штаба, не имеют никакого значения. Что же касается приказа полковника Сушильникова, решено обратиться в Совет Р и СД, чтобы подобные случаи не имели места. 2) Московский гарнизон должен быть гарантирован от высылки в другие места, впредь до установления нового воинского устава; тем более нежелательно изъятие отдельных частей или лиц".

2-й пункт этой резолюции объясняется тем, что уже тогда начала намечаться борьба буржуазии и штаба округа против революционно настроенных частей и отдельных наиболее выдающихся солдат, путем высылки их на фронт и другие места под предлогом военной необходимости, с чем, конечно, не могли согласиться эти части и отдельные солдаты. Это требование повторяется и в других резолюциях. На общих митингах в Введенском нардоме обычно присутствовало много солдат, но кроме того устраивались и специальные воинские митинги. Так, 20 марта в Введенском нардоме состоялся специально солдатский митинг, обсуждавший солдатские дела. Подобный же митинг можно отметить еще 10 мая в этом же помещении. 16 мая состоялся митинг команды и больных Московского военного генерального госпиталя, происходивший благодаря громадному количеству собравшихся на открытом воздухе. Присутствовали представители нашей партии, меньшевиков и эсеров. Обсуждались вопросы об отношении к войне, к займу свободы, ко Временному правительству. Принята наша резолюция, требующая перехода власти к советам. Этот митинг носил общеполитический характер. Предыдущие же митинги касались, главным образом, солдатских дел,—мы остановимся на них несколько подробнее. Митинг солдат в Введенском нардоме 20/III коснулся тех же больных вопросов, что и собрание 84 пех. зап. полка, а именно,—отправки на фронт. Принята следующая резолюция:

1) „Мы, солдаты революционной армии московского гарнизона, заявляем решительный протест против отправки

на фронт солдат революционной армии и настаиваем на том, что в первую голову должна быть отправлена полиция. 2) Никто из полиции не должен иметь руководительства в частях, а должны быть только на правах рядовых. Затем мы высказываемся за то, чтобы наш совет солдатских депутатов заседал совместно с советом рабочих депутатов, ибо задачи наши общие. 3) Послать приветствие Петроградскому соединенному совету рабочих и солдатских депутатов и просить принять меры против контр-революционных выступлений Московского военного штаба, выражающихся в отправке на фронт революционных войск и отдельных солдат, и оставляющего в неизвестности вопрос об отправке полиции. Мы заявляем, когда от нас потребуется защита добытой нами свободы, мы умрем с оружием в руках, но не отдадим себя в руки врагам свободы, кто бы эти враги ни были".

На митинге 10/V в Введенском нардоме обсуждался наказ делегатам в Совет рабочих и солдатских депутатов, который был напечатан в № 51 „Правды"; он и был принят собранием с дополнением пункта, трактующего о солдатских нуждах, как то: жалование, обеспечение семей и воинов, пострадавших от империалистской войны, и т. п. Наконец, приведу резолюцию, принятую по докладу Ярославского в 3-летнюю годовщину империалистской войны на общегражданском митинге в Введенском нардоме 18/VII. К этому времени Временное правительство уже развернуло свою систему удушения всего революционного в армии путем репрессий против солдатских организаций, недопущения революционной печати, травли большевиков, а венцом всех этих мер явилась смертная казнь. Все это делалось под предлогом упадка дисциплины в армии, которая отказывалась перейти в наступление, отказывалась от пролития крови в угоду русской и союзнической буржуазии. Как выход, намечался принцип выборности должностных лиц, перемирие и передача власти советам. Вот эта резолюция:

„1) Горячо протестовать против введения смертной казни, как меры неспособной создать здоровую дисциплинированную армию и в то же время направленной в значительной степени против наиболее способных, сознательных в отстаивании народных прав, элементов армии; требовать демокра-

тизации армии с применением принципа выборности должностных лиц.

2) Призывать товарищей поддерживать всеми силами необходимую для революционной армии дисциплину, основанную не на страхе перед наказанием, а на сознании революционного долга, вместе с тем протестовать против всех тех мер, которые, под видом оздоровления армии, направлены к лишению политических и гражданских прав солдат, рабочих и крестьян—закрытия социалистических газет, ареста членов социалистических партий, разгона армейских комитетов, травли интернационалистов, и в особенности большевиков.

3) Протестовать против попытки передачи власти вековечным врагам и эксплоататорам народа,—классам, которые и впредь стремятся к подавлению революции и к угнетению народных масс.

4) Готовиться к завоеванию всей власти органами революционной демократии, передачи ее в руки социалистического большинства, ответственного перед советом рабочих и солдатских депутатов.

5) Требовать, чтобы правительство, как и вся революционная демократия, направило все силы на то, чтобы добиться перемирия на всех фронтах для переговоров о мире между народами".

Военная организация

Здесь завязывались и укреплялись связи парторганизации с солдатскими массами и ее отдельными, наиболее сознательными представителями. Необходимо было эту связь закрепить организационно. В середине мая было приступлено к созданию военной партийной организации. 17 мая в Преображенском нардоме состоялось собрание солдат-большевиков Лефортовского района, на котором присутствовало свыше ста человек от 8—10 воинских частей (84 пех. зап. полк, 1 зап. телегр. полк, 661 Калужская дружина, Преображенский военный гараж, мастерские тяжелой осадной артиллерии, команда Суворовского кадетского корпуса, Генеральный военный госпиталь и др.). Было признано необходимым устройство военной районной организации, а план деятельности поручено выработать тут же избранной комиссии. Этим собранием работа среди воинских частей района была уложена в организационные формы. 20 мая на собра-

нии членов партии района был поставлен доклад о военной районной организации, был принят и одобрен устав военной организации, выработанный вышеупомянутой комиссией, и решено ввести в комитет представителей от наиболее крупных ячеек, по одному от каждой. 24 мая состоялось второе собрание военной организации, на котором был обсужден вопрос о выборах от воинских частей в районный совет, а также и вопрос о войне. С этого времени работа стала итти среди воинских частей усиленным темпом и более планомерно и продуктивно, чем раньше.

Союз молодежи

Парторганизация, развертывая свою работу среди широких рабочих масс, должна была естественно оказывать свое содействие всем близким ей по духу и задачам рабочим организациям, в первую очередь – союзу молодежи и профсоюзам. В начале августа состоялось учредительное собрание Лефортовского районного социалистического (интернационалистического) союза молодежи. Собравшаяся молодежь сразу стала на точку зрения революционной с.-д., решив единогласно послать приветствие газете „С.-Д“. Союз поместился в Преображенском нардоме, где находилось и бюро нашей парторганизации, и работал под ее идейным руководством и в тесном контакте с ней. Районная организация молодежи приняла название „III Интернационал“. Для молодежи в Преображенском нардоме устраивались лекции, напр., 26 августа на тему „Текущий политический момент в связи с III Интернационалом“, 2 сентября на тему „Долой большевиков“ и др. С тех пор организация союза молодежи непрерывно развивалась и работала в контакте с партийной организацией.

Профсоюзы

Что касается работы в профессиональном движении, то целый ряд районных отделений профессиональных союзов находился под непосредственным влиянием партийной организации, и правления профсоюзов сразу же составлялись из членов нашей партии. Два наиболее крупных союза, металлистов и текстильщиков, были открыты по инициативе нашей партии, созвавшей в конце марта в Введенском нардоме через районный совет организационное собрание металлистов и текстильщиков. Некоторые профессиональные союзы, как

сказано выше, находились в одном помещении с бюро районного комитета — сначала в Введенском нардоме, а затем в Преображенском. Районный комитет внимательно следил за работой профсоюзов, всячески их поддерживал, проводил через них свое идейное влияние путем распространения литературы, выступления на делегатских собраниях, опирался на них во время устройства демонстраций, проведения выборных кампаний в городскую и районную думы. Правления лефортовских отделений профсоюзов текстильщиков, рабочих кожевенного производства, пуговичников и крючников постановили голосовать за наш список № 5 в городскую думу. Эти решения правлений союзов были подтверждены потом и делегатскими собраниями. При составлении списков в районную и городскую думы включались и кандидаты профсоюзов.

Районные думы

Партийная организация принимала участие и в работе районных дум, которые, как известно, возникли в первые дни после Февральской революции путем делегирования в них представителей не только пролетарских, но и буржуазных организаций. Впоследствии пролетарский элемент был в них увеличен представительством от крупных фабрик и заводов, но составить чисто пролетарские думы во главе с рабочими-большевиками не удалось. Пополнение районных дум рабочими произошло во второй половине апреля, в чем уже ранее чувствовалась необходимость. Толчком к этой работе в общегородском масштабе послужил следующий призыв МК нашей партии: 1) Идите в ваши комиссариаты. 2) Узнайте, как организованы ваши районные думы. 3) Отправляйтесь в думы с мандатами от наших партийных организаций, профессиональных союзов, клубов, заводских комитетов и т. п. 4) Каждая общегородская организация шлет по одному, а каждая местная по пяти представителей в районную думу.

Районная партийная организация серьезно отнеслась к этому призыву, и результаты этого отношения скоро сказались. Так, во 2-й Лефортовской думе, где было около 50 гласных из буржуазии, на заседание 16 апреля явилось сразу свыше 80 представителей пролетарских организаций. В результате большинство гласных — социал-демократы

большевики, и председателем был избран рабочий. То же самое произошло и в первой Лефортовской районной думе, где 3 мая были произведены перевыборы временной управы. Большевики составили свой список, а эсеры сблокировались с буржуазией (домовладельцы, трактирщики и прочие цензовики). За наш список было подано 42 голоса, за блок—28. Из 11 членов управы наших вошло 7. Выборы в районные думы от фабрик и заводов и от районных отделений профсоюзов происходили при участии партячеек, выставлявших своих кандидатов. Из 5 районных дум, находившихся в нашем районе, во второй и первой Лефортовских думах было большинство членов нашей партии, и управы также состояли из них. Благушинская же дума была захвачена эсерами, Черкизовская и 3-я Лефортовская—буржуазными и мелкобуржуазными элементами, хотя и со значительным участием рабочих.

Районный совет, в исполкоме которого наши товарищи в первые недели революции были в большинстве, также старался оказать влияние на состав и деятельность районных дум, для чего имел муниципальную комиссию. Так, 15 апреля эта комиссия созывала собрания всех рабочих и представителей социалистических организаций, избранных в участковые думы Лефортовского района для обсуждения вопроса о работе районных дум. Те районные думы, где в большинстве были представители нашей партии, занимались не только практическими, хозяйственными вопросами, но и политическими вопросами текущего момента. Так, районная дума Лефортовского участка в заседании своем от 27 апреля обсуждала вопрос об отношении к Временному правительству в связи с его конфликтом с Советом рабочих и солдатских депутатов по поводу ноты Милюкова иностранным державам и вынесла следующее постановление:

„Мы выражаем Временному правительству свое недоверие и утверждаем, что вопрос о мире, а с ним и все другие могут быть разрешены в интересах демократии только правительством, вышедшим из широких демократических народных масс,—советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

С первой половины мая началась избирательная кампания в городскую думу, в чем парторганизация приняла

деятельное участие. Подготовительные шаги выразились в целом ряде следовавших одно за другим партсобраний. Так, райком 7 мая собирает всех партийных товарищей, работающих в участковых думах и желающих принять участие в муниципальной работе, в выборах в городскую думу. Такое же собрание созывается и 11 мая для обсуждения вопроса об избирательной кампании и платформе. Собрание это обсудило вопрос о работе существующих районных дум и постановило усилить пролетарский элемент в 3-й Лефортовской и Черкизовской думах. По вопросу о выборах в городскую думу оно высказалось против блока с другими социалистическими партиями и против предполагавшейся, но не состоявшейся попытки меньшевистско-эсеровского совета выставить общий социалистический список.

Затем начинает работать особая муниципальная комиссия при райкоме, составленная по одному представителю от каждой фракции районной думы. Первое собрание этой комиссии было 14 мая. Еще более широкие собрания по этому же вопросу происходили в дальнейшем. Так, 19 мая райком и фракция большевиков районного совета созывают собрание делегатов от партийных, заводских и солдатских ячеек, членов фракции совета и всех большевиков, работающих в районных думах и желающих принять участие в муниципальной работе. В порядке дня ставится вопрос о выборах в городскую думу. Наконец, непосредственно перед выборами при бюро райкома устанавливается дежурство для выдачи избирательной литературы и всяких справок по вопросу о выборах в городскую думу. Агитационно-избирательная кампания была открыта 13 мая митингом-лекцией тов. Фрадкина-Волина „О выборах в городскую думу“ в Введенском народном доме. Затем произошел целый ряд митингов, фабрично-заводских и военных собраний, где члены нашей партии защищали свою платформу и вели ожесточенную дискуссию с меньшевиками и эсерами. В качестве докладчиков и ораторов выступали наши агитаторы—работники районных дум и товарищи из районной партшколы, прослушавшие ряд лекций, связанных с выборами в городскую думу. Наш список собрал 75.400 голосов, и мы провели в гласные 23 большевика. Из нашего района было выбрано 3 товарища: А. А. Знаменский (член МК от нашего района),

Бондаренко (рабочий) и тов. Есин (солдат из Преображенского военного гаража). Количество голосов, поданных в районе за большевистский список, доходило, насколько я помню, до 16.000.

Что касается выборов в районные думы, то эта избирательная кампания производилась еще с большей интенсивностью, чем в городскую думу. В нашем районе из Благушинской, Черкизовской и 2-й Лефортовской дум должна была составиться одна дума (8-я Преображенская). 1-я и 3-я Лефортовские совместно с 1-й и 2-й Басманными должны были также составить одну думу (10-ю Басманную).

27 августа состоялось собрание муниципальной комиссии при райкоме. На это собрание были приглашены представители от наших фракций при профсоюзах района, от фракций всех районных дум, в том числе и от 1-й и 2-й Басманных, от польской, литовской и латышской секций. Были приглашены представители и Басманного райкома. В порядке дня был вопрос о выборах в районные думы и намечение кандидатов, в качестве которых мы выставили лучшие партсилы нашего района. По обоим районам (8-я и 10-я думы) наша партия получила на выборах абсолютное большинство голосов, от 65 до 70% всех избирателей. Особенно выделилась Благуша, с ее рабочим населением, где за наш список было подано около 77% всех голосов. В результате в обеих думах были избраны чисто большевистские управы, составленные, главным образом, из товарищей, ранее работавших в районных думах. Намечение кандидатов управы происходило по соглашению фракции районных дум с райкомом. Районные думы этого созыва работали в гораздо большем контакте и при непосредственном влиянии парторгнизации, чем думы первого созыва. При думах были организованы фракции, которые регулярно собирались с представителями райкома и обсуждали предварительно все вопросы как практической работы, так и политического момента, которые потом обсуждались на собраниях районных дум.

Районный совет рабочих депутатов

На работу в районном совете сразу было обращено районной парторганизацией особо серьезное внимание. Районный совет возник в самые первые дни Февральской революции. Уже

4 марта состоялось первое собрание районного совета, созванное временным организационным комитетом, первое заседание которого было 2 марта. На этом собрании присутствовали представители от 16 фабрично-заводских предприятий, и был избран временный исполнительный комитет из 17 лиц, в который в большинстве вошли большевики. Теперь началась, главным образом, организационная работа, целью которой было привлечь всех рабочих и солдат района к выборам в районный совет. Выборы эти, происходившие под влиянием нашей организации и партячеек, давали в большинстве случаев депутатов нашей партии, и настроение районного совета, как это обнаруживалось при обсуждении всех рассматриваемых вопросов, было резко-революционное. К середине апреля эта организационная работа была уже вполне проделана. Совет помещался в Введенском нардоме, имел некоторое число постоянных работников, как то: секретаря и делопроизводителя исполкома, секретаря и делопроизводителя комиссии труда, которая занималась разбором конфликтов между рабочими и предпринимателями, муниципальной комиссии и некоторых других. Чтобы закончить собирание района в одно целое, оставалось только соединиться с Благушинским районом, где на территории одного комиссариата сорганизовался свой совет, в то время как в Лефортовский совет входило 4 комиссариата: Черкизово и 1-й, 2-й, 3-й Лефортовские с количеством фабрично-заводских предприятий и рабочих, превышающим Благушинский в 3—4 раза.

Это слияние совета произошло на объединенном собрании обоих советов 21 апреля, на котором был выбран общий исполком. В исполком вошло большинство тех, которые раньше работали не в Лефортовском, а в Благушинском совете: то были меньшевики и эсеры. Были между ними и называвшие себя анархистами, которые скоро переделались в меньшевиков, как, например, председатель совета того времени, Егоров-Орлетинов. С тех пор в совете началась ожесточенная партийная и политическая борьба между большевиками и сблокировавшимися между собой меньшевиками и эсерами. Эта борьба продолжалась до 28 августа, когда на перевыборах исполкома совета мы из 253 голосов получили 63% и из 20 мест в исполкоме мы получили

13 мест. Перевыборы исполкома, несмотря на то, что настроение рабочих депутатов было отчетливо в нашу пользу и по всем важнейшим вопросам политической жизни принимались предложения нашей фракции, всячески оттягивались и срывались меньшевиками и эсерами.

29 июня нам удалось добиться перевыборов, но меньшевики и эсеры отказали нам в пропорциональных перевыборах, которых мы требовали. И вот, насколько помню, результат выборов был таков: наш список—124 голоса, за блок меньшевиков и эсеров, в который они включили для приманки несколько беспартийных,—150 голосов, и в результате блок занял все места в исполкоме. Пришлось вести длительную работу по фабрикам и заводам, привлекать на свою сторону беспартийных депутатов, пока во главе Благуще-лефортовского совета опять стал большевистский исполком, так ловко свергнутый меньшевиками и эсерами при слиянии двух советов. Итак, меньшевистско-эсеровский исполком стоял во главе районного совета с 21 апреля до 28 августа. А в то же время пленум совета шел за нашей партией, что видно из результатов целого ряда собраний. Так, 12 апреля на пленуме обсуждался вопрос о „займе свободы", всеми голосами против одного принята наша резолюция. 12 июня по вопросу о финансово-экономическом положении страны принята также наша резолюция; 31 июля на совместном заседании советов с фабрично-заводскими комитетами обсуждался вопрос о наступлении—принята наша резолюция 233 голосами против 107, поданных за меньшевиков и эсеров. В середине июля обсуждался вопрос о политическом положении в связи с петроградскими событиями—принята наша резолюция 78 голосами против 50. Наконец, 25 сентября обсуждался вопрос о демократическом совещании, предпарламенте и новом коалиционном министерстве. Принята также наша резолюция. На этом же собрании много внимания было уделено рассмотрению последних циркуляров министерства труда. Единогласно была принята предложенная нами резолюция, характеризующая эти циркуляры, как новый натиск на рабочие учреждения, как поход, объявленный капиталом и подкрепленный министерством труда.

Такова была деятельность нашей парторганизации в Лефортовском районе за период от Февральской революции, когда партия вышла из подполья, до октябрьско-ноябрьских дней, когда партия, стоявшая во главе революционного пролетариата и солдатских масс, дала решающий бой буржуазии. В заключение упомяну фамилии тех товарищей, которые принимали наиболее активное участие в партработе и в Октябрьско-ноябрьской революции. В Московском комитете от нашего района был сначала тов. Знаменский, а затем 11 июля, когда количество представителей было увеличено до трех, тт. Знаменский, Корзинов и П. К. Штенберг. Членами райкома на этом же собрании (11 июля) были избраны: тт. Эдмонд Мач, Знаменский, Андреев, Корзинов, Мизикин, Балакирев, Фомин, П. П. Щербаков, Берклау, Фаломеев, Демидов Владимир, Рослонь, Селиванов, Фокин, Шитов, Ибрагимов, Прухняк, Муравьев, Зелинский, Кислова, Рубинштейн, Донецкий, Елховский, Брусиловская, Журавлев, Кривошапкин и Будан. Первым секретарем райкома была Терликова, затем Ибрагимов; организатором района—Розенштейн. Из активных работников следует отметить тт. Леонова, Искакова, Сергея Николаевича Петрова, Лаврухина, Бирюкова, Яковлева и Петрова от завода „Шестерня-Цитроен“ и целый ряд других товарищей. В районных думах работали: в Черкизовской—Веселов и Кобозев, во 2-й Лефортовской — Волынкин, Гудков, Суханов, Фокин и Пукис; в 1-й Лефортовской — Краузе-Пельше, Елховский, Леонов, Вульфсон. Во время Октябрьской революции в военно-революционном комитете района состояли: Розенштейн, Знаменский, Петров С. Н., Корзинов, Шленов, Демидов Владимир. В штабе Красной гвардии: Васильев И. В., Титов, Гофман, Берклау, Лебедев и Мануковский. В военном штабе района: Наседкин, Демидов Семен, Переверзев, Стефановский, Шитов, Масленников, Есин, Блохин и Буланов. В Красном кресте: д-р Перфильев, Щербаков П. П., Рубинштейн, Визер, Дикарева и др. Товарищи, выполнявшие во время переворота ту или иную ответственную работу: Муравьев, Люба Пиндрик, Елена Штейнман, Брусиловская, Веселов, Кобозев, Семенов, Фокин, Соколов, Петров, Яковлев, Мизикин, Мерзлов, Бирюков, Чуланов, Лаврухин, Мач, Ибрагимов, Бауер, Селиванов, Шумаров и Леонов. Понятно, список этот не исчерпывающий.

Группа активных работников Благуше-Лефортовского района.
1. Пиндрик Люба, 2. Корзинов Г., 3. Ибрагимов Ш., 4. Фокин, 5. Васильев И. В., 6. Петров С. Н., 7. Туляков, 8. Пукис, 9. Кобозев, 10. Демидов, 11. Мизикин, 12. Розенштейн, 13. Веселев, 14. Наседкин, 15. Знаменский, 16. Переворзев, 17. Брусиловская.

Некоторые из упомянутых товарищей и сейчас работают в районе, многие рассеялись по Советской России, а многие уже погибли смертью героев в борьбе за всемирную социальную революцию.

В Басманном районе

(По личным воспоминаниям тов. Базанова и документам)

1. Территория района и его краткая характеристика

Басманный район в 1917 г. занимал территорию нынешнего Бауманского района без Благуши и Лефортова, которые были тогда самостоятельным районом, и без тех улиц и переулков, которые были присоединены к Бауманскому району после ликвидации Городского района.

Границами его были Рязанский вокзал, Красные ворота, Покровка с прилегающими к ней переулками, Курский вокзал, Немецкая улица (ныне ул. Баумана) и Гавриков переулок. До образования самостоятельного Рогожско-симоновского района, которое произошло в начале июня 1917 г., в него входили также улицы, примыкающие в Рогожской заставе. Поэтому первоначально он носил название Рогожско-басманного района.

Кроме ряда крупных фабрик и заводов, в районе были расположены Рязанский трамвайный парк и ряд воинских частей: 674 Калужская дружина, 664 Полтавская пешая дружина, команда летчиков, самокатный баталион, I-й эвакуационный госпиталь, лазарет Красного креста и т. д.

Оформление партийной организации и ее первые шаги

Партийная организация начала оформляться в Басманном районе лишь в половине марта. До этого там существовали на некоторых заводах (Военно-промышленный, Гакенталь и др.) небольшие социал-демократические кружки, и делались лишь весьма слабые попытки со стороны проживавших в районе социал-демократов одиночек к созданию партийной организации. Никакой связи между существующими в районе кружками и проживающими в пределах его социал-демократами одиночками не было, поэтому и никакой партийной работы, выходящей за пределы завода или фабрики, не велось. Эта работа нача-

лась с появлением в районе тов. И. А. Зеленского [1]), который после своего бегства из иркутской ссылки (примерно, в ноябре или декабре 1916 г.) поселился в районе и начал, под кличкой Ивана Никифоровича, вести пропагандистскую работу среди рабочих Военно-промышленного завода. Тов. Зеленскому удалось связаться с несколькими проживавшими в районе и работавшими на разных предприятиях рабочими социал-демократами (Белорусов, Цихон, Забродин, Виксне и др.), помочь им организовать у себя на предприятиях социал-демократические ячейки, наладить связь между нами и, таким образом, положить начало партийной организации.

В первой половине марта, по инициативе тов. Зеленского, было созвано собрание всех работающих в районе и более или менее известных друг другу социал-демократов-большевиков. На этом собрании пришлось присутствовать и мне [2]). Происходило оно на частной квартире в Большом Златоустинском переулке; присутствовало на нем не более 20—25 человек. Из них я помню тт. Зеленского, Полонскую (Поля), Белорусова, Желтова, Табакова, Забродина, Цихона, Башу, Виксне, Шабловского, Тимошина и Яновского. Собравшимися товарищами, после доклада тов. Зеленского о происходящих событиях и стоящих перед партией задачах, был избран из своей среды временный комитет (состава его я не помню) и выделен один платный работник (Базанов), на которого возложены были функции секретаря комитета. Комитету поручено было подыскать постоянную квартиру, связаться с МК и повести работу по налаживанию связей с фабриками и заводами.

На первых порах временный комитет примостился в одной из комнат Пушкинской библиотеки (Елоховская пл.), которую отвоевала для нас сотрудница этой библиотеки, старая большевичка, Лидия Ивановна Галкина, у своих сослуживцев-меньшевиков.

Работа комитета в первое время выражалась преимущественно в организации митингов, распространении литературы, вербовке новых членов в партию. Митинги тогда, нужно сказать, происходили беспрерывно с утра до вечера

[1]) Ныне секретарь Средне-азиатского бюро ЦК ВКП (б).

[2]) Тов. Базанову.—Ред.

и устраивались буквально всюду... Устраивались они почти ежедневно на фабриках и заводах, в казармах, наконец, просто на площадях и улицах. Весьма характерны для этого времени были уличные митинги. Их никто не созывал. Достаточно было случайно где-нибудь остановиться нескольким людям, как тут же кто-нибудь, не спрашивая, желают ли его слушать или нет, начинал разговор на какую-нибудь политическую тему, а в результате там собиралась целая толпа, доходившая иногда до 1000 и более человек. Сперва в толпе ведутся лишь неорганизованные групповые споры, в которых все присутствующие принимают живое участие. Но вот кто-нибудь из толпы, взобравшись на какое-нибудь возвышение, овладевает вниманием всей толпы и кладет, таким образом, начало митингу. За ним выступает другой, третий,—и так до позднего вечера. Слушатели беспрерывно меняются, но не убывают; одни уходят, другие приходят, и в толпе то-и-дело слышны аплодисменты и крики: „Правильно, правильно", – или, наоборот, свист и крик: „Довольно, долой",—заставляют оратора уступить место другому. В нашем районе такие митинги очень часто можно было наблюдать на Елоховской площади, в центре они происходили ежедневно на Тверской, у памятника Скобелева (ныне Советская площадь).

Партийную организацию больше всего интересовали, конечно, не такие случайные митинги, а митинги, специально организуемые на фабриках и заводах; в то же время мы не могли оставлять без внимания и уличных митингов, так как на последних, больше чем где бы то ни было, пускались в ход всякого рода демагогия и клевета по адресу большевиков со стороны кадетствующей и меньшевистско-эсеровской публики. Слушателями же на этих митингах бывала далеко не одна только праздношатающаяся обывательская публика, но также и неорганизованная часть рабочих и демобилизованных или находящихся в отпуску солдат.

В своих выступлениях наши агитаторы, в подавляющем большинстве случаев рабочие, подчеркивали наше отношение к Временному правительству, отношение к войне и отношение к другим партиям, указывали на необходимость, в целях закрепления и расширения завоеваний революции, скорейше-

го созыва Учредительного собрания, скорейшего установления республиканско-демократического строя, немедленного разрешения аграрного вопроса и опубликования международных договоров, введения 8-часового рабочего дня, который, кстати сказать, был в ходе борьбы явочным порядком введен нами почти во всех предприятиях задолго до опубликования декрета по этому вопросу. В позднейших выступлениях, начиная, примерно, со второй половины мая, когда события развернулись уже достаточно широко, лозунг „Демократическая республика" в выступлениях наших агитаторов уже не выдвигался. Его заменил другой, более жизненный лозунг: „Вся власть советам". Реже говорилось и о 8-часовом рабочем дне, так как последний был уже фактически завоеван. Зато все более и более резко стал ставиться вопрос о необходимости организации бдительного контроля над производством, о необходимости немедленного обложения имущих классов подоходно-прогрессивным налогом и т. д.

Вот одна из типичных резолюций того времени, вынесенная на митинге рабочих завода Гакенталь.

„В виду создавшегося в стране финансового кризиса и в связи с проведением займа свободы, который не оправдал надежд, мы, рабочие завода Ф. Гакенталь, собравшись в количестве 1100 чел. 25 мая 1917 г. на общее собрание и обсудив все создавшееся в стране критическое положение, пришли к такому выводу:

1) Требуем немедленно провести прогрессивно-подоходный налог на имущие массы.

2) Требуем от советов Р. С. и Кр. Д. немедленно назначить комиссию для проверки военной прибыли и реквизировать ее в пользу государства.

3) Установить точный контроль над промышленниками и урезать их аппетиты.

4) Требуем немедленно всю помещичью землю передать трудовому крестьянству.

Прежде чем провести в жизнь необходимые декреты, которые не в интересах капиталистов, а в интересах всего революционного народа, мы, сознательные рабочие, требуем, чтобы власть взяли в свои руки советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Обычно все устраивавшиеся нами на предприятиях митинги заканчивались призывом к вступлению в партию, причем интересно отметить, что процедура вступления в партию была тогда чрезвычайно простой. Мы действовали по пословице: „куй железо, пока горячо". Прямо после окончания митинга сам докладчик или кто-нибудь из членов партии, работающих на том же предприятии, примостится где-нибудь на ящике или у станка, на листке обыкновенной бумаги производит запись, не требуя от вступающих рекомендаций и не устраивая им никаких исповедей и экзаменов. Вместо партийных книжек в первое время выдавались просто квитанции о приеме вступительного (50 к.) и уплате членского (30 к.) взноса, и если у товарищей случайно не было при себе или вообще не было денег, — охотно верили до получки.

Одновременно мы собирали и пожертвования на революционные цели: на поддержку партийной прессы, проведение предвыборных кампаний, покупку собственной типографии и т. д. Как сбор средств, так и вербовка новых членов происходили очень успешно. На многих заводах и фабриках (Военно-промышленный, Гакенталь, ф-ка „Шевро-хром", Константинова, Хишина и др.) рабочие, помимо индивидуального сбора денег, выносили на своих общих собраниях постановления об единовременном отчислении 1—2% с месячного заработка, или полдневного и даже дневного заработка на нужды нашей партии и нашей партийной прессы.

Численность нашей организации быстро возрастала, а вместе с тем возрастало и влияние нашей партии среди рабочих масс. К началу апреля число членов нашей организации достигло 500 человек, к половине июня их насчитывалось уже свыше 1500 человек. Мы имели свои ячейки почти на всех более или менее значительных предприятиях. Фабрично-заводские комитеты этих предприятий, за малым исключением, находились под нашим влиянием. На своих заседаниях и конференциях они проводили наши резолюции и наши предложения. Причем характерно, что некоторые из фабрично-заводских комитетов вступали в нашу партию в полном составе, вынося на этот счет соответствующие постановления. Так, например, на ф-ке „Шевро-хром" (ныне

брезенто-обувная ф-ка „Москуст“) фабрично-заводской комитет на одном из своих заседаний, во второй половине марта, после горячих прений по вопросу об отношении к партиям вынес единогласное постановление о том, что он является ячейкой РСДРП (большевиков), а посему будет поддерживать и проводить в жизнь только такие решения, которые не расходятся с ее директивами и постановлениями.

Крупнейшей и наиболее авторитетной ячейкой в нашем районе, по которой равнялись остальные ячейки, была ячейка Военно-промышленного завода, насчитывавшая в своих рядах свыше 300 человек. Из наиболее активных членов этой ячейки я помню тт. Желтова, Белорусова, Бочарова, Зыкова, Табакова, Яновского, Яновскую, Катю Белую, Рунге, Голубева, Захарова, Боярченко, Тимошина, Алешина, Алексеенко и многих других, фамилий которых я сейчас не припомню.

Военно-промышленный завод был главной нашей базой, из которой мы в неограниченных размерах черпали свои силы и средства. Из него больше всего выделялось рабочих организаторов и агитаторов, администраторов и хозяйственников. Из него же, в минуты жизни трудные, мы больше всего получали как рядовых бойцов, так и материальных средств.

Следующей по своей численности и по своему значению была ячейка завода Гакенталь. В ней работали тт. Еремов, Пронин, Титов, Герасимов, Филимонов, Ефимов, Семенов и многие другие.

Далее шли ячейки: отделения завода Гакенталь при Высшем техническом училище, откуда вышли тт. Цихон, Лобачев, Забродин, Куранов, Герасимов и другие крупные работники; ф-ки „Шевро-хром“ (Виксне, Темкин, Шабловский, Махлис и др.); Газового завода (Маркин, Сафронов, Карманов, Симаков, Салей и др.); завода „Колючая проволока“, откуда вышел тов. Прямиков, погибший вскоре после Октябрьской революции от руки бандитов; Невского стеаринового завода (Кулаков, Ермаков и др.); Казенного винного склада (Баша, Раков и др.); ф-ки Демидова, воспитавшей в своих стенах Зою Кувшинникову, проявившую чудеса храбрости на калединском фронте и геройски погибшую в одном из боев у пулемета, с которым она одна в течение

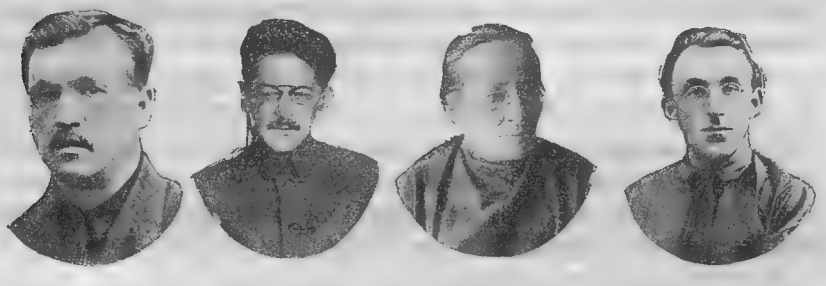
20 минут удерживала напор целого вражеского баталиона; завода „Электролампа“, где работали в то время тт. Лучинкина и Тарвид; ф-ки Розенталь, Лебедева, Щапова, Дюфурмантель и много более мелких ячеек.

Первым большим праздником для активных работников нашего района было состоявшееся 26 марта общее районное собрание членов и сочувствующих нашей партии. Происходило это собрание уже не в частной квартире, а в одной из аудиторий Высшего технического училища; присутствовало на нем не несколько десятков, а несколько сот человек. Я лично, впервые после возвращения из ссылки, присутствовал на таком многолюдном и, главное, совершенно легальном собрании.

Собрание это прошло с большим подъемом. Настроение у всех было чрезвычайно боевое и праздничное. После доклада тов. Зеленского о текущем моменте высказывались до двух десятков человек, и никто из них не стеснялся в выражениях, „крыли“ Временное правительство и критиковали его действия. Особенно резкий характер приняла эта критика после того, как осмелился выступить один случайно затесавшийся на наше собрание меньшевик. По окончании этого собрания в нашу партию записалось свыше полсотни новых членов.

А через какую-нибудь неделю после этого (2 апреля) мы созывали уже второе собрание, на котором, как полноправная организация, избирали делегатов на общегородскую партийную конференцию и переизбрали свой временный районный комитет. Состава делегатов конференции я не помню, но знаю, что их было избрано свыше 50 чел. (по норме от 10 членов 1 представитель). Членов же комитета было избрано 9 и 6 кандидатов к ним. В их числе были тт.: Зеленский, Полонская, Забродин, Белорусов, Баша, Базанов, Зыков, Желтов и др., которых я не помню. 28 мая в состав комитета, в силу перегрузки ряда товарищей были доизбраны тт.: Землячка, которая работала у нас около двух месяцев в качестве организатора, Прямиков, Лобачев, Цихон и Табаков. В июне в наш район на место Землячки перешел работать из Хамовников тов. Вл. Иванов, который также был кооптирован в члены райкома (ныне работает на юго-востоке).

Для ускорения решений по неотложным текущим вопросам была избрана исполнительная комиссия в составе 5 товарищей (Вл. Иванов, Базанов, Прямиков, Полонская



А. М. Цихон. А. Мандельштам („Одиссей"). Р. Самойлова („Землячка"). Вл. Иванов.

Забродин. Я. Бочаров. И. Зеленский.

Группа активных работников Басманного района.

(Поля) и Цихон). Заседания этой комиссии не протоколировались, коротенькие заметки в тетради секретаря (тов. Базанова) проводились в порядке повседневной работы по организации ячеек, приему в партию, проведению митингов и т. д.

Работа партийной организации с апреля до июльских событий

Начиная с апреля работа нашей партийной организации приняла более планомерный и систематический характер. При райкоме была создана группа постоянных агитаторов (29 человек), которые регулярно собирались и обсуждали все злободневные вопросы. Правом выступлений от имени партии стала пользоваться только эта группа. Остальные товарищи, выступая по отдельным вопросам, испрашивали на это каждый раз санкцию райкома.

Одновременно районом широко развертывает и чисто пропагандистскую и культурно-просветительную работу, систематически организует публичные лекции на разные политические темы, устраивает концерты, митинги, на которые привлекаются крупные силы из центра, организует районную партийную школу (на Красносельской улице), в которой 50 партийцев-рабочих под руководством тт. Усиевича, Сольца, Овсянникова и др. прорабатывали вопросы программы и тактики партии на ряду с такими злободневными политическими вопросами, как предвыборная кампания в городскую и районные думы и т. д.

В этой кампании выборов в думы наша партийная организация принимала активнейшее участие, хотя при первых выборах она и не имела своего большинства. Объяснялось это отчасти тем, что широкие рабочие массы не вполне еще хорошо разбирались в партиях и не утратили еще вполне веры в меньшевиков и эсеров, отдавая им значительное число своих голосов, но, главным образом, далеко не совершенной системой выборов; к тому же правившие тогда соглашательские партии практиковали прямые злоупотребления и мошенничества, в форме раздачи, например, большевистски настроенным рабочим испорченных избирательных бюллетеней с нашим номером, испорченных конвертов, не принимавшихся в расчет при подсчете голосов.

Активное участие принимала организация в беспрерывных выборах, довыборах и перевыборах депутатов в Московский и районные советы, в фабрично-заводские комитеты и т. д., постепенно завоевывая в них свое большинство и отдавая для работы в них свои лучшие силы.

Из крупных фактов политической жизни этого периода в районе нужно отметить созванную 15 июня районную конференцию фабрично-заводских комитетов, на которой присутствовали представители 28 крупнейших фабрично-заводских предприятий, с общим числом рабочих в них 11.497 человек; мы одержали на этой конференции блестящую победу.

В порядке дня конференции стояли вопросы: 1) о роли и значении фабрично-заводских комитетов, 2) доклады с мест, 3) о финансово-экономической разрухе в стране, 4) выборы в городскую думу и 5) текущие дела.

Конференция заседала три дня и по всем перечисленным вопросам приняла наши резолюции. Особенно горячие прения разгорелись по вопросу о финансово-экономической разрухе в стране. По этому именно вопросу мы дали представителям меньшевистских и эсеровских организаций решительный бой и вышли из него победителями, получив 51 голос за нашу резолюцию при 14 против и 2 воздержавшихся. За резолюцию меньшевиков голосовало 14 при 53 против.

Следует заметить, что вопрос о финансово-экономической разрухе был в этот период самым злободневным и самым животрепещущим. Он не сходит с обсуждения рабочих собраний вплоть до Октябрьской революции. И это понятно: продуктов питания и наиболее необходимых товаров на рынке становилось все меньше и меньше, цены на них повышались с каждым днем, хвосты у лавок и магазинов возрастали, деньги обесценивались, спекуляция принимала ужасающие размеры.

Как же смотрели и какой выход из создавшегося положения предлагали рабочие? Вот одна из тысяч резолюций, вынесенных на рабочих собраниях по этому вопросу, принятая на общем собрании рабочих ф-ки Войцехова 20 июня, когда там не было еще ни одного вполне определившегося большевика.

„Мы, рабочие мебельно-столярной ф-ки акционерного о-ва Войцехова, выслушав доклад нашего представителя в Рогожско-басманном совете рабочих депутатов о финансово-экономическом положении России и всесторонне обсудив этот вопрос, пришли к заключению, что как финансовое, так и экономическое положение России грозит нам полнейшим крахом. Буржуазия умышленно содействует кризису. Коалиционное министерство, в котором большинство постов и самые ответственные из них заняты буржуазией,—предотвратить кризиса не может. Поэтому мы требуем установления контроля пролетарских организаций над производством, который может быть проведен в жизнь только советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, взявшими власть в свои руки".

У меня нет, к сожалению, под рукой резолюции по затронутому вопросу меньшевистско-эсеровского толка, и поэтому я не могу их наглядно сопоставить, но, конечно, точка зрения меньшевиков и эсеров ни в какой степени не

совпадала с проводимыми в вышеприведенной резолюции взглядами. Меньшевики и эсеры считали, что Россия может выйти из создавшегося тяжелого положения лишь при условии тесного содружества классов, при условии соглашения с буржуазией, которая, по их мнению, не утратила еще своей положительной роли. Захват власти советами и самую борьбу за власть советов они считали вредной утопией; контроля рабочих над производством не признавали, считая, что последний лишь усугубит анархию и неминуемо приведет промышленность к полному развалу, а страну к гибели.

Другим крупным событием за этот период, имевшим огромное значение для всей партии, была демонстрация 18 июня, когда наша партия произвела первый смотр своих сил.

Демонстрация эта, по постановлению ЦК нашей партии, была назначена на 10 июня, в день открытия Всероссийского съезда советов, и имела своей целью продемонстрировать съезду свою волю. Но не на шутку испугавшийся меньшевистско-эсеровский Всероссийский исполнительный комитет советов запретил устраивать какие бы то ни было уличные демонстрации и манифестации, и только после большого давления нашей фракции и после поднятой в прессе кампании за демонстрацию съезд советов разрешил, и то только по районам, общую для всех партий демонстрацию, предложил общие для всех партий лозунги, предоставив однако каждой партии право дополнять их своими. Наша партия отбросила расплывчатые, общие для всех лозунги и выставила свои собственные. Наш район дружно выступал под лозунгами Московского комитета РСДРП (б), важнейшими из которых были: „Вся власть советам“, „Долой 10 министров-капиталистов“, „Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением“, „Да здравствует всеобщее вооружение рабочих и крестьян“, „Мы требуем от съезда советов немедленного опубликования справедливых условий всеобщего мира народов“.

Июльская демонстрация

Политическая атмосфера после демонстрации 18 июня быстро стала накаляться. Тяжелый, давно уже назревавший кризис меньшевистско-эсеровской власти неумолимо приближался. В лагере бур-

жуазии стала замечаться усиленная подготовка к открытому выступлению против завоеваний революции и против рабочего класса. Выискивался лишь повод для такого выступления. Таким поводом послужила питерская демонстрация 3 июля, кончившаяся, как известно, расстрелами демонстрантов, разгромом „Правды", репрессиями против большевиков.

Та же участь постигла и московских рабочих, в том числе и товарищей из нашего района, решивших по призыву МК поддержать своих петроградских товарищей.

Вот что я помню об июльской демонстрации в Москве: 4 июля мне, как секретарю райкома, позвонили из МК (не помню, кто именно) и предложили сделать все возможное для организации демонстрации к Московскому совету. В райкоме в это время находилось несколько товарищей с заводов. Я тотчас же разослал их по заводам для подготовки демонстрации, а сам принялся названивать на остальные заводы. Через 10—15 минут из МК прибежали тт. Забродин, Маркин и, кажется, Вл. Иванов, бывшие там на заседании. К этому же времени стали появляться и представители заводов и фабрик. Все они, не теряя времени, рассыпались по заводам для организации демонстрации. В райкоме оставался я один и до 8 час. вечера получал сообщения с заводов о выходе рабочих из ворот. Мне, например, было сообщено, что в полном составе, со знаменами, сохранившимися после июньской демонстрации, выступит Военно-промышленный завод, Газовый завод, завод „Колючая проволока" и др. С балкона Пушкинской библиотеки я видел, как выходили на Разгуляй рабочие ф-ки „Шевро-хром" во главе с Темкиным, Шабловским и Виксне, рабочие отделения Гакенталя при ВТУ, во главе с Цихоном и Забродиным, и другие.

В начале девятого часа, решив, что в райкоме делать больше нечего, я пошел и сам посмотреть, что делается на Тверской, куда направились демонстранты. Но, дойдя до Мясницкой улицы, я увидел дикую картину,—озверелая толпа юнкеров и штатских, с нагайками и палками со свинцовыми набалдашниками, била возвращавшихся с демонстрации рабочих, стараясь вырвать у них из рук свер-

нутые знамена. А кругом по всей Мясницкой толпились разодетые дамочки и типичные буржуа в котелках и цилиндрах, которые, не принимая сами участия в драке, всячески подзуживали юнкеров, истерически кричали, ругались и обзывали рабочих проклятыми большевиками, германскими шпионами, предателями и т. д. Подбежав поближе, я в первой же группе демонстрантов узнал наших рабочих с Военно-промышленного завода — их было тут не более 300 человек. Остальные, как это потом выяснилось, расколотые юнкерами на отдельные группы, пробрались к себе на завод другими улицами и переулками, также почти всю дорогу отбиваясь от преследовавших их юнкеров. Рабочие защищались; стараясь не отделяться друг от друга, они руками и ногами отталкивали от себя и своего знамени наседавших на них юнкеров и, медленно переходя то на одну, то на другую сторону улицы, продвигались вперед. Одежда на многих была разорвана, руки исцарапаны, а лица возбуждены и нередко измазаны кровью. Когда я бросился к ним на помощь, один из наших товарищей партийцев (кажется, Алешин), нещадно колотивший в этот момент какого-то белогвардейца, уцепившегося за древко знамени и не желавшего его выпустить из своих рук, крикнул мне: „Мы отобьемся, помоги, если можешь, шевро-хромовцам". Шевро-хромовцы находились несколько поодаль. Их было не более ста человек, и сцена у них разыгралась еще более дикая: группа юнкеров, обмотав полотнище знамени вокруг шеи тов. Кесберг (партийка-работница фабрики „Шевро-хром"), тащили его в разные стороны. Другая группа белогвардейцев всех мастей избивала безоружных рабочих, которые, не выпуская из своих рук изломанного древка знамени, отбивались от них и в то же самое время тщетно старались как-нибудь распутать полузадушенную девушку.

Окинув взглядом всю эту дикую картину, я не придумал ничего лучшего, как самому разыграть роль белогвардейца. Подбежав к группе юнкеров, душивших девушку, и тряся изо всех сил за плечи то одного, то другого из них, я кричал им в самые уши: „Брось, приятель, довольно, с этих на первый раз хватит, а то, пожалуй, беды наживешь", — а они, оглядывая меня осоловелыми глазами, с ди-

ким озлоблением отвечали мне: „Какой там беды,—разве ты не видишь, что она большевичка? У них на знамени написано „Долой войну“. (ничего подобного на знамени написано не было). Я снова указывал на то, что самосуды запрещены, что подобная расправа может вызвать слишком большое озлобление рабочих, но ничто не помогало... И только, когда мне взбрела в голову мысль сказать, что мы приближаемся к рабочему району, и что скоро появятся предупрежденные демонстранты и вооруженные рабочие дружины, юнкера стали незаметно поодиночке отставать.

На другой день выяснилось, что большей половине товарищей из нашего района не удалось даже добраться до Московского совета. На Театральной площади их встречали организованные банды белогвардейцев, врывавшиеся со свистом и гиканьем в ряды демонстрантов, разбивали их на группы и при помощи специально заготовленных плетей и нагаек заставляли повернуть назад.

Последние месяцы перед Октябрем

После июльской демонстрации для нашей партии настали тяжелые дни. Буржуазия наступала по всему фронту: локаутами и голодом, неслыханной клеветой и бешеной травлей, направленной против нашей партии и наших вождей, пыталась она терроризировать массы и задушить таким образом революцию. Правительство же Керенского и меньшевистско-эсеровское большинство советов не только не предпринимали никаких мер против наступающей контр-революции, а всячески способствовали ей, санкционируя обыски в редакциях большевистских газет и большевистских комитетах, запрещая им доступ в казармы и запрещая всякие демонстрации рабочих. Напуганные и терроризованные наступающей контр-революцией рабочие кое-где дрогнули. Дрогнули кое-где и стали отходить от партии и отдельные социал-демократы-большевики. Но еще теснее сомкнулись ряды оставшихся и грудью встретили напор обнаглевшей буржуазии. На июльскую расправу они ответили еще более усиленной работой, еще более усиленной агитацией в рабочих массах и организацией рабочих дружин, рабочей Красной гвардии. Вот, в частности, как реагировал партийный комитет нашего района на июльские события:

Протокол заседания районного комитета с активными работниками от 6 июля

В порядке дня: текущие события и наши задачи.

Докладчик т. „Исак“ (Зеленский) отмечает, что события последних дней объясняются не деятельностью какой-либо кучки злонамеренных лиц. Причина глубже: коалиционное министерство, выражающее своим большинством классовые интересы капиталистов и помещиков, не могло разрешить всех вопросов и задач, поставленных перед ним революцией, в интересах революционного народа (рабочих и крестьянской бедноты). Рабочие и крестьянская беднота заинтересованы в продолжении революции. Их задачи: уничтожение всего старого аппарата, демократизация армии, изменение в корне финансовой политики, разрушить контрреволюционный оплот в деревнях: старые нормы землепользования и землевладения. Все эти революционные задачи идут вразрез с классовыми интересами буржуазии. Кн. Львов и министерство охраняет интересы гг. помещиков и проч.

Задачи революции не выполнялись коалиционным министерством, что и привело к столкновению в Петербурге. Наша задача в настоящее время—подготовиться к созываемому пленуму советов (имеется в виду пленум Московского и районных советов.—Ред.). Революционный народ должен поставить совет перед фактом выражения своей воли, своих требований: „Вся власть советам“...

После целого ряда высказавшихся товарищей принимается следующее постановление:

1) Московский комитет перед демонстрацией (имеется в виду предполагавшаяся, но затем отмененная МК демонстрация в день открытия соединенного пленума советов.—Ред.) должен произвести учет сил, для чего необходимо будет созвать расширенное заседание МК.

2) Проводить на заводских собраниях резолюции с протестом против обвинений, требовать, чтобы буржуазные газеты прекратили клевету и ложь в отношении революционных с.-д., эти резолюции с делегациями направлять в исполнительный комитет СР и СД.

3) Обратиться через МК с призывом к печатникам о непечатании в газетах лживо-клеветнических, грязных наветов на революционную с.-д.

4) Просить МК выпустить листки с опровержениями клеветы.

5) Избрать на делегатском собрании комиссию для подготовки к демонстрации.

6) Требовать от СР и СД отменить запрещение демонстраций, манифестаций и митингов.

7) Добиться, чтобы все заводы, фабрики и воинские части осведомляли о всей текущей работе на местах, предупреждали бы о собраниях".

Те же вопросы обсуждаются и на общем районном собрании членов партии 9 июня, принявшем после горячих прений единогласно резолюцию, основная часть которой заключается в следующем:

„Политика соглашательства с буржуазией показала свою несостоятельность и привела лишь к усилению контр-революции. Интернациональная линия поведения пролетариата не будет проведена в жизнь при условии господства империалистической буржуазии.

Все задачи, выдвинутые резолюцией, как то: заключение мира, разрешение всех кризисов, борьба с разного рода разрухами, разрешение аграрного вопроса в интересах крестьянской бедноты, могут быть выполнены лишь правительством советов РС и КД. Всякое организованное движение, направленное в эту сторону, должно охраняться со стороны советов, но никак не подавляться, так как это есть организованное проявление революционной воли пролетариата и крестьянской бедноты".

По вопросу о травле революционной с.-д. партии буржуазной прессой собрание решает принять ряд мер к разоблачению лжи и клеветы, в частности решает усилить кампанию по обсуждению этих вопросов на местах, на общих фабрично-заводских собраниях, которые еще более энергично должны протестовать против подлого похода буржуазной прессы на революционную социал-демократию.

По вопросу о необходимости иметь, при создавшейся обстановке, собственную типографию, общее собрание при-

знает необходимым для всех членов партии отчислить свой дневной заработок в фонд типографии и провести сбор по заводам и фабрикам (сбор этот прошел в нашем районе очень успешно: один только Военно-промышленный завод собрал в первую получку 2.613 руб.).

21 июля райком вновь созывает общее собрание членов партии, на котором обсуждается вопрос о партсъезде и заслушивается отчетный доклад райкома, а также производятся перевыборы комитета и выборы делегатов на VI съезд партии. От нашего района были избраны с решающим голосом тов. Зеленский, а с совещательным тов. Маркин. В состав нового комитета вошли: 1) Бочаров, 2) Вл. Иванов, 3) Желтов, 4) Табаков, 5) Яновский, 6) Маркин, 7) Забродин, 8) Рунге, 9) Катя Белая, 10) Цихон, 11) Полонская, 12) Можейко, 13) Захаров, 14) Алексеенко и 15) Крылов. Кандидаты: Меркулов, Гаврилов, Баша, Иванов и Махлис.

К началу августа работа нашей районной организации, как и всей партии в целом, несмотря на все преследования и бешеную травлю со стороны буржуазии, значительно оживилась, а вместе с тем значительно повысился и авторитет нашей партии в широких рабочих и крестьянских массах. Вызванное июльскими событиями, локаутами и растущей безработицей подавленное настроение масс быстро стало проходить. Революция вновь пошла на подъем.

Затеянное правительством Керенского наступление, обреченное на неудачу, усиление влияния буржуазии на Временное правительство, преследования большевиков, созыв 12 августа в Москве Государственного совещания Львовых, Рябушинских, Гучковых, Милюковых и других представителей „демократии Керенского“,— все это открывало рабочим глаза и толкало рабочих под революционные знамена партии большевиков.

ЦК нашей партии обратился к рабочим массам с призывом реагировать на открытие Московского государственного совещания однодневной всеобщей забастовкой.

В целях обеспечения этой забастовки в районе проделана была большая подготовительная работа. Вот протокол заседания райкома от 11 августа накануне открытия Московского совещания, характеризующий результаты этой подготовки.

После инструктивного доклада тов. Зеленского заслушиваются доклады с мест.

„Тов. Желтов докладывает, что на Военно-промышленном заводе было общее собрание, носившее крайне оживленный характер. Настроение у всех рабочих столь боевое, и чувствуется такой подъем, что он (Желтов) был буквально зачарован. Предложение объявить 12 августа однодневную стачку протеста было принято подавляющим большинством.

Из докладов представителей других заводов выясняется, что на Газовом заводе рабочие будут бастовать, на заводе Биней, фабрике „Шевро-хром", заводе Гакенталь, мастерской Шора — забастовка гарантирована. Представитель трамвайного парка заявляет, что за весь подвижный состав он ручается; завод Гринвальд, вероятно, будет бастовать. Винный склад — неизвестно. Надежды провести забастовку мало; уровень сознательности рабочих низок"...

По заслушании докладов с мест райком производит распределение всех имеющихся в наличности агитаторских сил, которые в день открытия совещания утром еще раз должны выступить на фабрично-заводских собраниях, выяснить перед рабочими массами смысл и цели Московского совещания и призвать рабочих к забастовке.

Работа по подготовке забастовки не пропала даром: в день открытия совещания в нашем районе бастовали почти все (около 30) более или менее значительные предприятия.

Как известно, после Государственного совещания генерал Корнилов открыто отказался подчиняться правительству. Заговор Корнилова был подавлен только благодаря исключительному единодушию рабочих масс. Запоздали и попытки буржуазии стягивать контр-революционные войска к Питеру, организовать юнкеров в Москве.

Полевение трудящехся масс происходило исключительно быстрым темпом. Революционная социал-демократия одерживала одну победу за другой.

31 августа совещание фабрично-заводских комитетов г. Москвы решительно потребовало от исполкома Совета немедленного рассмотрения вопросов о вооружении рабочих и закрытии буржуазной прессы. 13 сентября на соединенном заседании Московского и районных советов (это было

еще до их перевыборов) была принята большевистская резолюция большинством 355 голосов против 254) о необходимости начать борьбу за захват власти советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Аналогичная резолюция была принята несколькими днями раньше и Петроградским советом; 24 сентября наша партия одержала в Москве грандиозную победу при перевыборах районных дум, в которых мы получили подавляющее большинство мест. А дальше события развивались уже с исключительной быстротой. На полных парах приближался Октябрь...

Работа партийного клуба

Чтобы покончить с описанием работы партийной организации, остановлюсь еще немного на работе нашего партийного районного клуба.

Дом на Почтовой ул. (быв. Хапиловская), где помещался в 1917 г. Басманный райком.

Районный клуб был организован у нас только в половине августа. Находился он на углу Хапиловской ул., в полуподвальном помещении, состоящем из двух огромных комнат и малюсенькой кухни. В это помещение пришлось, в силу обострившихся отношений с администрацией библиотеки, грозившей нам выселением судебным порядком, перебраться и райкому.

Помещение клуба было нежилое: сырое, темное и холодное, но оно было удобно для нас своей изолированностью и подходяще по размерам, а главное, оно привлекало нас своей сравнительной дешевизной и тем, что на кухне был вмазан в стену большой кипятильник, что давало возможность организовать для членов клуба буфет с горячим чаем и бутербродами. Следует, впрочем, заметить, что другого помещения и нельзя было найти: во-первых, нас никто не пускал, а во-вторых, свободных помещений в рай-

оне вообще было мало; жилищный кризис и тогда давал себя чувствовать. Сдавая нам это помещение, владелец его преследовал свои цели: мы платили ему столько, сколько не заплатил бы никто, так как помещение ни для жилья, ни для торговли из-за сырости не годилось.

Помню, что прежде чем открыть наш клуб, который рабочие, несмотря на все его недостатки, очень любили, мы долго думали над вопросом, как его назвать, и в конце концов из десятков предлагавшихся названий выбрали название „Спартак". Никакого служебного персонала у нас не было. Вся работа по уборке помещения в клубе и организации буфета возлагалась на единственных платных работников: организатора района — Владимира Ивановича Иванова и меня — секретаря райкома. Вечером, после 5 часов, к нам приходили помогать дежурные члены клуба и добровольцы, из которых мне особенно запомнились тт. Самсонов и Берта Моисеевна, которые почти ежедневно работали по вечерам в райкоме и клубе, приводя в порядок нашу библиотеку, канцелярию и т. д.

Помню, как с раннего утра мы становились с Владимиром Ивановичем в очередь у продовольственных лавок, и если нам удавалось попасть туда до того, когда товар оказывался весь распроданным (а это удавалось далеко не всегда), то закупали по выхлопотанным районным советом продовольственным карточкам для нужд нашего клуба: 2 пуда хлеба черного с мякиной и другими неудобоваримыми примесями, масла коровьего 5 ф., сахарного песку 10 ф. и чаю $^1/_8$ ф. Это было все, что мы могли предложить своим посетителям, но и этот скудный завтрак из бутерброда с маслом и одного или двух стаканов чаю служил в то время большим соблазном. Заготовив „провизию", мы принимались за колку дров и уборку помещения. Затем Вл. Ив. бежит куда-нибудь на завод проводить митинг, а я принимался растапливать печь и кипятить воду.

С 5 часов вечера в нашем клубе закипала жизнь. Владимир Иванович и тов. Маркин митинговали (оба были нашими присяжными ораторами,—впрочем, им помогали и другие товарищи), я бойко торговал литературой, принимал членские взносы и записывал вновь вступающих членов партии, а дежурные члены клуба угощали посетителей

за умеренную плату чаем с бутербродами. Публичные митинги происходили у нас, впрочем, только два раза в неделю. В остальные дни помещение клуба было занято делегатскими собраниями, заседаниями райкома, заседаниями коллегии пропагандистов, агитаторов и т. д. Раз в неделю в этом же помещении происходило обучение членов партии военному делу, обращению с винтовкой. Изредка мы устраивали и семейные вечера, концерты, на которых, часто неожиданно для всех, вскрывались таланты-самородки: певцы, декламаторы, юмористы и плясуны.

Так мы жили и работали, пока не пробил час решительной битвы, когда нам всем, умеющим и неумеющим владеть оружием, пришлось оставить свои обычные занятия и взяться за винтовку.

Работа районного совета рабочих депутатов

Районный совет образовался у нас в начале апреля; 9 апреля состоялось только первое заседание совета. До этого времени мы входили в совет Рогожско-симоновского района; так как там было засилие меньшевиков и эсеров, то у нас явилась мысль организовать самостоятельный совет, благо у нас был уже партийный комитет на правах районного комитета. Это и было нами явочным порядком проделано.

Вначале наш Басманный совет рабочих депутатов пользовался лишь правами подрайонного совета, причем пришлось выдержать большую борьбу с меньшевистско-эсеровским исполнительным комитетом Московского совета за то, чтобы он вообще был признан. Московский совет и в дальнейшем долгое время настаивал, чтобы мы влились в Рогожско-симоновский или Лефортовский совет, мотивируя это нецелесообразностью существования мелкой единицы, как наш совет. Но наш совет твердо отклонял эти предложения, продолжая настаивать на преобразовании его в районный совет, развивая в то же время огромную работу по объединению под своим руководством все новых предприятий.

В половине июня он был уже настолько укрупнен и имел столь значительные доходы от процентных отчислений, входивших в его состав предприятий, что даже Московский меньшевистско-эсеровский совет не счел себя в праве настаивать больше на его ликвидации и вынужден был признать его равноправным районным советом. К этому времени

в Басманном совете насчитывалось уже свыше 70 членов. Он объединял в своем лице 32 крупнейших фабрично-заводских предприятия. Помимо этого в нем были представлены ряд воинских частей, профсоюзы металлистов, кожевников, текстилей и др.

Советы и их работа тогда, в соответствии с стоявшей перед ними задачей организации рабочих для захвата власти, конечно, весьма отличались от нынешних советов, строящих социалистическое хозяйство в условиях диктатуры пролетариата. Кроме обсуждения боевых вопросов текущего политического момента, подготовки рабочих к решительным боям с соглашательским правительством, советы занимались вопросами охраны профессиональных интересов рабочих, обслуживания их культурно-просветительных нужд и интересов, вопросами снабжения рабочих, обеспечения их жилищами и т. д. Но структура тогдашних советов ни в какой степени не походила на структуру нынешних советов.

Районные советы вплоть до Октябрьской революции почти не имели никаких собственных аппаратов и, следовательно, при них не было и не могло быть никаких постоянных отделов. Весь штат нашего, например, районного совета состоял вначале из одного штатного секретаря, а затем из секретаря и делопроизводителя. Только уже перед самой Октябрьской революцией наш совет позволил себе роскошь, ввиду настоятельной необходимости, пригласить еще одного платного работника в качестве инструктора.

Свои решения районный совет проводил в жизнь через своих депутатов, а также при содействии фабрично-заводских комитетов, с которыми он держал теснейшую связь и которые считали все решения совета для себя обязательными.

Исполнительный комитет состоял у нас первоначально из 5 человек (тт. Белорусов, Пономарев, Забродин, Темкин и Полонская—секретарь совета). При перевыборах исполкома, 23 мая, состав несколько изменился; в него входили тт. Полонская, Эмдин, Темкин, Белорусов и Баша. При перевыборах 28 августа количество членов исполкома было увеличено до 9 чел., и из их среды был выделен президиум исполкома. В состав расширенного исполкома входили: тт. Желтов, Бочаров, Полонская, Виксне, Смирнов, Смир-

нов П., Еремин, Эмдин, Лобачев. В состав президиума: Бочаров—председатель, Желтов—товарищ председателя, Эмдин—казначей, Полонская—секретарь и Лобачев—товарищ секретаря. Все перечисленные выше товарищи, за исключением тов. Эмдина (тогда был меньшевиком), были членами нашей партии.

Члены исполкома и президиума исполкома, за исключением секретаря, никакой платы от совета не получали и потому могли уделять для работы в нем лишь вечерние часы. Их главная работа заключалась в подготовке заседаний пленума совета, выработке повестки дня и подборе материалов для этих собраний и даче директив на места о практическом проведении в жизнь решений пленумов совета. Одновременно большинство членов исполкома входило и в различные организуемые при совете комиссии. Так, например, при нашем совете существовали следующие постоянные комиссии: 1) конфликтная, на обязанности которой до образования крепких профсоюзов лежало улаживание возникающих на экономической почве конфликтов на предприятиях, разрешить которые фабрично-заводские организации были не в состоянии, 2) муниципальная, в задачу которой входило держать тесную связь с муниципальными органами и отстаивать в них интересы рабочих, 3) продовольственная, ставящая своей целью объединение имеющихся в районе рабочих кооперативов, содействие организации новых кооперативов и проведение в жизнь плана центрального продовольственного комитета, 4) по страхованию рабочих, 5) жилищная, 6) культурно-просветительная и 7) организационная, ставящая своей целью содействие в организации фабрично-заводских комитетов и признании их фабрично-заводской администрацией. Кроме указанных постоянных комиссий, по мере надобности организовывались также различного рода временные комиссии по организации демонстраций и др.

Пленум районного совета собирался почти еженедельно [1]) и отзывался на все злободневные вопросы политической и экономической жизни. Из наиболее крупных вопросов обще-

[1]) За время с 9 апреля по 18 декабря 1917 г. было 33 заседания пленума, на которых обсуждено 255 вопросов, из них не менее 50 серьезнейших принципиальных общеполитических и экономических вопросов.

политического характера на пленуме обсуждались: 1) о займе свободы, 2) о коалиционном министерстве, 3) о финансовом положении России, 4) о борьбе с локаутами, 5) о наступлении на фронте, 6) о петроградских событиях и кризисе власти, 7) о смертной казни, 8) о борьбе с антисемитизмом и погромами, 9) о борьбе со спекуляцией, 10) об организации Красной гвардии, 11) о походе на фабрично-заводские комитеты, 12) о Демократическом совещании, 13) об Учредительном собрании, 14) о проведении предвыборной кампании в городскую и районную думы, 15) о создании боевого революционного центра. Это — не считая того, что „текущий момент" вообще не сходил с повестки дня пленума совета.

По всем перечисленным вопросам были приняты наши резолюции, так как с первых дней возникновения совета мы обладали в нем своим большинством.

Активное участие принимал районный совет и в организации демонстраций, которых за время с марта по октябрь 1917 г. состоялось 4: 1) в день 1 мая, 2) демонстра-

Группа активных работников Басманного района—1917 г.
Слева направо:—стоят 1) И. Желтов, 2) Базанов, 3) Сафронов, 4) Яновский, 5) Шабловский; сидят: 1) Симаков, 2) Табаков, 3) Лобачев, 4) Цихон, 5) Сольц, 6) Маркин, 7) Чудак, Берта Моисеевна.

ция протеста против смертного приговора Ф. Адлеру, 3) демонстрация 18 июня и 4) демонстрация протеста против созыва Демократического государственного совещания. Совет вырабатывал план и маршрут шествия, выделял своих докладчиков на заводы для выяснения рабочим целей и смысла демонстрации.

В заключение отмечу еще, что работа нашего совета происходила в весьма неблагоприятных жилищных условиях. Вплоть до самой Октябрьской революции совет не имел своего постоянного помещения, ютясь то в Пушкинской библиотеке вместе с районным комитетом, то в клубе рабочих Военно-промышленного завода. Много сил и энергии пришлось потратить нашему совету и на то только, чтобы отстоять перед Московским советом свое право на существование, но еще больше пришлось ему бороться с меньшевистско-эсеровскими элементами, которые находились в совете в незначительном меньшинстве, тем не менее значительно тормозили его работу, саботировали и сеяли в рабочих массах неверие и сомнения в своих силах. И однако, несмотря на все это, наш совет с честью выполнил свою задачу по организации широких рабочих масс, по подготовке их к Октябрьским боям.

VI. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

„Восстание есть искусство“ К. Маркс.

„А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ними по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.“.

Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 140.

В своем письме, адресованном в Центральный комитет, ПК и МК РСДРП (большевиков), Владимир Ильич писал:

„Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, что бы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы,

помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет...

...Ждать „формального" большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания „Демократического совещания" должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Взять власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно" [1]).

После корниловской авантюры рабочий класс покидает соглашателей и переходит под знамена большевистской партии. Противоречия между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазией, с другой, вскрылись резко и определенно. Крестьянство не ждет аграрного вопроса сверху, оно само захватывает землю. А „социалистическое" Временное правительство посылает в деревню карательные отряды. Это вызывало рост большевизма среди крестьян и определяло их отход от эсеров и меньшевиков, все более и более терявших доверие среди рабочих и крестьян, и особенно в солдатских массах—в армии. В переизбранный 18 сентября Исполнительный комитет Московского совета из 50 членов вошло 32 большевика. Выборы в районные думы свидетельствовали о том же; за кандидатов нашей партии подано более половины голосов, в то время как еще в июне при выборах Московской городской думы эсеры и меньшевики получили две трети голосов.

В Благуше-лефортовском совете наша партия оформила свое большинство на перевыборах исполкома 28 августа: из 253 голосов за список большевиков было подано 63%; меньшевиков—23%, эсеров—10% и беспартийных—4%; из 20 мест в Исполнительном комитете большевики получили 13 мест.

Быстро распространялось влияние большевиков и в армии. „В нашем районе,—пишет тов. Розенштейн, [2]) бывший тогда организатором района,—находились части телеграфно-прожекторного полка, три роты и учебная команда, имевшая

[1]) Ленин—том XIV, ч. II, ст. „Большевики должны взять власть".

[2]) Сборн. „Октябрьское восстание в Москве", статья „В Благуше-лефортовском районе".

довольно хорошую партийную организацию, руководимую солдатами, окончившими полковую учебную команду, во время прохождения которой среди них велась усиленная партийная работа тов. Наседкиным. Идеи нашей партии были разнесены ими потом по всем ротам полка. В 661-й Калужской дружине последние месяцы работал специально тов. Муравьев, ныне погибший; в военных мастерских тяжелой осадной артиллерии работал Владимир Демидов и целая группа очень активных солдат-большевиков; в военном Преображенском гараже (2-я автомобильная запасная рота—ныне Броне-танковый завод) работа протекала под руководством тов. Есина, гласного городской думы, избранного по нашему району. Партийная работа в воинских частях оправдала себя и в октябьско-ноябрьские дни,— и эти воинские части сыграли значительную роль в решительный момент".

Партийное ядро к Октябрю составляло около 2.000 членов. „Настроение было боевое,— вспоминает тов. Розенштейн,— все рвались в решительный бой. Весьма многолюдное собрание членов нашей партии, происходившее в Введенском народном доме 4 октября, по текущему моменту вынесло краткую резолюцию:

„Общее собрание членов РСДРП-большевиков Лефортовского района,—говорилось в резолюции,— обсудив вопрос о текущем моменте, находит, что только революционные действия, направленные к тому, чтобы взять власть в руки рабочей и деревенской бедноты, могут спасти Россию и революцию от гибели, от полного торжества обнаглевшей буржуазии. Время слов миновало, нужно революционное дело, и наша партия обязана незамедлительно повести революционные массы к неотложной цели—завоеванию власти".

Вооружение рабочих. Красная гвардия.

Но не только политически, но и практически готовился рабочий класс к решительным октябрьским боям с буржуазией.

С трудом удалось провести 5 сентября постановление объединенного заседания советов рабочих и солдатских депутатов, еще в большинстве соглашательских, о вооружении рабочих, об организации Красной гвардии.

Несмотря на то, что соглашательский совет не делал ни малейших попыток провести это вынужденное постано-

вление в жизнь, на местах все же вооружались. События развивались быстро, и рабочим надо было спешить с вооружением. Чтобы подчеркнуть массовый и официальный характер вооружения, большевики поставили на заседании Моссовета 24 октября вопрос об уставе Красной гвардии, выдвигая ее задачей охранение революционных завоеваний, борьбу с контр-революцией, борьбу с погромными выступлениями, охрану фабрик и заводов. Меньшевики, упорно старавшиеся не допустить образования вооруженной рабочей гвардии, доказывали, что это технически невыполнимо и, главное, вызовет вражду между рабочими и армией. Такими доводами меньшевики думали натравить солдат на рабочих; эта хитрость, однако, не удалось: 374 депутата голосовали за устав, при 8 против и 27 воздержавшихся.

Вопреки утверждениям меньшевиков, Красная гвардия встречала полную поддержку солдат. На собрании Астраханского полка, после чуть не кулачного боя между офицерами и солдатами, солдаты приняли единогласно следующее решение: „Мы, солдаты Астраханского полка, требуем создания Красной гвардии, постановляем выделить унтерофицеров для обучения отрядов Красной гвардии, выделить часть винтовок из полкового цейхгауза и передать их в распоряжение районного штаба Красной гвардии, полковые мастерские расширить, прибывающие с фронта порченые винтовки спешно ремонтировать и передать в распоряжение Красной гвардии [1]).

Районный совет требовал от центра практических мер по вооружению рабочих. Еще 30 августа исполнительный комитет вынес следующую резолюцию: „Исполнительный комитет Благуше-лефортовского совета рабочих депутатов, указывая на необходимость снабжения районов оружием, средствами передвижения и проч., выражает пожелания центру произвести точный и немедленный учет оружия и его перераспределение под контролем совета и политических партий“ [2]).

Организованная в Благуше-лефортовском районе Красная гвардия, в количестве 300 чел., имела всего 16 винтовок;

[1]) В. Демидов. Воспоминания о вооруженной борьбе рабочих в Лефортовско-благушинском районе в 1917 г.

[2]) Розенштейн. Вышецитированная статья.

не лучше дело обстояло и в Басманном районе. „Оружия было смехотворное количество, а патронов так мало (если бы знали наши враги), что красногвардейцы были очень довольны, когда мы им могли дать по пять патрон, а то и так выходили на посты, с одними винтовками“ [1]).

Штабом Красной гвардии в Благуше-лефортовском районе руководило несколько партийных товарищей: Васильев, заведующий народным домом, Гофман, рабочий завода „Проводник“, Берклау и солдаты Лебедев и Машуковский. Для сбора средств на приобретение оружия комиссия проводила сборы среди рабочих, отчислявших часть заработка на оружие, ставились спектакли, собирались деньги на митингах, и т. д.

Сейчас трудно определить точное количество рабочих с отдельных предприятий, бывших в Красной гвардии; данные по отдельным предприятиям указывают на то, что отдельные отряды Красной гвардии на предприятиях зачастую насчитывали десятки людей; например, на заводе „Мотор“ (быв. Сальмсон) было 100 рабочих в отряде Красной гвардии, у „Икара“ (быв. Гном и Рон)—около 50 человек, на Военно-промышленном заводе большое количество, на Бронетанковом—40 человек и т. д. На крупных предприятиях были организованы местные ревкомы, которые держали связь с районным советом и районным штабом Красной гвардии, посылали туда отряды красногвардейцев для боевых операций, вели охрану предприятий от грабежей и погромов. Работницы, преимущественно на текстильных фабриках, записывались в санитарные отряды. У „Мастяжарта“, у „Икара“ и Броне-танкового завода были организованы починочные оружейные и автомобильные мастерские. Помимо этого, вооруженным рабочим приходилось принимать участие в облавах, охране общественного порядка на улицах, а также и выполнять хозяйственные задания, например, снабжение продовольствием Красной гвардии во время боев, а также и доставка хлеба для населения района из центра.

Интересно отметить, что и в деле выработки плана боевых операций штаб использовал инициативу рядовых

[1]) Мандельштам. „Октябрьское восстание в Москве“, стр. 132.

рабочих-красногвардейцев. Общий план окопов и баррикад в районе прорабатывался в „десятках"; баррикады на Преображенской площади сооружались по предложению автомастерских, в расчете на то, чтобы здесь задержать врага, если он вышлет орудия и броневики. Выработанный районный план был затем утвержден центральным штабом Московского военно-революционного комитета; тов. Демидов был утвержден районным руководителем боевых операций.

Решено было по особому плану захватить оружие Телефонно-телеграфного полка, находящегося в районе. По этому плану, намеченному районным штабом с представителями полка, тт. Якуниным и Наседкиным, в назначенный день вся караульная служба в полку, вплоть до дневальных в ротах, была назначена из членов ячейки военной организации большевиков. Полковому комитету был от районного революционного комитета дан приказ о передаче оружия районному штабу Красной гвардии и о необходимости впредь держать полк в своем распоряжении в полной боевой готовности. Рабочие-красногвардейцы подъехали на автомобилях к полковому складу и под приветственную речь члена полкового комитета, тов. Наседкина, погрузили около 300 ружей, несколько пулеметов и патроны. Но этого оружия вместе с ранее приобретенным было далеко еще не достаточно.

Вообще район был богат боевой силой — насчитывалось до 8.000 бойцов, а оружия было мало. Собирали всюду даже ломаные ружья, и уже в после́дние дни перед восстанием организовали оружейно-починочную мастерскую. Взялся за это дело тов. Шитов из автомастерских, который, проработав над этим шесть суток без сна, сдал хорошо налаженный склад оружия и оружейную мастерскую тов. Труневу, а сам во главе отряда пошел в наступление под Кремль, откуда больше не возвратился: был сражен пулеметным огнем возле Торговых рядов на Красной площади.

Накануне боев

События развивались бешеным темпом. Борьба питерского пролетариата началась. Московский совет получил извещение о боях в Питере и сейчас же сообщил районным советам:

„Борьба за власть в Петрограде началась. Правительство сопротивляется. Город в руках революционного

центра. Московским советом принимаются соответствующие меры. Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из центра никаких действий не предпринимать. Установить дежурство круглые сутки членов исполнительного комитета. Созвать пленарное собрание советов по возможности быстро, в крайности завтра, 26/X. Сегодня в 3 часа пленум центрального совета в Политехническом музее. Присутствие членов центрального СР и СД обязательно всем" [1]).

После ожесточенных схваток между большевиками и соглашателями пленум Московского совета постановляет:

„Московский совет Р и СД выбирает на сегодняшнем пленарном заседании революционный военный комитет из 7 лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума совета рабочих и солдатских депутатов. Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всевозможную поддержку революционному комитету Петроградского совета Р и СД" [2]).

„Наступили решающие дни,— пишет тов. Розенштейн. Началась организация в районе. Мы получили из центра следующее предписание: „Собираться: заводским комитетам, районным советам рабочих депутатов, районным думам. Избирать революционный центр в районе. Определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.). Немедленно вооружаться (занимать склады оружия). Связаться с революционным центром в совете и в партии".

Немедленно было созвано собрание исполнительного комитета, который выделил из себя военно-революционный комитет района в составе 5 товарищей.

Впрочем, нам не пришлось строго придерживаться избранного состава военно-революционного комитета,— в его составе на равных правах работал целый ряд активных работников района".

„Накануне октябрьских событий,— вспоминает тов. Цихон, работавший в Басманном районе,— был созван пленум

---

[1]) Пионтковский. Хрестоматия „Октябрьская революция".
[2]) Игнатов. „Московский совет в 1917 г.".

совета совместно с фабричными комитетами, профсоюзами, представителями ячеек партии. На повестке дня доклад пленума Московского совета об отношении к событиям в Петрограде. После недолгих прений вынесено решение объявить забастовку и с оружием в руках добиваться захвата власти в свои руки. Решение принято было единогласно за исключением, конечно, меньшевиков, которые воздержались от голосования. На этом собрании был создан революционный комитет Басманного района. В этот вечер Московский комитет созвал все районные думы, которые состояли в подавляющем большинстве из коммунистов. Тов. Шлихтер делал доклад о надвигающихся событиях. В краткой горячей речи оратор призывал с оружием в руках вырвать власть у буржуазии. Тут же нам было сообщено, что главнокомандующий Рябцев предъявил ультиматум с требованием в течение 15 минут сложить оружие и признать власть Временного правительства, которое должно существовать до созыва Учредительного собрания. В ответ на этот ультиматум раздался крик: „На баррикады, с оружием в руках мы добьемся власти советов". С пением „Интернационала" мы разъехались по районам" [1]).

Военно-революционный комитет Московского совета прислал районным комиссарам кратенький приказ (№ 971/в):

„По приказанию военно-революционного комитета, все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к совету в распоряжение военно-революционного комитета" [2]).

„Ночью 28 октября раздались первые выстрелы. Были получены указания создать одну боевую дружину и направить ее в Московский комитет партии. Штаб распорядился расставить пикеты и задерживать автомобили. Одновременно была отправлена разведка. В это время были уже слышны отдельные выстрелы. Выяснилось, что стреляла разведка юнкеров, которая наткнулась на нашу разведку. В это же время мы узнали, что белогвардейцы подожгли военно-обмундировочную ф-ку (б. Марс, теперь им. Клары Цеткин), на которой работало 4.000 человек.

---

[1]) Цихон. „Октябрьские баррикады в Москве".
[2]) Пионтковский. „Октябрьская революция".

Я с отрядом рабочих явился на пожарище, но там уже стоял наш отряд из местных отрядов и принимал энергичные меры к ликвидации пожара. Тут же был отдан приказ охранять все заводы и фабрики. В эту же ночь я с тов. Базановым отправился на разведку, и мы встретились с разведкой юнкеров. Они выстрелили, мы на выстрел не ответили, у нас оказались неисправными затворы... Стрельба в городе между тем усиливалась все больше и больше. Воинские части, примкнувшие к нам, и рабочие отряды оцепили улицы и стали вылавливать разведки юнкеров. Одновременно велась подготовительная работа по устройству баррикад. Мы дружно рыли каналы поперек улиц, пилили телеграфные столбы, снимали ворота. К утру работа была кончена. Баррикады были воздвигнуты. Начались бои с кадетами и юнкерами, настоящие бои. Трещали пулеметы, гремели орудия, летели снаряды в корпуса юнкеров. От взорванных зданий кверху поднималась пыль. В первый день боя у нас не было достаточного количества оружия Тогда ревком принял решение разоружить так называемое „христово войско", ополченцев-ратников, которые стояли в стороне от борьбы. Они были очень довольны, что у них отнимают винтовки. А рабочие массы с восторгом брали винтовки, патроны и отправлялись на позицию[1]).

Буржуазия перешла к активному наступлению на московский пролетариат. В это время районы получили следующее предписание. „Штаб, во главе с Рябцевым, переходит в наступление, на митингах по заводам выяснить массам это положение; массы должны призываться к тому чтобы показать штабу свою действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинным выступлениям под руководством районных центров по пути к осуществлению власти советов в районах".

„Отдан был приказ,— вспоминает тов. Пече,— немедленно мобилизовать всех рабочих и сочувствующих советской власти и по пути разоружить всех противников; формировать отряды при помощи отнятого у противника оружия и пойти освобождать наших товарищей. В Басманном районе я увидел весьма энергично работающий революционый

---

[1]) Цихон. „Октябрьские баррикады в Москве".

комитет, в котором большую роль играл тов. Иванов и др. Большую роль сыграл Латышский батальон на Петровке. Здесь сконцентрировалось большое количество старых революционеров, выдержанных и весьма тактичных бойцов... Прибыв в Введенский народный дом, где размещен был революционный комитет и штаб, я нашел полным-полно лучших товарищей и партийный комитет в полном составе. Революционный военный комитет и штаб разрабатывали план выступления и обороны. Я их познакомил с приказом о наступлении по направлению к центру. Многие возражали, и не без основания: „В тылу и под боком такие сильные противники, как два крупные, блестяще вооруженные юнкерские училища. Надо было безусловно учесть силы". Оказалось, что на весь район имеется около 200—250 берданок и сотни две-три револьверов. Ночь прошла над рытьем окопов, устройством баррикад, мобилизации транспорта, налаживании снабжения и выяснением условий препятствий движению противника"[1]).

С этого момента Благуше-лефортовский военно-революционный комитет стал действовать, как боевой центр района. При военно-революционном комитете были сорганизованы необходимые учреждения.

Красный крест

„Красный крест,—говорит тов. Розенштейн,—сорганизован был еще раньше при штабе Красной гвардии, во главе его в дни переворота стал военный врач Перфильев; в нем работали несколько сестер милосердия, а также работницы и рабочие нашего района (из лиц, работавших в Красном кресте, помню П. П. Щербакова Рубинштейна, сестру милосердия Дикареву и Бизера, трагически потом погибшего). При каждом отряде бойцов из Введенского народного дома Красный крест отправлял свой небольшой отряд. При штурме Алексеевского училища был разбит невдалеке от него перевязочный пункт подачи первой помощи. Раненые с этого пункта направлялись в Генеральный госпиталь".

„Когда появились наши первые раненые, — говорит тов. Меркулов,—с Лефортова, около Алексеевского училища, то с каким пренебрежением отнесся медицинский персонал

[1]) Сборн. „Октябрьское восстание в Москве". Ст. тов. Пече „Красная гвардия".

госпиталя к тем раненым, которых мы туда принесли, как в первый попавшийся госпиталь. С ними ничего не хотели, делать, и только благодаря энергичным революционным требованиям о том, что они должны это сделать, что это требует не только их присяга, которую они когда-то дали, чтобы помогать всем, но что этого требуем и мы,— все было сделано, и нашим раненым начали оказывать правильную помощь и правильный уход" [1]).

Большая работа была проделана революционным комитетом по вооружению бойцов. Вот как описывает тов. Розенштейн эту работу: „Оружие военно-революционным комитетом было получено из цейхгауза Телеграфно-прожекторного полка, открытого по приказанию военно-революционного комитета с железных дорог, где были обнаружены вагоны с оружием; снаряды для имевшейся у нас артиллерии мы достали у тов. Стефашкина (Огнесклад).

Оружие

„Доставкой оружия наиболее усиленно занимались рабочие: Морозов, член штаба Красной гвардии, тов. Бохман и др. За недостатком грузовиков мы часто вынуждены были посылать за оружием легковые автомобили, которые, вследствие излишней перегрузки, портились в большом количестве. Все время у нас также происходил обмен оружия с соседними районами: Басманным и особенно Сокольническим. Случалось так, что, отпуская кому-либо из этих районов имеющийся у нас в данную минуту избыток оружия, мы через 5—10 часов вынуждены были в свою очередь брать оружие у них, успевших его достать за этот промежуток времени. Приемом и выдачей оружия заведывал солдат Телеграфно-прожекторного полка, Семен Демидов. Несколько раз в день докладывалось военно-революционному комитету о движении (приходе и расходе и наличности) оружия".

Существенную помощь оружием мы получили, узнав случайно, что на путях Рязанского вокзала стоит несколько вагонов с оружием. Там действительно оказались винтовки и патроны. По распоряжению ревкома, оружие было оттуда перевезено на грузовиках на завод „Мастяжарт" и другие пункты и тут же роздано красногвардейцам.

[1]) Сборн. „Октябрьские дни в Москве и районах". Ст. т. Меркулова „Санитарная работа".

Связь

„Связь с соседними районами (Басманным и Сокольническим), а также с центром, поддерживалась полевым телефоном. Такая же связь в пределах района была организована Телеграфно-прожекторным полком и мастерскими тяжелой осадной артиллерии. Последние представляли собой как бы отделение военно-революционного комитета района и укрепленный опорный пункт. Солдаты организовали охрану мастерских и артиллерийских орудий, выставляли свои патрули по ближайшим улицам, вели наблюдение за юнкерами Алексеевского военного училища.

Полевой телефон был быстро приведен в самый первый момент перехода района в боевое положение. Связь с центром поддерживалась также автомобильным сообщением и постоянными дежурными при Московском военно-революционном комитете. Кроме этого я каждый день, обычно ночью часов в 11 или 12, ездил в центр для доклада о работе нашего революционного комитета и получения инструкций и указаний на следующий день.

Интересно отметить, что наша связь выходила и за пределы Москвы. Это произошло следующим образом: в нашем районе находилась радиостанция[1]) (за селом Черкизовым), о существовании которой мы до октябрьско-ноябрьских дней даже и не знали. В первый день боевых действий от нее явились представители-солдаты, которые заявили, что взяли станцию под свою охрану и отдают ее в распоряжение военно-революционного комитета. Они ежедневно доставляли нам принимаемые станцией радио, которые шли сначала с враждебной стороны и были полны всякой провокации. Но затем радиотелеграммы принимали уже совершенно другой характер. Большинство радио было принято из Архангельска; московские рабочие и солдаты получили через эту станцию привет и пожелания победы от моряков Архангельска. Все эти радиотелеграммы, конечно, сейчас же передавались Московскому военно-революционному комитету.

---

[1]) Радиостанция, находящаяся за селом Черкизовым, принадлежала заводу „Радио“ и была установлена для маневров; октябрьские дни как раз застали ее в период начала работы.

Для снабжения оружием, для связи с центром и заводами необходим был транспорт. Я помню, как в первую ночь, когда начались боевые действия, пришлось посвятить несколько часов поискам автомобиля для поездки в центр. В конце концов это дело наладилось, легковые автомобили были взяты у местных капиталистов, грузовики — с некоторых фабрик и заводов и с Преображенского гаража. Вследствие сильной гонки и перегрузки автомобили в большом количестве портились, и некоторые из них были исправлены в спешном порядке на заводе „Гном и Рон“ и Броне-танковом заводе. Бензин и запасные шины военно-революционный комитет по своим требованиям получал с завода „Проводник“ через фабрично-заводской комитет. Для управления движением автомобилей при военно-революционном комитете имелся особый стол, которым заведывал А. И. Бауер и Семенов. Вообще, в распоряжении военно-революционного комитета все время находились исправных 2—3 легковых автомобиля и 2—3 грузовика. Что касается административной деятельности военно-революционного комитета, то она сводилась лишь к охране района, а также к наблюдению за подозрительными элементами, шнырявшими по району. Вечером, с наступлением темноты, свободное передвижение по району прекращалось и разрешалось лишь по пропускам военно-революционного комитета. Днем в пределах района оно было свободным. Для прохождения же в другой район обычно выдавалось удостоверение, в котором указывалось, откуда и куда следовало данное лицо, и сколько времени на это ему дано.

Следственная работа ревкома.

Была создана также судебно-следственная комиссия во главе с А. А. Знаменским; в ней работали тт. Елоховский, Кочергин и другие. Она разбиралась в делах задержанных по тому или другому поводу и сейчас же их отпускала или временно задерживала. Арестованные помещались на Лаврентьевской улице, в пустом магазине „Зингер“. За Октябрьские дни набралось человек 20—25 задержанных, которые после нашей победы были отпущены. Среди них было несколько офицеров, рыскавших по району с подозрительными целями, несколько человек из командного состава милиции, которые пытались смущать милиционеров, или

отклонять их от подчинения военно-революционному комитету, несколько гражданских лиц, позволивших себе срывать объявления военно-революционного комитета или, собирая на улице кучки народу, вели пропаганду в пользу белой гвардии. Судебно-следственная комиссия помещалась в довольно мрачном помещении под сценой Введенского народного дома. Может быть, на арестованных и производил устрашающее впечатление коридор театра, наполненный вооруженными людьми, и ход в комиссию под сцену. Но только это и было страшного в их положении. При допросе с ними обращались очень корректно и вежливо и задерживали только тех, которые явно были вредны для нарождающейся советской власти.

Отмечу в нескольких словах роль меньшевиков. Они пытались распространять по улицам района свою газету „Вперед", полную лицемерных воплей о гражданской войне и лживых измышлений, всю направленную лишь к тому, чтобы в этот решительный час смутить сердца бойцов, заставить дрогнуть их руку. Нет ничего возмутительнее такого поведения, ибо когда два врага скрестили оружие и каждый промах одного из них может кончиться его гибелью,—как назвать поступок того, кто, хотя бы прикрываясь красивыми словами об ужасах гражданской войны, хватает за руку бойца революции, давая тем возможность противнику всадить меч в его грудь! Конечно, такая литература нашими патрулями конфисковалась, и ее распространителей приводили в судебно-следственную комиссию, которая, впрочем, их отпускала. Настроение рабочих района лучше всего характеризуется целым рядом заявлений, которые делали мне как партийные, так и беспартийные рабочие. Они жаловались на тяжесть бездействия в эти дни, когда решалась судьба. К сожалению, большинство рабочих не были обучены военному делу и не могли стать с винтовками, а это как раз и требовалось в этот момент. Технических же работников ВРК было нужно не так много. Что касается настроения широких масс населения нашего района, то, скоро убедившись, что все спокойно и нет никакой стрельбы, за исключением района Алексеевского училища и кадетских корпусов, где происходил трехдневный бой, оно днем высыпало на улицу, оживленно

делясь впечатлениями, всякими сведениями и слухами. Видимо, каждого тянуло в это время к общению. Особенно врезалось в память то оживление и даже веселое настроение, которое мне пришлось наблюдать, проходя по Б. Семеновской улице, на третий или четвертый день часов в 5—6 вечера. После пасмурных дождливых дней выглянуло солнышко; в районе Алексеевского военного училища, примерно, с промежутками в 3—4 минуты, слышны были полеты и взрывы снарядов, а взрослые и детишки оживленной толпой двигались по тротуарам.

Активные работники района

Вот имена товарищей, которые принимали более деятельное участие в Октябрьско ноябрьские дни в нашем районе (Лефортовский район).

В ВРК работали: тт. Розенштейн, Знаменский, Петров С. Н., Петров И. Ф., Коренной, Шленов, Демидов Вл.

В штабе Красной гвардии: Васильев, Титов, Гофман Берклау, Лебедев, Мануковский.

В военном штабе района: Наседкин, Семен Демидов Переверзев, Стефановский, Шитов, Масленников, Есин, Блохин и Буланов.

В Красном кресте: д-р Перфильев, Щербаков, Рубинштейн, Визер и Дикарева.

В 8-й районной думе: Волынкин, Гудков, Пукис, Суханов

Далее следуют активные работники района, выполнявшие во время переворота ту или другую ответственную военно-техническую работу: тт. Муравьев, Люба Пиндрик, Елена Штейман, Брусиловская, Веселов, Кобозев, Семенов, Фокин Соколов, Петров, Яковлев, Мизикин, Бирюков, Чуланов, Лаврухин, Мач, Ибрагимов, Бауер, Селиванов, Шумаров, Леонов и Морозов.

Понятно, список этот не исчерпывающий, и имена некоторых изгладились из моей памяти“ [1]).

„Для ВРК сразу выяснилось, что его работа должна итти по двум направлениям: охрана своего района, очистка его от белогвардейских банд и всемерная помощь центру.

В самом районе почти все воинские части были на нашей стороне, и мы держали с ними непрерывную связь путем дежурства их представителей при ВРК.

[1]) Сб. „Октябрьское восстание в Москве“, ст. Розенштейна „В Благуше-лефортовском районе“.

Окопы и баррикады в районе

По распоряжению Московского военно-революционного комитета улицы и переулки были покрыты окопами. „В Лефортово-благушинском районе были построены окопы и баррикады в следующих пунктах: на Матросской тишине, окопы и баррикады, то же на Преображенской площади, на Генеральной ул., у Семеновской заставы две баррикады, возле Покровского моста, возле Рыкунова пер., Гаврикова пер., на Немецкой ул. (ул. Баумана), на Вознесенской ул., на Разгуляе окопы и построены баррикады“ [1]).

„В районе,— вспоминает тов. Розенштейн,— нам противостояли лишь две вооруженные силы. Одна была сравнительно невелика, это — команда вольноопределяющихся Телеграфно-прожекторного полка, общежитие которых помещалось на Лаврентьевской улице, как раз в том месте, где она проходит через Введенскую площадь, во втором этаже. Силы и намерения их нам не были точно известны, но само присутствие враждебной силы в 200 шагах против Введенского нардома, где помещался ВРК и военный штаб района, часто охранявшегося одним-двумя десятками вооруженных товарищей, нервировало нас и не могло быть терпимо; тем более, что было замечено хождение к ним офицеров, и один или двое, вышедшие от них, были арестованы. Решили ликвидировать это гнездо, и я отправился в помещение к вольноопределяющимся утром в 10—11 часов (вероятно, 27 октября) и предложил сдать все имеющееся у них оружие, обещал за это свободу. Но, очевидно, гг. вольноопределяющиеся имели другие планы, так как их представители стали толковать о том, что они совершенно нейтральны, что они желают организовать охрану района от грабежей и всяких эксцессов; сдачу же оружия считают позорным для своей воинской чести.

Тогда ВРК вытребовал одно орудие из мастерской тяжелой осадной артиллерии и в тот же день в 5 часов вечера оно было поставлено в саду Введенского народного дома и направлено на здание, занимаемое вольноопределяющимися. Я снова вошел к ним и предложил немед-

---

[1]) Воспоминания тов. Демидова.

ленно выйти. Увидя из окон солидный аргумент, они стали оправдываться, что, собственно, и утром они не отказались от моего предложения; они просили гарантировать им личную безопасность. Немедленно они вышли, и помещение было осмотрено. Их было свыше 60 человек, и у них имелось около 100 винтовок с надлежащим количеством патрон. Винтовки эти нам очень пригодились, а вольноопределяющиеся были обратно водворены в свое помещение, где они содержались под арестом до нашей победы, когда, согласно пункта 5 договора от 2 ноября, были освобождены.

Бои у Алексеевского училища и кадетских корпусов

Другим, более опасным, врагом являлись юнкера Алексеевского военного училища со своим командным составом, к которым присоединились и кадеты старших возрастов. Алексеевское военное училище и корпуса представляли собой значительную силу... Прочное здание училища и кадетских корпусов представляли собой естественную крепость; юнкера имели в изобилии винтовки и пулеметы; в обширном саду у них были окопы, проволочные заграждения и пулеметные гнезда. По расположению училища, они находились в тылу у Басманного района".

Басманный район, помимо Алексеевского училища, имел дело со школой прапорщиков на Разгуляе, винным складом, охраняемым казаками, и Хитровым рынком—центром жуликов и хулиганов. А сил было тоже мало. „Воинские части,— пишет тов. А. Мандельштам,— в районе (Басманном) были следующие: самокатный батальон, настроенный весьма большевистски и очень воинственный, но крайне немногочисленный — всего сотни полторы; две пешие дружины, почти совсем распущенные, насчитывавшие обе около сотни, и сыгравшие такую крупную боевую роль осадные тяжелые артиллерийские мастерские. К моменту восстания у нас оказалось несколько орудий и снарядов... Вот с этими силами мы начали восстание".

Алексеевское военное училище находилось между тремя районами. Поэтому на совещании трех военно-революционных комитетов (Благуше-лефортовского, Рогожского и Басманного) решено было уничтожить это гнездо; каждый район наметил силы, которые он может дать для этой

операции, и был выработан общий план действий. Наиболее активное участие принимали Басманный и Благуше-лефортовский районы.

„Вопрос о наступлении решался в ВРК Басманного района. Заседание ревкома было 27 октября, в пятницу, в доме № 4 по Н. Сусальному пер., на котором присутствовали тов. Зеленский И. А., тов. Мандельштам („Одиссей"), тов. Иванов В. И., тов. Забродин В.А., из батальона самокатчиков тов. Бондаренко, тов. Маркин—с газового завода, и не помню кто—от Военно-промышленного завода. По улицам района уже патрулировали отряды красногвардейцев, чувствовалось приближение военной обстановки, становилось трудно перейти с одной улицы на другую, в особенности в районе Коровьего брода, б. Немецкой ул., Вознесенской, Гороховской, так как эти улицы входили в район боевых действий. В ночь с 27-го на 28-е состоялось совещание, на котором просмотрен был план наступления. В этой работе принимали участие товарищи с военным опытом. Совещание происходило на бывшей Немецкой улице, в так называемых Фанагорийских казармах, где помещался батальон самокатчиков (около МВТУ). На совещании присутствовали: от самокатчиков—тов. Бондаренко и Буравицкий, тов. Масленников—от ревкома, Иванов В. И., Забродин В. А., тов. Егоров прибывший из Франции, затем представители от тяжелосадных мастерских. В субботу до рассвета, когда по улицам царила полнейшая тишина (погода была тихая и теплая), отряд красногвардейцев под командой тов. Егорова пошел в наступление. Мы с тов. Пленкиным Ф., тов. Цихоном Базановым влились в отряд красногвардейцев и направились по Салтыковской улице к винному заводу, так как на таковом был сильный отряд юнкеров. Наша задача была отрезать им связь с Алексеевским училищем. Рассыпавшись цепью по Салтыковской улице, пройдя Салтыковский мост по Ново-благословенной улице до казарм, ныне называемых Мураловскими, простояли мы целые сутки; ночью отряд был отведен на новую позицию, к так называемому Дворцовому мосту, где, соединившись с отрядом самокатчиков, повели совместно наступление по направлению Красно-казарменной улицы.

Мы с тов. Цихоном А. М. и Пленкиным С. пошли в разведку со стороны МВТУ, но, перейдя через Яузу, убедились, что дальше проникнуть невозможно, так как противник усиленно обстреливал площадь; к тому же вся белогвардейщина, проживавшая на территории МВТУ, наблюдала не только за нашим продвижением, но и за продвижением отряда Красной гвардии Лефортовского района, который в свою очередь вел наступление со стороны Госпитальной

Октябрьские дни. Окопы в Лефортовском саду у бывш. Алексеевского военного училища.

улицы, и нам пришлось вернуться к своим позициям, т.-е. к Дворцовому мосту. Отсюда и пришлось вышибать засевшего противника; противник чувствовал себя крепко, в его распоряжении были пулеметы и пули дум-дум. У нас же весь отряд был вооружен берданками, т.-е. однопатронными ружьями, за исключением меня и тов. Махлиса. У меня была трехлинейная винтовка, а у тов. Махлиса была немецкая винтовка. 28-го, в субботу, было поставлено одно орудие японского образца у нашей позиции. Пустили в ход пулеметы и начали вести усиленно обстрел. Вечером 28-го наша разведка сходила в гости к противнику, который покинул

передние корпуса, так как таковые сильно обстреливались как со стороны отряда Басманного района, а главное, со стороны тяжело-осадных мастерских и лефортовского отряда. Потребовалась на берету Яузы, у Дворцового моста, саперная работа, и она была выполнена теми рабочими, которые оружием не владели; они охотно пошли рыть окопы; я обратился к рабочим фабрики б. Щапова, Константинова и Газового завода, и без всяких колебаний набрал целый ряд своего рода саперов; направившись с ними в литейную мастерскую МВТУ, взяли там инструменты, ломы; под прикрытием сильной темноты, за несколько часов окопы были готовы без всякого шума, который мог бы дать повод к возобновлению обстрела со стороны противника" [1]).

„Наконец,— пишет тов. Демидов,— был получен приказ о вооруженном восстании. Вместе с тем было распоряжение по Лефортовскому району половину всех боевых сил двинуть в центр для наступления на почтамт, телефонную станцию и на Кремль... Мастяжартовцы приступили к расстановке своей артиллерии; одна трехдюймовая пушка выставлена была на берегу реки Яузы; два тяжелые осадные 42-линейные орудия поставлены около Введенского народного дома. Задача этих орудий была в том, чтобы с этого удобного их места расположения можно было обстреливать три железные дороги (Казанскую, Ярославскую и Николаевскую), в случае продвижения по ним войсковых и всяких иных подкреплений для подавления Октябрьского восстания в Москве; наконец, с этого места было удобно обстреливать Кремль. Затем два 4-линейных орудия выставили на Преображенской площади с тем, чтобы отразить возможное продвижение противника со стороны Богородского.

Два легких орудия поставили в Лефортове за военной тюрьмой для обстрела кадетских корпусов и Алексеевского военного училища. Другие два легких орудия поставили на Вознесенской улице в одном из дворов, также для обстрела Алексеевского училища и квартир офицеров, из которых они обстреливали нас пулеметами. На Преображенской площади устроили наблюдательный пункт.

---

[1]) Воспоминания тов. Забродина.

В ночь с 26 на 27-е октября артиллерия таким порядком была расставлена к 4 часам утра; тремя отрядами Красной гвардии были оцеплены со всех сторон три кадетских корпуса и Алексеевское военное училище. В 6 часов 30 минут утра кадеты и юнкера открыли из окон, с крыш и чердаков частый оружейный и пулеметный огонь по нашим цепям. Затем, под прикрытием огня, эта вооруженная до зубов и многочисленная белогвардейская свора начала делать вылазки и повела наступление на наши окопы. В 7 часов утра в наших окопах оказались первые раненые рабочие-красногвардейцы" [1]).

„В эту ночь,—пишет тов. Игнатов,—Военно-революционный совет потерял Кремль. Находившийся там 56-й полк был Рябцевым обманным образом разоружен, часть солдат подверглась пулеметному расстрелу озверевших юнкеров. Находившийся в Кремле наш комендант, тов. Берзин, поверил словам Рябцева, что весь гарнизон в его руках, а Военно-революционный комитет уже больше не существует. В эту же ночь, Военно-революционный комитет, за неимением достаточной вооруженной силы, потерял здания Главного почтамта, телеграф на Мясницкой улице и телефонную станцию в Милютинском переулке, причем наши посты были захвачены в плен. Здание совета находилось почти без всякой охраны, и только поздно вечером, накануне этой ночи, к нему прорвалась с боем команда двинцев, потеряв часть товарищей на Красной площади.

Рябцев, взявший обманным путем Кремль, думал, что главное сопротивление уже сломлено, и теперь остается постепенно, не торопясь, изловить всех „буянов и смутьянов". Утром 28 октября, когда об исходе борьбы ровно ничего еще нельзя было сказать точного, на улицах Москвы был расклеен его приказ:

„Кремль занят. Главное сопротивление сломлено, но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтобы, с другой, не стеснять выполнение всех боевых задач, по праву, принадлежащему мне на основании военного

---

[1]) Демидов. „Вооруженная борьба рабочих Благуше-лефортовского района".

положения, запрещаю всякие сборища и всякий выход на улицу без пропусков домовых комитетов. Все граждане приглашаются немедленно уведомить меня по телефону о всех домах, где в окнах или на крышах засели вооруженные люди. Предупреждаю, что в ответ на выстрелы из домов последует немедленный пулеметный и артиллерийский обстрел их. Обращаюсь к чувству сознательности граждан помочь избежать всех лишних жертв. Командующий войсками Московского округа, полковник Рябцев" [1]).

Рябцев ошибся в своих расчетах, борьба еще только разгоралась, и в районах шло организованное наступление на белогвардейцев.

„Началось первое наступление белых,— вспоминает тов. Демидов,— начался октябрьский бой. На сплошной огонь противника мы не могли отвечать тем же, так как мало имели при штабе патронов, и здесь в окопах их берегли. Но противник развивал стрельбу и наступал. Тогда из наших окопов, по полевому телефону было отдано распоряжение на батарею, находившуюся на берегу реки Яузы на Тишине, открыть по противнику артиллерийский огонь. Артиллеристы-мастяжартовцы не решились сразу стрелять боевыми орудиями, и сперва дали три холостых выстрела, полагая этим убедить белогвардейцев. В ответ получен усиленный оружейный и ураганный пулеметный и бомбометный огонь. Только теперь наша артиллерия начала настоящую стрельбу".

„Однако в этот момент мы натолкнулись на неожиданное препятствие,—говорит тов. Туляков. Стали готовить пушки. У меня был дежурный офицер. Я обратился к нему: „Где панорамы?"... Он говорит: „Они еще не найдены". Пришлось прицеливаться через дуло, и когда я в первый раз приложился, перелет был в 12 верст. Вторым снарядом я ударил по трубе Гужона, третьим — по Златорожскому парку, и после таких неудачных трех выстрелов я приказал взломать все и найти панорамы; они были найдены [2]).

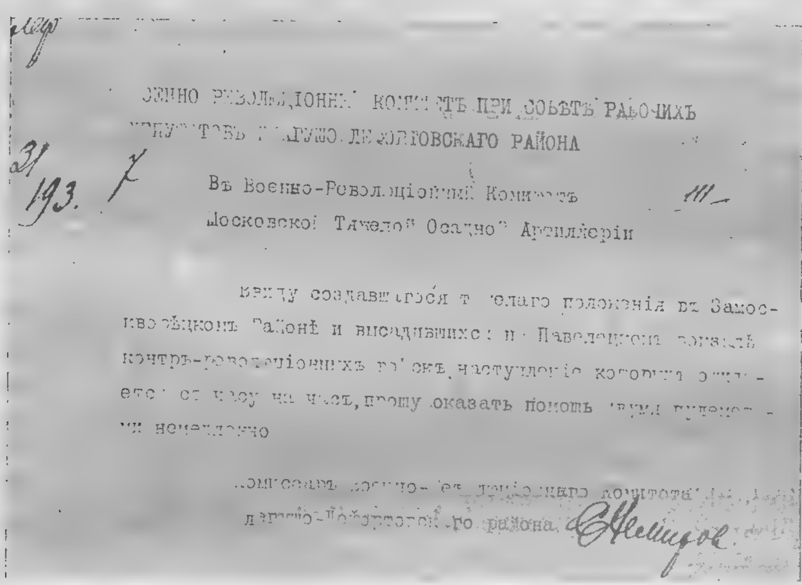
Прошли сутки — кадеты и юнкера не сдавались.

---

[1]) Игнатов. „Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.".

[2]) Сборн. „Октябрьские дни в Москве и районах". Ст. Тулякова „Н-я мастерская".

Тогда мы на вторые сутки открыли орудийный огонь из всех поставленных в разных местах орудий. Вскоре 1-й кадетский корпус выбросил белый флаг и прислал своего парламентера. Сейчас же этому последовал и 2-й



[illegible] РЕВОЛЮЦIОННЫЙ КОМИТЕТЪ ПРИ СОВѢТѢ РАБОЧИХЪ [illegible] ДЕПУТАТОВЪ [illegible] ЛЕФОРТОВСКАГО РАЙОНА

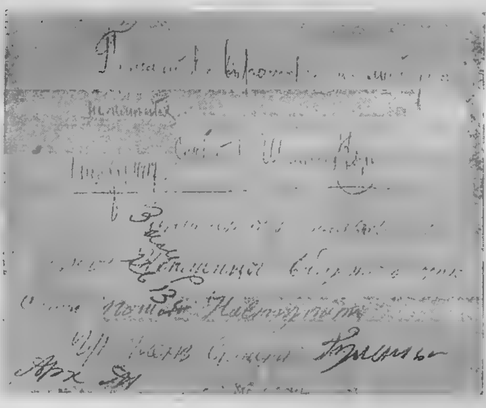
31
193.

Въ Военно-Революцiонный Комитетъ
Московской Тяжелой Осадной Артиллерiи

Въ виду создавшагося т[illegible]лаго положенiя въ Замоскворѣцкомъ Районѣ и [illegible] [illegible] контръ-революцiонныхъ [illegible], наступленiе которыхъ [illegible]ется от часу на часъ, прошу оказать помощь [illegible] немедленно

Комиссаръ Военно-Революцiоннаго Комитета [illegible] Лефортовскаго района. [illegible]

корпус. Наша цепь провела к нам на яузскую батарею с завязанными глазами парламентеров. Я получил от районного ревкома удостоверение на право заключения мира с офицерами и юнкерами, отправился вести переговоры с двумя кадетскими корпусами. Однако, на предъявленные



Приказ ревкома № 193 и резолюция члена боевой семерки Мастяжарта.

наши условия—сдать нам оружие, установить нашу охрану внутри корпусов и приступить им через три дня к нормальным

занятиям — они отказались. В конце концов они заявили: „Все равно, вы нам ничего не сделаете, наши корпуса неприступны, как хорошая крепость". А один генерал проговорился: „Что же, мы два дня посидеть еще можем, а потом нас выручат военные части". Они решили ждать своей выручки.

Так были кончены первые переговоры, и мы снова сосредоточили на корпусах весь свой артиллерийский огонь. На этот раз не прошло и двух часов, как снова появился на крыше белый флаг, и явившийся парламентер заявил: „Мы согласны на все ваши предложения и на заключение мира..." Я взял с собой отряд красногвардейцев и снова отправился для переговоров. 1-й кадетский корпус больше не колебался и согласился на наши условия. Мы приступили к их разоружению. Приняли под расписку винтовки, несколько револьверов и патроны, заняли все караулы. Тем временем пришел генерал-представитель 2-го кадетского корпуса, и изъявил согласие на разоружение, однако он предупредил, что 100 человек кадет не приняли условий мира, взяли вооружение и ушли в Алексеевское военное училище. Мы приступили к разоружению 2-го кадетского корпуса.

Теперь наш фронт на много сократился. Мы ввели четыре отряда красногвардейцев вовнутрь сдавшихся двух корпусов и в свою очередь с чердаков и окон повели обстрел 3-го кадетского корпуса и Алексеевского военного училища. Тут, между прочим, генералы сдавшихся корпусов взвыли волком. „Что же вы делаете?.. Вместо того, чтобы нас охранять, вы делаете наши здания опорными пунктами — крепостями... Вы нарушаете „союз трех корпусов и Алексеевского училища. Ведь это приказ Рябцева". Но приказ Рябцева о „боевом союзе трех кадетских корпусов и Алексеевского училища" против восставших рабочих был уже сметен снарядами рабочих-артиллеристов. Перетрусившие генералы и метавшиеся в панике офицеры и юнкера не могли себе этого уяснить. Падение двух кадетских корпусов сразу же дало нам возможность половину наших сил направить в центр, хорошо вооружив их винтовками и пулеметами, захваченными у кадет и офицеров... Повели дальнейшую упорную борьбу против 3-го кадетского кор-

пуса и Алексеевского военного училища, а также бросились помогать своей силой и оружием соседним районам"[1]).

„3-й кадетский корпус и Алексеевское училище держались двое суток, ожидая подкрепления. Мы вели по ним непрерывную артиллерийскую стрельбу. В момент этого боя в центре Москвы было заключено известное теперь нам перемирие, при посредническом участии Викжеля (исполком союза железнодорожников). Нельзя сказать, чтобы в районе это перемирие было встречено особенно радостно.

Нам по телефону,— говорит тов. Демидов,— было предложено тов. Аросевым прекратить огонь на основании постановления Революционного комитета Москвы. От этого предложения тов. Аросева мы решительно отказались, несмотря на его угрозы" [2]).

Надо сказать, что условия перемирия не соблюдала ни одна из воюющих сторон.

„Помню,— рассказывает тов. Аросев,— как тов. Яковлева, Варвара Николаевна, подошла ко мне и, разводя руками, спросила:

— Что же вы делаете! Ведь ваши пушки продолжают разносить Москву...

— Нет сил удержать солдат,— ответил я,— попробуйте поговорить с ними.

Чтобы подтвердить свои слова, я подошел к нашему полевому телефону, соединился с Лефортовским районом, вызвал Демидова. В трубку было слышно, как ухал снаряд.

... Бух-хх!!

— Демидыч, прекрати немедленно огонь. Это распоряжение комитета, будешь строго отвечать за неподчинение.

Но Демидов, при всей своей неукротимости, не лишенный хитрости, отвечает протяжно:

— Не слышу!

Снаряд опять: бух-х-х!..

— Именем Военно-революционного комитета приказываю тебе прекратить огонь.

...Бух-х-х!!!

— Ни черта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменное.

---

[1]) Воспоминания тов. Демидова.

[2]) Там же.

— Хорошо, Дёмидыч, посылаю тебе человека на автомобиле.

И опять снаряд: бух-х-х!..

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют, лучше на лошади и в коляске.

— Как же ты теперь слышишь, что я тебе говорю...

— Так вот, присылай, брат, распоряжение, мне некогда,— и трубку Демидов бросил.

Снаряды безудержно ухали. Мое распоряжение о прекращении огня, посланное верховым достигло до Демидова тогда, когда суточное перемирие уже кончилось“ [1]).

„Отказавшись прекратить бой,— продолжает тов. Демидов, мы настолько усилили артиллерийскую канонаду по 3-му корпусу и Алексеевскому училищу, что не прошло и двух часов, как появились со стороны противника белый флаг и парламентер. На приглашение их парламентера я с тов. Масленниковым отправился в Алексеевское училище. При входе в здание училища нас встретили офицеры и юнкера, вооруженные до зубов, обмотанные пулеметными лентами и обвешанные бомбами. Лишь только мы вошли в здание, окруженные юнкерами, как раздался пронзительный выкрик: „Пришли большевистские главари, на штыки их!..“ В это время нас встретил полковник Овсюк. Ввел к себе в дежурную комнату. Он стал извиняться за враждебный выкрик, объясняя это тем, что офицеры и юнкера по вопросу о переговорах о мире раскололись на две стороны, одна из которых за мир, другая — против. По этой причине наши переговоры и те же предложения, что и первым двум корпусам, ни к чему не привели, и мы вернулись к себе.

После неудачных переговоров опять загорелась перестрелка. Три наши батареи снова открыли огонь. Ровно двадцать часов еще держались после этого юнкера, ожидая подкрепления. Артиллерийская стрельба решетила здания засевшего противника. Наконец опять повторилась история с белым флагом и парламентером. Мы снова направились для переговоров, и снова вышел нас встретить полковник Овсюк. Он опять провел нас в дежурку. Теперь был подписан на наших условиях договор о мире“.

[1]) Сборник „Москва в Октябре“, статья тов. Аросева „Как было“.

Вот текст этого договора (орфография исправлена): „*Протокол* совместного заседания представителей воинских частей и Красной гвардии Революционного комитета СР и СД в лице представителей Лефортовского района — Мизикина, Басманного района—Зеленского, представителя б-на самокатчиков—Черемиса, коменданта Лефортовского района — Демидова, начальника училища (Алексеевского)—полковника Овсюк, подполковника Темникова (комендант), Македонского (председателя училищного комитета), секретаря училищного комитета—Литова, члена училищного комитета—Паберса, комиссара училища от политического отдела штаба округа—подпоручика Рогали-Левицкого, начальника боевого участка—подполковника Черногубова, полковника Васильева, начальника службы связи — прапорщика Поль.

Заявление г. комиссара Алексеевского военного училища и решение собрания юнкеров и руководителей училища о нежелании проливать братскую кровь, прекратить борьбу и сложить оружие.

Условия сдачи оружия следующие:

Обитатели Алексеевского училища сдают оружие.

Революционный комитет гарантирует личную безопасность внутри училища всем обитателям. Революционный комитет не может требовать, чтобы сдавшиеся употребляли оружие против своих сторонников.

После обмена мнениями собравшиеся единогласно пришли к следующему:

1. Сдача оружия. Все имеющееся огнестрельное оружие — винтовки, патроны, пулеметы, бомбометы, бомбы и прочее — сдаются комиссару Военно-революционного комитета. Личное оружие гг. офицеров в количестве не более 20 револьверов остается на руках у офицеров, запас пуль сдается комиссару. Пуль может иметься на руках только 7 штук. Холодное оружие остается на руках. Все остальное собственное оружие сдается под расписку комиссара и хранится в помещении Алексеевского училища. Юнкера по охране военного склада сдают оружие на военном складе на общих условиях тогда, когда прибудет смена наряда военно-революционного комитета.

2. Освобождение больных офицеров 85 полка. Немедленно освободить всех больных офицеров и отправить в Генеральный госпиталь.

3. Кадеты. До выяснения вопроса о помещении — оставить в Алексеевском училище.

4. О личной безопасности. Представители военно-революционного комитета и частей гарантируют личную безопасность всем находящимся в стенах Алексеевского училища и в районе 1-го, 2-го, 3-го кадетских корпусов и фельдшерской школы.

5. Караулы. Караулы назначаются военно-революционным комитетом из частей верных ВРК. Училищному комитету предоставляется право отвода, если окажется, что охраняющая часть нарушает условия личной и имущественной безопасности, о чем заявляет комиссару.

6. Охрана денежных сумм училища. Денежные суммы охраняются обычным порядком, для чего оставляется 4 револьвера с соответствующим количеством патронов.

7. Отпуск и пропуск. Отпуск в город разрешается комиссаром. Пропуска отпускаемым артельщикам за продуктами выдаются комиссаром за поручительством училищного комитета.

Нормальная жизнь Алексеевского училища входит с 31 октября.

Все означенные условия распространяются на всех находящихся в здании училища и на винном складе до 30 октября.

За действия юнкеров, находящихся в городе и ведущих боевые действия, состав, находящийся в здании училища, не отвечает.

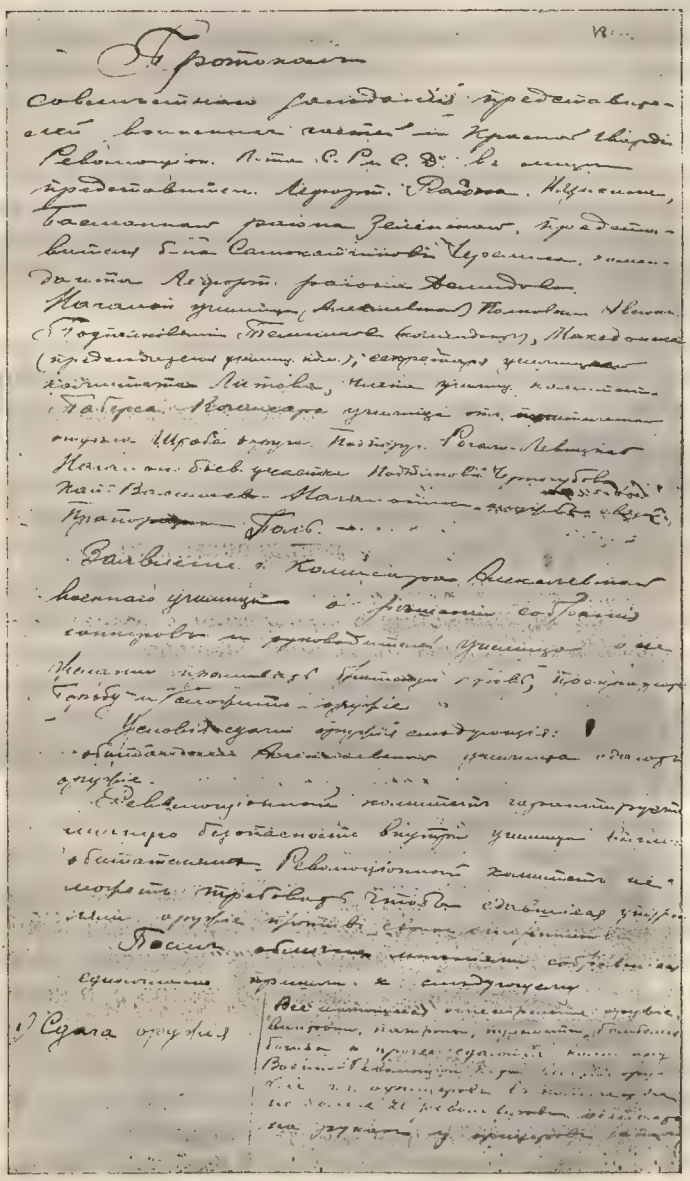
ПОДПИСАЛИ:

Комиссар Алексеевского училища, подпоручик *Рогали-Левицкий.*

Вр. и. д. н-ка училища полковник *Овсюк.*

Начальник гарнизона Лефортовского района *В. Демидов.*

Решив основную боевую задачу в районе, лефортовские и басманные красногвардейцы смогли принять активное участие в боевых операциях в других районах и



в центре. По просьбе тов. Землячки, был направлен взвод артиллерии, во главе с Туляковым и Рыбалко, для занятия Крутицких казарм (Рогожско-симоновский район), где засели юнкера. Этот отряд заставил довольно быстро юнкеров сдать оружие, принялся за обстрел Кремля с весьма удобной позиции, у Швивой горки, в церковном дворе на Гончарном переулке. Стрельба по Кремлю была весьма удачна, заставила замолчать артиллерию Рябцева; при этом, правда, пострадали часы на Спасской башне и купол церкви Василия Блаженного. Другой артиллерийский взвод с ротой мастяжартовцев направлен был в Замоскворечье, по пути был обстрелян у Курского вокзала.

В 12 часов ночи в Московский революционный комитет явилась делегация, состоявшая из Волгина, Станислава Вольского и еще нескольких человек, для выяснения условий, на которых Военно-революционный комитет согласен прекратить борьбу. Станислав Вольский истерически ругался, убеждая ревком поскорее прекратить борьбу.

На ход переговоров, естественно, оказывали влияние явные успехи революционных частей. Несмотря на отчаянную усталость, на то, что бойцам приходилось слишком долго участвовать в сражениях без смены, борьба продолжалась со все большим успехом на нашей стороне. Это понимал и Рябцев, когда прислал рано утром 2 ноября от имени Комитета общественной безопасности письмо в Революционный комитет. В этом письме Рябцев, запрашивая условия прекращения военных действий, заявляет, что „при данных условиях“ он считает необходимым „ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом“, перейдя к методам борьбы политической и „предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах“ [1]).

Рябцев все же не принял сразу выставленных ревкомом условий и попросил отсрочку. И только в 5 часов вечера 2 ноября (старого стиля), когда революционные рабочие и солдаты Красной гвардии овладели Китай-городом и штурмовали Кремль, были подписаны предложенные ревкомом

---

1) Игнатов. „Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.“.

условия. В 9 часов вечера ВРК издал следующий приказ по войскам революционной армии и Красной гвардии:

„Революционные войска победили, юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках В-Р. Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний рабоче-крестьянской и солдатской революции. Враг сдался. ВР К-т приказывает прекратить всякие военные действия (руж., пулеметн., и оруд. огонь). С прекращением военных действий войска советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войска не расходятся до особого приказа Военно-революционного комитета“[1]).

Пролетарская революция одержала блестящую победу. Рабочий класс принялся за работу по закреплению своей победы.

---

[1]) Игнатов. „Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.“.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

VII. ИЗ РАБОТЫ БАСМАННОГО СОВЕТА
в 1917—1919 гг.

Воспоминания т. Цихона.

В Февральскую революцию 1917 г. организовался Московский совет рабочих депутатов. Несколько позже был организован Басманный (ныне Бауманский) райсовет рабочих депутатов [1]).

---

1) В то время в районе Басманном работало свыше 30 более крупных фабрично-заводских предприятий с количеством рабочих свыше 35.000 чел. Вот перечень этих предприятий (приведены их нынешние названия, в скобках — бывшие названия):

1) Завод Военно-промышленный—5.500 раб.; 2) з-д „Манометр“ (бывш. Гакенталь с отделением при Высшем техническом училище)—1.400 раб. 3) з-д Газовый—650 раб.; 4) Ф-ка „Металло-лампа“—700 раб.; 5) ф-ка им. Клары Цеткин (бывш. Марс „Мандль и Райц“)—5.000 раб.; 6) Брезентообувная (бывш. „Шевро-хром“)—600 раб.; 7) ф-ка им. Звонкова (бывш. Щапова) и отделение Филиппова—1.200 раб. 8) ф-ка им. Профинтерна (б. „Дюфурмантель“) — 600 раб.; 9) ф-ка им. Урицкого (бывш. Константинова)—700 раб.; 10) з-д „Стеол“ (бывш. Невский стеариновый)—400 раб.; 11) Снарядная мастерская при Техническом училище—400 раб.; 12) Металлоштамповальная (б. Лебедева) — 500 раб.; 13) Спирто-водочный завод — 300 раб.; 14) ф-ка Хишина (закрыта)—500 раб.; 15) Рязанский трамвайный парк со службами—1.700 раб.; 16) ф-ка б. Высоцкого (ныне там мебельная ф-ка „Мосдрева“)—1.800 раб.; 17) Чаеразвеска им. 1 мая (б. Губкина-Кузнецова)—800 раб.; 18) ф-ка им. Баумана (б. Баринова)—300 раб.; 19) ф-ка б. Востанжогло (закрыта) — 1000 раб.; 20) ф-ка б. Демидова — 300 раб.; 21) мастерская колючей проволоки—300 раб.; 22) госуд. колбасн. ф-ка (б. Чичкина)—400 раб.; В 1918 г. присоединили к Басманному району еще следующие предприятия: 1) з-д „Мастяжарт“—2.500 раб.; 2) ф-ка „Противогаз“—400 раб.; 3) „Электролампа“—400 раб.; 4) з-д „Шестерня-Цитроэн“—750 раб.; 5) склады Центросоюза—300 раб.; 6) з-д мыловаренный—400 раб.; 7) ф-ка „Октябрь“ (б. Хишина)—400 раб.; 8) з-д № 8 Машинотреста (б. Пирвиц)—400 раб.; 9) ф-ка им. Маркова (б. Корякина)—500 раб.; 10) военная хлебопекарня—700 раб.; 11) б. ф-ка Лунц-Жилин—200 раб.; 12) з-д „Прокатчик“ (б. Иванова и Балашихина)—300 раб.; 13) типография (б. „Печатник“)—200 раб.; 14) ф-ка б. Земгора—500 раб.; 15) две мельницы—400 раб.; 16) хлебопекарня—300 раб.; 17) ф-ка им. Балакирева б. Ронталлера)—500 раб.; из учреждений: госпиталь—800 служ.; эвакопункт (2-й госпиталь)—1.200 служащих.

Я в то время работал в отделении завода Гакенталь («Манометр») при МВТУ; как член Московского совета входил и в районный совет. Районный совет обсуждал важнейшие политические вопросы, руководя рабочими массами района на основе лозунгов, выдвинутых нашей партией (в то время РСДРП (большевиков).

При выборах в совет рабочие посылали депутатов от трех основных в то время партий, — большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров; при этом получилось так, что в Московском совете большинство оказалось у меньшевиков и эсеров (вместе), а в Басманном совете, наоборот, большевиков было больше, чем меньшевиков и эсеров вместе.

Басманный совет жестоко критиковал соглашательскую политику меньшевиков и эсеров в Моссовете. Когда депутаты Моссовета отчитывались на общих фабрично-заводских собраниях рабочих по принятым Московским советом резолюциям меньшевистско-эсеровского толка, большевики выступали с резкой критикой, разоблачали предательскую политику меньшевиков и эсеров, которые поддерживали империалистическую грабительскую войну, коалицию с буржуазией и потому оказывали поддержку правительству Керенского. С первых дней Февральской революции предательская политика меньшевиков и эсеров по отношению к революции и всему рабочему классу стала очевидной для сознательных рабочих.

Наша партия выдвинула основные лозунги: «Долой империалистическую грабительскую войну», «Долой десять министров-капиталистов», за братание солдат на фронте, за передачу всей власти советам, за немедленное проведение 8-часового рабочего дня, за национализацию фабрик, заводов, банков, за передачу помещичьей земли крестьянам. Под этими лозунгами велась агитация среди рабочих и солдат. Предложения большевиков принимались рабочими, и постепенно стали заменять депутатов меньшевиков и эсеров большевиками.

Особенно резко обострилась борьба, когда меньшевики и эсеры внесли в Моссовет предложение принять закон о применении смертной казни для солдат. Фракция большевиков выступила категорически против применения смертной казни для солдат; к этому предложению присоединились беспартийные рабочие депутаты и об'единенцы, и большинством голосов

была принята резолюция большевиков. Об этом решении депутаты-большевики сделали доклады на фабриках и заводах; в подавляющем большинстве выносились резолюции, предложенные большевиками, рабочие вместо меньшевиков и эсеров избирали депутатами большевиков. Таким образом, в Моссовете росло число депутатов большевиков, которые готовились к решительным октябрьским боям.

Подготовка Басманного совета к Октябрьской революции велась в направлении подготовки рабочих к восстанию, учета сил красногвардейских отрядов и солдат, снабжения рабочих и солдат продовольствием и т. д. Накануне выступления был созван пленум совета совместно с фабзавкомами в рабочем клубе при Военно-промышленном заводе (Сусальный пер.).

На этом заседании обсуждался вопрос о восстании. По предложению нашей фракции, подавляющим большинством голосов было решено итти на восстание; к этому решению присоединились беспартийные рабочие и лучшая часть рабочих меньшевиков и эсеров, и только отдельные меньшевики и эсеры были против восстания.

На этом же пленуме избрали революционный комитет из следующих товарищей: Зеленский, Мандельштам («Одиссей»), от Басманного комитета партии Бочаров (Военно-промышленный завод), Забродин (отделение завода Гакенталь при Техническом училище), Маркин-Панкратов (Газовый завод). Ревком приступил немедленно к выполнению своих обязанностей: наметил посылку красногвардейских отрядов на позиции, принимал меры к добыче оружия, в чем особенно была большая нужда, наметили план занятия милицейских участков; для выполнения этой последней задачи наметили тт. Сафронова [1]) (Газовый завод), Сидорова (Военно-промышленный завод) и др. По снабжению продовольствием наметили тов. Лобачева [2]) (отд. завода Гакенталя при Техническом училище).

По всем направлениям работа шла успешно; депутаты совета вместе со всеми рабочими и солдатами храбро дрались на баррикадах против вековых врагов—буржуазии и ее приспешников—офицеров и юнкеров. Основные боевые пункты в Бауманском (Басманном) районе были против Алексеев-

---

[1]) Ныне председатель Бауманского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

[2]) Ныне председатель Хлебопродукта.

ского военного училища, кадетских корпусов, у Покровских ворот. Самый ход боевых операций подробно приведен в предыдущей главе и в других материалах.

После Октябрьских дней, когда власть перешла в руки совета, заняли под райсовет дом № 2 по Н. Басманной. (б. Институт благородных девиц). Сначала в совете не было никаких отделов, президиум совета выполнял непосредственно все функции. Штат состоял из 6 чел.: председатель совета тов. Зеленский, я в качестве члена президиума — занимал должность казначея, секретарь совета т. Шиллерт, 1 делопроизводитель, 1 машинистка, 1 курьер. С этим штатом совет вел усиленную работу по борьбе с контр-революцией, спекуляцией, саботажем. Затем создали две комиссии: 1) по борьбе с контр-революцией и спекуляцией. Председатель этой комиссии, тов. Дуняков, приступил к оперативной работе совместно с членами исполкома совета и, с помощью красногвардейцев, ездили на обыски и аресты контр-революционеров, производили реквизицию продовольствия и мануфактуры у спекулянтов. В этой работе активную помощь оказывали рабочие тов. Сивов (Военно-промышленный завод), тов. Громов (ф-ка б. Бостанжогло) и другие товарищи, помогавшие указаниями о том, где проявляют себя контр-революционеры и спекулянты. Работа в этой области шла успешно, и при активном участии рабочих совет достиг здесь больших результатов. 2) Экономическая комиссия, под председательством тов. Вигдорович. Эта комиссия начала работу с контроля за выдачей денег для выплаты рабочим зарплаты. (В то время банк ни копейки не выдавал без визы райсовета).

На основании решения районного комитета партии от 30 марта 1918 г., районный совет был слит с управой, и работа чрезвычайно расширилась. Это потребовало значительного расширения состава руководящего органа—президиума. В состав его вошли тт. Зеленский, Цихон, Лобачев, Желтов, Пельше, Лазовертов, Маркин, Выборный, Базанов, Сарра Бродская, Забродин, Иванов, Табаков, Пронин Петр, Дубровский, Боровицкий, Елизавета Федоровна, Андреев, Яковлев, Симаков, Соколов, Бондаревич, Гребельская, Ретлинг, Добробельский, Цветков.

После слияния при совете организовалось 13 отделов, заведующими отделами утвердили членов исполкома: 1) про-

довольственный отдел — тов. Лобачев, 2) экономический — тов. Гинзбург, 3) топливный — тов. Табаков, 4) районная чрезвычайная комиссия — тов. Индриксон, 5) жилищный отдел — тов. Кабаев и Круглов, 6) финансовый — тов. Чепиков, 7) юридический — тов. Сафронов, 8) административный — тов. Самсонов, 9) народного образования — тов. Поляков, 10) здравоохранения — тт. Голубева и Махлис, 11) строительный — тов. Осипенко, 12) социального обеспечения — тов. Чудак, 13) хозяйственный — тов. Кравчинский. В то время совет помещался в двухэтажном доме по Кирочному переулку. Ввиду того, что при слиянии не представлялось возможным разместить все отделы, президиум совета решил занять большой четырехэтажный дом на Бауманской ул., угол Бакунинской, № 1/2, где мы и разместились.

Количество сотрудников достигло приблизительно 700 чел. Такой большей штат работал весьма плохо, — неумение работать, бюрократизм, бумажная волокита процветали во-всю. Все эти болячки на молодом советском аппарате переносили рабочие. Президиум совета вел беспощадную борьбу с проявлениями бюрократизма. Сотрудников, замеченных в саботаже, бюрократизме, волоките, президиум совета административно наказывал, посылая на принудительные работы сроком до 6 месяцев. Эти меры значительно содействовали искоренению болячек аппарата.

Теперь о работе отделов. Вкратце охарактеризую отделы: продовольственный, жилищный, топливный и финансовый.

Продовольственное дело

Продовольственному отделу чрезвычайно тяжело было работать — продовольствия не хватало, надвигался голод. Совет решил проводить карточную систему. Начали снабжать хлебом в первую очередь рабочих. Выдавали хлеб по трем категориям — осьмушку, четверку и полфунта на человека в день, в зависимости от условий работы. Выдача производилась нерегулярно, имели место перебои, иногда по нескольку дней не получали. Депутаты совета докладывали на предприятиях рабочим и на площадях всем гражданам, какие меры предпринимаются по доставке хлеба в Москву, указывали на все трудности доставки сообщали, сколько поездов грузится, сколько в дороге; перспектива получения хлеба рисовалась плохая, — хлеба нехватало. Рабочие требовали разрешить поездку за хлебом им всем,

ибо голод усилился, страдали взрослые рабочие, и особенно их дети.

Перед советом встал вопрос о разрешении рабочим поездки за хлебом. В то время продовольственным вопросом очень много занимался тов. Ленин. В начале 1919 г. он созвал у себя совещание из представителей районов и заинтересованных наркоматов. Я тогда присутствовал от Басманного района. Тов. Ленин поставил перед работниками районов вопрос, в какой мере захватил голод рабочих; он выслушал всех, а затем сказал: «Надо приподнять клапан и разрешить рабочим ехать за хлебом».

Тов. Ленин тут же выяснил у представителя НКПС (тов. Маркова), сколько вагонов НКПС сможет предоставить рабочим для поездки за хлебом; у представителя Наркомпрода (тов. Цюрупы) — какие хлебные губернии можно отвести для заготовок. Он выслушал представителей ведомств и сказал: «Немедленно составляйте поезда, отводите губернии и организованно посылайте рабочих за хлебом».

В конце совещания тов. Ленин напомнил тов. Свидерскому: «Еще сто первый раз на пленуме Моссовета сообщи цифры, сколько поездов грузят и сколько в пути, после чего заяви, что рабочим разрешается ехать за хлебом». После этого решения райсовет приступил к организации поездов; обращались в НКПС за вагонами, в Наркомпрод за указаниями, в какую губернию он разрешает ехать. Срочно составляли поезда и отправляли рабочих за хлебом. После этих мероприятий положение рабочих с продовольствием начало понемногу улучшаться.

Жилищный вопрос

В 1918 г. райсовет наметил мероприятия по выселению буржуазии из больших домов, для чего создали «стратегическую» комиссию по выселению. Я вошел в эту комиссию как представитель совета, тов. Осипов — как военный комиссар района, тов Гинзбург — как зав. экономическим отделом. Получив в этот момент сведения о ранении белогвардейцами тов. Ленина, комиссия об'явила красный террор буржуазии и срочно приступила к выселению. Заняли крупные дома на новой и Старой Басманных ул., на Бауманской (б. Немецкой), Бакунинской (б. Покровской) и т. д. В домах поставили караул красногвардейцев, в некоторых пришлось даже с пулеметами. В течение трех дней предписали

владельцам квартир выехать. При выезде отдавали им необходимую мебель, излишек оставляли в домах. Выселение провели успешно. Несколько домов освободили в назначенный срок. Рабочие переезжали в большие дома сначала медленно, из-за отсутствия топлива; комиссия решила вселить коммунистический отряд в дом № 31 по Н. Басманной; затем переехали несколько тысяч рабочих и заняли все дома. Общее количество занятых рабочими домов дошло до ста. Так разрешали мы тогда жилищный вопрос.

Топливный вопрос

Совет наметил мероприятия по вырубке леса близ Москвы и сломку ветхих домов на дрова. Топливный отдел отводил делянки леса в первую очередь рабочим организациям, а затем всем гражданам. Тут же приступили к заготовке дров хозяйственным способом: давали разрешения на слом домов, перевозили дрова в Москву при помощи крестьян; рабочие и все граждане сами рубили дрова в лесу.

Финансы

Финансовая политика совета выражалась в следующих мероприятиях: облагали налогом буржуазию, взимали штрафы за невыполнение декретов, проводили конфискацию золота. Практически проводил эту работу финансовый отдел, наблюдая за взиманием налогов, штрафов, при содействии районной чрезвычайной комиссии и членов исполкома. Производя обыски, обнаруживали значительное количество золота, которое конфисковывалось и сдавалось в Госбанк. Так преодолевал райсовет финансовые трудности молодого советского государства.

В заключение надо отметить, что несмотря на войну, голод, холод и нищету, партийные и беспартийные рабочие отбивались и побеждали на военных и гражданских фронтах, принимали активное участие в субботниках, собирались десятками, сотнями, тысячами ремонтировать вагоны, нагружать и разгружать вагоны, чистить снег на железной дороге, по утрам обучались военному делу. Все трудности рабочий класс преодолевал под руководством нашей партии.

Бауманский (Басманный) совет совместно с рабочими прошел революционный путь борьбы и сейчас вместе с другими организациями принимает активное участие в социалистическом строительстве.

VIII. ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Военный коммунизм

Решающий удар капиталистам был нанесен в Октябрьские дни. Закрепить эту победу рабочих оказалось чрезвычайно трудным делом. Потребовалась упорная и длительная гражданская война; потребовались огромные усилия рабочих по преодолению голода, холода, тифа и многих других неизбежных спутников войны. Работа партийных организаций, советских и профессиональных органов за период 1918—1920 гг. дает картину почти сплошных мобилизаций на фронт, на транспорт, на проведение продовольственного налога и на многие другие ударные боевые участки молодой советской республики; столь же ударный характер носила и массовая работа; организация проводила «неделю» за «неделей»,—неделя обороны, неделя транспорта, неделя топлива и другие не сходили с повесток дня тогдашних партийных и общих собраний рабочих.

Лучшие передовые рабочие с фабрик и заводов двинулись на фронт и в многочисленные советские органы. Рабочие твердо принялись за дело, которым никогда раньше не приходилось заниматься; строить новую армию, доставать и распределять продовольствие для рабочих, занимать и передавать рабочим дома буржуазии, управлять фабриками, владельцы которых бросали свои предприятия на произвол судьбы, охранять заводы и учреждения от контр-революционеров, которые то и дело подкапывались под новые органы власти, уговаривать учителей обучать детей рабочих, — чего только ни приходилось решать и проводить рабочим организациям. Это был период героической борьбы, в которой рабочие преодолевали тысячи невероятных трудностей; в первых рядах шли коммунисты, с которых естественно больше всего спрашивалось и которые принимали в первую очередь на себя все удары, все тя-

жести этого времени. Организаторов на местах часто нехватало, ибо лучшие шли на передовые посты. Неудивительно, что воинские ячейки нашей партии составляли решающую часть организации в районе, на фабриках и заводах ячейки зачастую состояли из нескольких человек.

В феврале 1919 г. Басманный райком отклонил мобилизацию тов. Петрухина только потому, что с его от'ездом на Чаеразвеске б. Губкина—Кузнецова не остается ни одного коммуниста.

В апреле 1920 г., через 2½ года после Октябрьской революции, в Басманном районе из 81 ячейки было только 32 ячейки рабочих, остальные: 25 воинских, 17 советских, 5 милицейских и 2 вузовских. Ячейки в 3—5 членов партии не редкость. Ячейка ф-ки «Освобожденный труд» насчитывала едва 30 членов и кандидатов, на пуговичной ф-ке им. Балакирева — 17 человек, на «Мастяжарте» около 100 человек, из коих только 40 членов налицо, остальные на фронте и по другим мобилизациям. В Московском высшем техническом училище ячейка имела 12 человек (теперь партийная ячейка МВТУ имеет около 1.300 человек). На ряде фабрик и заводов не было ячеек еще и потому, что сами фабрики работали с огромными перебоями и часто останавливались «на неопределенное время», за отсутствием сырья и топлива; рабочая сила распылялась, разбегалась по деревням. На делегатских собраниях (так назывались районные собрания делегатов, выделенных с партячеек) часто заслушивались сообщения с мест. Вот делегатское собрание Благуше-лефортовского района от 15/I 1919 г.: Семеновская мануфактура остановлена до 23 февраля, рабочие раз'ехались в деревню; рабочие завода «Проводник» рассчитываются; ф-ка «Мусси» (ныне им. Щербакова) остановлена до 3 февраля, неизвестно, откроется ли, так как топлива нет. Собрание 29 марта 1919 г. отмечает: ф-ка Носова («Освобожденный труд») — сырья есть на 2 месяца, топлива нет; автомастерские и ф-ка «Универсаль» — производительность крайне низкая, почти нечем кормить рабочих; фабрика Таубер—Цветкова стояла за отсутствием топлива, теперь топливо есть, но фабрику пустить нельзя, потому что рабочие раз'ехались по деревням. Завод «Мастяжарт» держался в 1918 г. в течение 6 месяцев тем, что быстро перешел на выпуск крестьянских товаров, продавая на рынке сбрую, колуны, косы, бороны.

Газетная заметка рабкора завода «Гном и Рон» с гордостью сообщает, что завод неминуемо должен был закрыться, но «по революционной инициативе совдепа с одного закрытого завода взят уголь, сырье взято с завода гнуснейшего саботажника Гинзбурга, и завод пущен в ход». Так приходилось работать даже на важнейших предприятиях.

Из колоссальных продовольственных затруднений выходили всяческими способами: к заводам и фабрикам прикреплялись совхозы, организовывались поездки отрядов для заготовки продовольствия, заводили огородное хозяйство в городе и под городом.

Сейчас показалось бы странным такое, например, постановление Благуше-лефортовского совета, принятое на совместном заседании с фабзавкомами 3 февраля 1919 г.:

«Утвердить смету на огороды в текущем сезоне в размере 3.294.902 руб. 40 коп.» (впрочем, цена этих денег, вычисленных с такой точностью в копейках, пожалуй, никому не была известна).

На тяжелом положении с промышленностью и продовольствием спекулировали враги рабочего класса, пытавшиеся натравить рабочих на советскую власть. Неоднократно приходилось выдерживать борьбу с меньшевиками и эсерами, которые в моменты наиболее острого недостатка продуктов имели успех кое-где среди рабочих.

На ф-ке Константинова, на трикотажной ф-ке б. Рихард Симон и других побывала «сама» Маруся Спиридонова.

Меньшевики использовывали весьма усердно кампании перевыборов советов, выборы фабрично-заводских комитетов; на некоторых предприятиях, особенно по союзу химиков, борьбу с меньшевиками пришлось выдерживать вплоть до 1921 г. включительно.

В 1918 г. совету рабочих депутатов приходилось иметь дело и с вооруженными выступлениями; кроме участия в подавлении мятежа левых эсеров, пришлось столкнуться с анархистами. Тов. И. Ф. Петров, работавший в районном совете, вспоминает, как пришлось ночью окружить анархистов, засевших в особняке на Введенской площади, куда они зазывали «всех бедных и нуждающихся приходить за получением одежды и прочих вещей».

Тов. Забродин, тогда начальник штаба Красной гвардии в районе, по поручению президиума совета, с небольшим количеством красногвардейцев, безболезненно занял здание 2-го комиссариата Басманного района, где анархистам удалось временно захватить милицейский аппарат в свои руки. Анархисты были тем более удивлены появлением уполномоченных районного совета, что они в этот момент обсуждали вопрос, надлежит ли им подчиниться районному совету. Был еще один вид вооруженной организации против советов, — под флагом охраны домов пытались организовать контр-революционные дружины. В большом доме № 10/12 по Ново-Басманной улице эта так называемая «охрана» сорганизовала около двадцати проживавших в доме белогвардейцев-офицеров, имевших пост у входа в дом в течение круглых суток; при разоружении этой «охраны» отрядом Красной гвардии во главе с рабочим ф-ки Чичкина, тов. Буткевичем, был обнаружен точно разработанный устав этой белогвардейской организации. Рабочим организациям все время приходилось быть настороже, чтобы покончить с врагами и решить главную задачу—помощь фронту.

Мобилизации

В материалах Басманной и Благуше-лефортовской партийной организации самое значительное место занимают вопросы, связанные с этой основной задачей. Протоколы пестрят постановлениями о мобилизации коммунистов; вот приходит рабочий-коммунист, просит куда-нибудь пристроить своих двух детей и, получив неопределенное обещание, отправляется добровольно на фронт. На заседании Басманного райкома 11/VIII 1919 г., где рассматривается предложение МК мобилизовать пятую часть членов райкома, все члены райкома поочередно доказывают, что именно им нужно ехать защищать рабочее государство; приходится сдерживать товарищей, чтобы не расшатать работы в районе. Райком редко соглашался с доводами ячеек, ходатайствовавших иногда об оставлении мобилизуемых: обычное в таких случаях постановление райкома — «Предложить немедленно отправиться на фронт», — иначе и не могло быть в условиях того времени. Отчет Благуше-лефортовского комитета отмечает, что за период октябрь 1918 г. — март 1919 г. мобилизовано 207 коммунистов на фронт, 30 — на продовольствие, 11 — на транспорт. В дальнейшем эта работа не только не сокращалась, но требовала боль-

ших сил; за один июнь месяц 1919 г. мобилизовано и отправлено, главным образом, на питерский фронт — 69 коммунистов из небольшого Благуше-лефортовского района. Вся работа партийной организации строилась вокруг той же задачи — защиты и закрепления советской власти; создание новых ячеек, организация сочувствующих и массовый прием в партию особенно успешно проходили в моменты наибольшей военной опасности. Вот «партийная неделя». К началу партийной недели Благуше-лефортовский район имел 543 человека (406 членов и 137 кандидатов), Басманный район — 2.614 человек (1.961 член и 653 канд., причем 1.840 членов и кандидатов — из красноармейцев). За время партийной недели по Благуше-лефортовскому району вступило в партию 421 чел., по Басманному—1.288 человек; Благуше-лефортовский район имел до партийной недели 22 ячейки, во время партийной недели организовано новых 21 ячейка. На пуговичной ф-ке ячейка выросла с 3 до 11 человек, на ф-ке «Марс»—с 26 до 45, на ф-ке Чичкина—с 7 до 22 чел. Агитационная работа, выражавшаяся, главным образом, в массовых митингах (главные митинги созывались по пятницам), била в ту же основную цель. «Неделю обороны», давшую в Басманном районе 612 добровольцев и весьма значительный сбор вещей для красноармейцев, «неделю красной сестры», давшую 100 новых санитарок, районный комитет считал слабо проведенными. На ряду с митингами, большая раз'яснительная работа проводилась с помощью широких районных конференций; сначала (1-я конференция в Благуше-лефортовском районе была в апреле 1919 г.) это были конференции рабочих (совет, фабзавкомы, правления профсоюзов, делегаты по одному от каждых 20 рабочих), затем они стали рабоче-красноармейскими конференциями; повестка рабоче-красноармейской конференции 26 мая 1920 г. (международное положение и война с Польшей, экономическое положение и задачи рабочих на трудовом фронте, продовольственное положение) — совершенно та же, что и на первой конференции, ибо задачи в основном были однородны.

Субботники

Характерным для периода «военного коммунизма» моментом в работе партийной организации было проведение субботников, в которые вовлекалось и значительное число беспартийных рабочих и красноармейцев. О размахе этой работы можно судить по следующему при-

меру: за время с 14 по 31 октября 1920 г. по Бауманскому району (об'единение Благуше-лефортовского и Басманного районов в один Бауманский произошло весною 1920 г.) проведено 3 субботника, в которых участвовало 3.394 коммуниста и 5.765 беспартийных. Субботниками проводилась преимущественно работа, не требовавшая квалификации (погрузка и разгрузка на товарной станции Казанской ж. д., у Гавриковой площади, дрова на складах Москвотопа); в меньшей мере применялись субботники для основной работы мастерских и заводов (ремонт паровозов, автомобилей, пулеметов) и т. д.; в «неделю охраны труда» вывозили мусор с предприятий, вставляли рамы и стекла, мыли полы, белили потолки; в «неделю красной казармы» чинили белье и платье красноармейцев. Субботники, помимо своей основной задачи, способствовали сплочению и спайке партийной организации.

ЧОН

Этой задаче еще в большей степени способствовало участие всех коммунистов в Чоне (частях особого назначения). На чоновские части возлагались весьма серьезные задания: охрана совета, райкома и других важных пунктов в районе, частенько в тревожные дни караульные посты на улицах, облавы и обыски у спекулянтов и контрреволюционеров.

Короче, все виды партийной работы строились вокруг основной задачи — победы в гражданской войне. Естественно, при таком напряжении нельзя было требовать большой учебно-воспитательной работы; большевистская закалка давалась фронтом и боевыми заданиями в тылу. Все же в ячейках часто велись беседы о программе партии, делались даже доклады о разных периодах истории революционного движения; на районных собраниях читались лекции по разным политическим вопросам. 19 ноября 1919 г. Басманный райком утвердил программу районной партшколы, очень сложную программу, рассчитанную на два регулярных занятия в неделю; начатая работа школы, конечно, сорвалась, по той простой причине, что война и внутренние задачи организации отнимали не только время, но и самих руководителей и учеников.

Самый характер строения партийной работы, необходимость жесткой централизации, носил на себе следы той же военной обстановки; нечего и говорить, что таких развернутых форм партийной работы в ячейке, как сейчас, с широким уча-

стием актива и массы членов партии, не было и быть не могло: центр партийной жизни переносился в район. Вот пример, показывающий, какая быстрота требовалась в исполнении партийных директив: срочное задание МК — мобилизовать 42 товарища на топливный фронт. 19 ноября 1919 г. район делает разверстку по ячейкам: «Мастяжарт» — 6 чел., ячейка совета — 5 чел., Газовый завод — 2 чел., «Марс» — 3 чел., Чичкина — 2 ч. и т. д. Все ячейки обязаны прислать выделенных товарищей готовыми к отправке не позднее 21 ноября, т.-е. через 2 дня.

Районный комитет избирался сначала на общих собраниях районной организации, а с середины 1918 г. на делегатских собраниях; практиковались еще районные собрания председателей и секретарей ячеек. Районный комитет (обычно из 15—20 человек) собирался еженедельно; для текущей работы выделялась исполнительная комиссия из 3—5 товарищей, которые почти беспрерывно работали в райкоме и райсовете. Трудно перечесть те вопросы, которые разбирались и решались райкомом: тут и назначение работников, и выдача разрешений на оружие, и распределение пайков, и организация субботников, и прием в партию, и разбор конфликтов... вплоть до обсуждения положения дел на фронтах. Характерный пример: 13 апреля 1919 г., в связи с наступлением Колчака, Благуше-лефортовский райком постановляет: «1) Предложить МК созвать 15/IV экстренное собрание активных работников московской организации, посвященное специально вопросу о состоянии на восточном фронте, 2) на собрании выдвинуть необходимость переброски части полков с южного фронта на восточный»; а 15 июня, через 2 месяца, райком «признает положение на южном фронте угрожающим» и предлагает МК половину мобилизуемых товарищей отправить на южный фронт.

В 1920 г. ячейки района были организованы по 7 участкам (Басманный, Сыромятнический, Мастяжартовский, Введенский, Благушинский, Центральный и Военный); участком руководило участковое бюро, в составе одного назначенного райкомом участкового организатора и двух избранных товарищей с мест.

Рабочая оппозиция в районе

В течение 1918, 1919 и первой половины 1920 гг. жизнь партийной организации не осложнялась сколько-нибудь глубокими внутрипартийными спорами. Непосредственно после Октябрьских дней — 25 ноября 1917 г. Басманный райком обсуждал вопрос о выходе пятерки из Совета народных комиссаров и вынес резкое осуждение товарищам, вышедшим из Совнаркома, требуя их возвращения на порученные посты и обсуждения этого вопроса на с'езде. Не нарушила в общем ход работы в районе также и дискуссия с «левыми коммунистами» по вопросу о заключении Брестского мира в 1918 г. По сохранившимся материалам, на районном собрании Благуше-лефортовского района сторонники тов. Ленина, признававшие целесообразным в данных условиях заключить «похабный» Брестский договор, собрали 77 голосов, сторонники «левых коммунистов» («за революционную войну») и троцкистов («ни мира, ни войны») — 23 голоса. Несколько сложнее дело обстояло в Басманном районе, где на заседании райкома 9 мая 1918 г., после длительных прений по докладу тов. И. Стукова (сторонника «левых») и содокладу тов. Пельше (сторонника тов. Ленина), принята была резолюция тов. Стукова 23 голосами против 4; резолюция тов. Пельше получила 14 голосов за и 13 против. Но уже 31 мая председатель райсовета тов. Зеленский в отчете о деятельности совета на заседании райкома отмечает, что «все время совет стоял на точке зрения неподписания Брестского мира и требовал дальнейшего продолжения борьбы, но когда III с'езд советов признал ратификацию мирного договора, совет присоединился к решениям III с'езда» (цитировано по протоколу). В вопросах внутренней политики выражалось некоторое недовольство политикой центра, которая толковалась как тормаз к проведению национализации, к проведению в жизнь программы, намеченной в Октябре. Это отразилось и в принятой на этом заседании (при 4-х воздержавшихся) резолюции тов. Стукова; в резолюции, выражающей доверие делегированным в совет членам партии, в весьма туманной форме, «на ряду с этим констатируется настоятельная необходимость продолжать в дальнейшем работу по проведению в жизнь социальной программы Октябрьской революции». Формулировка этой резолюции, сама по себе, не говорит о каком-нибудь уклоне от общепартийной линии, но, взятая в свете тогдашних

внутрипартийных споров, она приобретает смысл некоторого противопоставления линии Центрального комитета партии.

В организации этот особый оттенок в решении райкома не пустил сколько-нибудь заметных корней. Иначе обстояло дело с «рабочей оппозицией» 1920—1921 гг., отразившейся весьма заметно на жизни и работе нашей районной организации.

Еще весною 1920 г. ревизионная комиссия, которая в большинстве состояла из товарищей, вошедших затем в группу рабочей оппозиции, составила доклад о деятельности районного комитета за 1919 и начало 1920 г. Не поняв сущности политики партии в годы военного коммунизма, не поняв необходимости жесткого режима в партии, диктовавшегося условиями гражданской войны, составители доклада обвиняли районный комитет партии во всех смертных грехах. Теперь нам, пережившим уже много партийных дискуссий, хорошо известна цена этих обычных выпадов оппозиционеров против партии, ее политики, ее руководящих кадров, ее аппарата. Доклад ревизионной комиссии обвинял райком в том, что он якобы превышает свои полномочия, решает за организацию, не выносит принципиальные вопросы на обсуждение ячеек, чем ведет «к замиранию живой мысли», недостаточно использует старых членов партии, отстраняет от активной работы осмеливающихся иметь свое суждение, давлением аппарата подчиняет себя ячейки, что «для большинства ответственных работников создалась невозможная атмосфера»; доклад предлагает «делегатскому собранию сделать из изложенного соответствующие выводы». Нам, знающим теперь и дальнейшую историю партии, совершенно очевидно, что эти обвинения по адресу руководящих органов партии повторяются всеми оппозиционными группами и фракциями. Задача оппозиционеров — расшатать партию, подорвать доверие к ее органам; из каких бы ультра-левых или ультра-правых убеждений оппозиция ни исходила в нападках на руководство партии, — они все повторяют заученные фразы о давлении бюрократизма, отрыве верхушки от масс, подавлении рабочей самодеятельности, борьбе с инакомыслящими и т. д. «Соответствующие выводы», которые требовал демагогический доклад недовольных и обиженных ревизоров, действительно были сделаны, — в начале октября 1920 г. группа рабочей оппозиции получила большинство в составе переизбранного районного комитета. С этого времени антипартийная дея-

тельность рабочей оппозиции развертывается в районе во-всю; захваченный оппозиционерами аппарат райкома и районного совета сохраняется в руках рабочей оппозиции больше года, вплоть до 27 ноября 1921 г.

Следует отметить, что уже и тогдашним оппозиционерам возможность спекулировать на трудностях, стоящих перед партией и рабочим классом, была достаточно известна (и в этом деле троцкисты последних лет, оказывается, не открыли Америки!); а трудности, действительно, были большие. Гражданская война окончилась победой рабочих; тем острее казалась многим тяжесть условий жизни, — промышленность была расстроена, транспорт расшатан, продуктов отчаянно мало, жесткий режим периода военного коммунизма изжил себя вместе с гражданской войной, назревала необходимость другой экономической политики, — все это оказывало давление на крестьянство, рабочих и на партию, в которой появляются мелкобуржуазные шатания и колебания под флагом анархо-синдикалистских лозунгов.

Московская конференция партии в ноябре 1920 г. чуть не раскололась, при этом делегация Бауманского района выступала против линии Московского комитета партии.

Создавшиеся трудности давали себя чувствовать во всей политической жизни; при перевыборах советов в начале 1921 г. наш район, хотя и дал в результате 83% депутатов-коммунистов, но с теми оговорками, что, во-первых, значительная часть их принадлежала к рабочей оппозиции, во-вторых, на ряде предприятий наказы нашей партии и выставлявшиеся кандидаты все же проваливались (завод «Сальмсон» принял наказ, предложенный меньшевиками под флагом беспартийных; завод «Шестерня» провел меньшевика; на шелковой ф-ке им. Щербакова кандидатура коммуниста провалилась; на мыловаренном заводе при участии меньшевика — инструктора союза химиков Антонова — провели меньшевика; на Авторемонтном заводе приняли наказ, предложенный анархистами). Данные сводки за февраль 1921 г. говорят о тяжелом положении на заводах; на «Манометре» заведующий, инженер Львов, действует явно против рабочих организаций; осталось на заводе всего 74 человека; «Шестерня» и мыловаренный завод остановлены за отсутствием топлива, Черкизовская пуговичная — за отсутствием сырья; на пуговичной б. Ронталлер работает всего 225

человек; настроение рабочих Рязанского трамвайного парка обывательское под влиянием продовольственных трудностей. Эти-то трудности и составляли почву для недовольства, которое использовывала рабочая оппозиция против партии.

Работа оппозиции в районе и борьба членов партии против хозяйничания рабочей оппозиции видна из ряда сохранившихся документов того времени. Вот отчет состоявшего в большинстве из рабочей оппозиции райкома за время с 11 октября 1920 г. по 15 января 1921 г. Отчет сообщает, что старый состав партийного комитета, т.-е. сторонники ленинской линии партии, «особенно сильно притесняли членов партии в области рабочей демократии, вследствие чего и состоялось нелегальное собрание в Бауманском районе (т.-е. собрание группы рабочей оппозиции. — *Ред.),* результатом чего явился полный разгром района со стороны МК». Далее отчет сообщает, что «основными принципами работы комитета нового состава был полный демократизм для всех инакомыслящих», что, несмотря на такой прекрасный принцип, сторонники старого состава райкома срывали и саботировали работу. Полемический и фракционный характер этого «отчета» совершенно ясен. Оппозиционеры закрепляли свое влияние в ряде ячеек, особенно на Благуше; недаром отчет подчеркивает, что Благушинский участок особенно «страдал» от комитета старого состава.

13 января 1921 г. в районе состоялось об'единенное делегатское собрание с активными работниками, на котором дискуссировался основной вопрос о роли и задачах профсоюзов. Выступало 3 докладчика: тов. Лозовский — по тезисам ленинской «десятки», Л. Д. Троцкий со своей платформой «перетряхивания профсоюзов» и расхваливания цектрановских методов, и Медведев от рабочей оппозиции [1]).

Выступало в прениях много товарищей, в том числе и тов. Сталин. Любопытно, что на этом собрании вопрос не голосовался; это, повидимому, был один из маневров рабочей оппозиции, — сперва провести перевыборы райкома, закрепить положение рабочей оппозиции в новом составе райкома, а потом уже голосовать принципы политики партии. Такой вывод

[1]) Мы здесь не развиваем подробно сущность этих платформ, отсылая читателей к соответствующей литературе, в частности к сочинениям Ленина, том XVIII ч. I,—речь на собрании фракции РКП VIII с'езда советов и речь на X с'езде РКП об анархо-синдикалистском уклоне; кн. „Рабочая оппозиция" (Материалы и документы 1920—1926 гг.), Гиз., 1926 г.

напрашивается из имеющихся материалов; протокол самого собрания написан в явно сочувственном рабочей оппозиции тоне: весьма подробно защищены доводы Медведева и смазано изложение речей тт. Сталина и Лозовского. Это называется «беспристрастностью» рабочей оппозиции! 5 февраля 1921 г. состоялось делегатское собрание с отчетом тов. Курановой о деятельности райкома. По требованию сторонников общепартийной линии, тов. Цихон делает содоклад, где разоблачает фракционный характер деятельности господствующей головки рабочей оппозиции, неправильность руководства советом, ячейками, фракционный подбор работников против линии партии, склоку против сторонников тов. Ленина и т. д.

В результате резолюция рабочей оппозиции, внесенная Барановым, принимается большинством 47 голосов против 43. Соответственно этому основное ядро рабочей оппзиции, тт. Демидов, Кутузов, Корзинов, Куранова, Крюков, Масленников, Туляков, Советов и др., определяют состав вновь избранного районного комитета, а группа сторонников линии партии с тов. Куликовым — ныне член ЦК ВКП(б), секретарь Замоскворецкого райкома ВКП(б) — демонстративно покидает собрание. Уже закрепившись таким образом, рабочая оппозиция ставит на голосование на делегатском собрании 18 февраля основные вопросы дискуссии. Любопытны итоги голосования: по вопросу о партийном строительстве — за тезисы МК — 51 голос, за тезисы рабочей оппозиции (райкома) — 38 голосов, за тезисы группы «демократического централизма» (докладчик Богуславский) — 2 голоса; еще показательнее голосование тезисов о профсоюзах: за тезисы ленинской «десятки» — 73 голоса, за тезисы Троцкого — 10, за тезисы Шляпникова — 3. Результаты голосования весьма показательны; вслед за этим оппозиционеры проводят большинством в один голос (46 против 45) постановление о том, чтобы делегатов на губконференцию избирать соответственно первому голосованию о партийном строительстве — оно выгоднее для оппозиции; однако, главное дело сделано, райком уже переизбран недели за две до этого, и рабочая оппозиция продолжает хозяйничать.

Происходит X с'езд партии, резко осудивший рабочую оппозицию, как опасный анархо-синдикалистский уклон; оппозиция в своем отчете райкома за февраль — апрель 1921 г. открыто заявляет, что «районный комитет принимал участие

в идейной борьбе внутри партии, разделяя взгляды рабочей оппозиции». Конечно, дело не ограничивалось идейной борьбой, как скромно пишут оппозиционеры, которые, законспирировавшись, проводили свои взгляды через исполнительную комиссию, через райком, через райсовет, прикрепляли к ячейкам нашего района сторонников рабочей оппозиции из всех районов Москвы, посылали агитаторами только сторонников «рабочей оппозиции», при мобилизациях убирали из района твердых защитников линии партии и решений X с'езда, держали постоянную связь с Шляпниковым. На ячейках оппозиционеры, смазывая и скрывая свои принципиальные взгляды, разводили демагогию против «верхов», рассказывали басни о роскошной жизни центральных работников и т. д. Короче, похозяйничали против партии. Они закрепились так, что и на следующих перевыборах — 2 июня 1921 г. — по отчету райкома (доклад Советова) после длительной борьбы проходит резолюция рабочей оппозиции, хотя она собрала всего 38 голосов из 88 участвовавших в голосовании, ибо буферная резолюция Фрумкина собрал 32 голоса; резолюция же тов. Куликова собрала всего 15 голосов. В райком, на ряду с основной группой рабочей оппозиции (Демидов, Шавтовалова, Баранов, Берзина, Туляков, Масленников, Советов, Крюков, Кутузов и др.), вводятся, однако, уже несколько товарищей, твердо боровшихся за линию партии, за проведение новой экономической политики (тт. Цихон, Куликов, Розенштейн). Борьба развертывается, но хозяином положения все еще остается рабочая оппозиция. Был случай, когда к секретарю райкома, тов. Розенштейну, случайно попал ряд запечатанных пакетов из ЦК металлистов, который возглавлялся лидером рабочей оппозиции тов. Шляпниковым, эти пакеты вырваны были из его рук оппозиционеркой Шавтоваловой.

Насколько остро было положение, ясно из следующего факта. На заседании исполнительной комиссии член райкома тов. Хохлов заявляет о недопустимости поведения ряда ответственных работников райкома, выступающих против введения новой экономической политики на многих собраниях в районе. Секретарь райкома ставит на голосование следующую резолюцию: «Предложить всем активным работникам района, выступающим по вопросу о новой экономической политике на собраниях не дискуссионного характера, придерживаться в своих

выступлениях директив ЦК партии». Эта совершенно бесспорная резолюция однако не прошла, — из 5 членов исполкомиссии только двое (тт. Розенштейн и Куликов) голосовали за нее, один (Крюков) голосовал против, а двое (Шавтовалова и Туляков) воздержались. Райком демонстративно ставит на делегатском собрании доклад Шляпникова о хозяйственной политике; каков был этот доклад, ясно из резолюции, предложенной сторонником линии партии — т. Алихановым. Эта резолюция устанавливает, что «в своем докладе т. Шляпников, отступая от общепринятых принципов по хозяйственной политике партии, впадает в противоречие и создает путаницу; собрание думает, что член ЦК партии тов. Шляпников обязан помочь широким партийным массам в понимании нашего нового курса политики без критической путаницы». Поведение рабочей оппозиции в районе становится совершенно нетерпимым.

Под предлогом «свободной демократической критики», райкомом и райсоветом ставились препятствия проведению начал новой экономической политики в районе, хотя и на словах и в резолюциях якобы соглашались с решениями X с'езда.

Созданные новые органы (экономсовещание при районном совете, профстол при орготделе райкома) практически саботировали проведение нэпа. Такое положение делало все яснее для членов партии поведение оппозиционного райкома, и борьба против рабоче-оппозиционного райкома, за выправление политики райкома, по линии, принятой всей партией, стала важнейшей задачей организации. На затянувшемся до поздней ночи делогатском собрании поименным голосованием принимается постановление о необходимости переизбрать райком. На общем собрании членов партии Мастяжартовского, Военного и Сыромятнического участков (три из семи участков района) единодушно приняты резолюции протеста по поводу политики и поведения райкома. Организаторы участков районной организации (тт. Алиханов, Востоков, Аматуни, Ямпольская, Котлик и Банников) обращаются в Московский комитет с заявлением, в котором требуют рассмотрения вопроса в МК, настаивая на решительных мероприятиях по ликвидации фракционного господства рабочей оппозиции в районе. Московский комитет назначает комиссию; сообщение тов. Зеленского (тогда секретаря МК) заслушивается на делегатском собрании 27 ноября 1921 г.,

после отчета тов. Масленникова о работе райкома. Это весьма бурное делегатское собрание положило конец господству рабочей оппозиции. Весь вред деятельности оппозиции был уже совершенно понятен, и резолюция Советова (от большинства райкома, т.-е. от рабочей оппозиции) получила лишь 33 голоса, резолюция тов. Алиханова (от меньшинства райкома, против рабочей оппозиции) получила 83 голоса.

Соответственно этому был избран и новый районный комитет, в котором рабочая оппозиция не смогла уже играть никакой серьезной роли. Оппозиция еще не успокоилась и обратилась от имени голосовавших на делегатском собрании за резолюцию Советова 33 оппозиционеров с листовкой ко всем делегатам состоявшейся через некоторое время московской губернской партконференции; жаловались в листовке на расправу с «пролетарским элементом» (все мелкобуржуазные путаники всегда утверждают, что они-то и представляют пролетарский элемент и подлинно-пролетарскую политику!); оппозиционеры требовали «перестроить всю московскую организацию от низов до верху», вести «неуклонную и систематическую дискуссию», свергнуть руководство Московского комитета и выбрать новый МК из сторонников рабочей оппозиции. Эта листовка, конечно, встретила должный отпор делегатов московской губернской конференции; наш район пошел по общей линии московской организации и всей партии. Районная организация, освободившись от гнилого руководства, после более чем годичного господства рабочей оппозиции, смогла, наконец, приступить к практическому проведению в жизнь важнейших решений X с'езда партии.

IX. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Партия начала проводить новую экономическую политику. Жизнь пошла по новому пути; стали оживать заводы и фабрики, хозяйство с трудом приводится в порядок; партийные ячейки перестраивают работу, профессиональные организации почувствовали новое поле деятельности, как грибы росли кооперативы при предприятиях, возвратились с фронтов к станкам рабочие. Работа всех организаций строится вокруг основного вопроса: восстановление хозяйства и улучшение материального и культурного уровня рабочих. И результаты налицо. Вот картинка бывшей Кудряшевской ф-ки искусственной и шерстяной ваты. «Безжизненные корпуса, разбитые впадины окон; проржавевшие, развалившиеся крыши, повалившиеся и покосившиеся азборы. Груды около 30 тысяч пудов искусственной шерсти, тряпья, железного и чугунного лома, разных машинных частей, — все это под открытым небом гнило, разрушалось. Такой же хаос и внутри помещений; там же, где нет хаоса, вообще ничего нет — пусто. Вот кузница, заваленная грудой хлама, с торчащим среди него едва дышащим токарным станком; 20 ткацких ручных станков — вот и все ткацкое отделение фабрики, причем станки поломаны, в разобранном виде, без берд, регуляторов и прочих деталей; волчковое отделение — это 5 изношенных волчков. Кажется. взять бы хорошую метлу, да всю эту рухлядь в пруд. Но такой роскоши в наши дни пролетариат не может себе позволить. Надо браться за заплаты, за чинку своих прорех. За такую-то работу месяца три-четыре тому назад взялись у нас на «Шерсть-сукне». Дружная, энергичная работа приводит все в порядок. Тысяча пудов гнившей искусственной шерсти и тряпья отсортировано, проверено, упаковано и уложено в склады; негодное — в свалку. Чугунный и железный лом, части машин — отсортированы в склад. В ткацком отделении

работает до 50 станков, отремонтированных и собранных своими силами. Только что пущено вновь созданное волчковое отделение; оборудованы мастерские; пущено чеккерное — выбивное отделение. Отремонтированы квартиры, столовая, клуб; проводится водопровод. Организован материальный учет, чего ранее не было. Все это ожило вновь благодаря директору и механику (оба — коммунисты), при ближайшем сотрудничестве с фабкомом и привлечении всех рабочих в дело восстановления фабрики». Мы привели эту корреспонденцию рабкора, за скромной подписью «Дозорный», в издававшейся Бауманским районным комитетом партии в 1922 г. газете «У станка», ибо эта картинка типична для очень многих фабрик и заводов этого времени.

В той же газете—картина возрождения завода «Проводник»: уже работают подсобные мастерские, пускается в ход ткацкое отделение с 27 станками; набираются новые рабочие. Рабочий Газового завода тов. В. Сафронов с гордостью отмечает, что завод дает уже 25% довоенной продукции, и этим можно было гордиться. Заводы заняты составлением производственных программ, еще мало продуманных, часто срывающихся, но все же программ развертывания хозяйства; переходят с военной продукции на мирную—гражданскую; создают школы фабрично-заводского ученичества; переходят на хозяйственный расчет, определяются хозяева—советские тресты. Меняются и условия оплаты и снабжения рабочих; формы коллективного снабжения сменяются сметно-бюджетной системой оплаты труда; еще длительное время продуктовая часть оплаты труда играет важнейшую роль, а деньги, цены на товары—уже совершенно непонятные на языке нынешних времен. Вот, например, сообщение, относящееся к концу февраля 1922 г.: «За последнюю неделю выдано и выдается: на фабрике «Марс» на взрослого: 2 фун. мяса по 25.000 руб., 1 фун. рису — 35.000 руб., 1 фун. крупы — 25.000 руб., 2 фун. соли по 9.000 руб., 1 кусок туалетного мыла—2.800 руб. На фабрике б. Губкина-Кузнецова на работающего: 1 фун. масла сливочного—35.000 руб., 1 пуд соли—400.000 руб.; на Арматурном заводе—на работающего: 5 арш. мануфактуры—по 25.000 руб., на едока—1 фун. сельдей—38.000 рубл., ⅛ фун. какао—по 360.000 руб., 24 фун. картофеля по 2.500 руб.». Появлявшиеся почти при каждом

среднем и крупном предприятии первичные кооперативы не могли еще снабдить рабочих; сохранялись еще прикрепленные к заводам совхозы и огороды; газета районного комитета пропагандирует агрономические знания, обучает рабочих организовывать огороды. Общественным организациям—масса хлопот; при фабриках появляются столовые, ясли, медицинская помощь; заняты организацией распределения продуктов; проводится большая работа по борьбе с хищениями, понемногу изживается иждивенческая психология времен военного коммунизма, налаживается трудовая дисциплина.

В жизни партийной организации тоже много нового. Возвращаются коммунисты-фронтовики; с развертыванием хозяйства растут ячейки производственных предприятий; с пуском новых фабрик организуются новые ячейки. По директиве партии ряд коммунистов с ответственных советских и других постов возвращаются на производство, к станку; за 2 месяца—декабрь 1921 г., январь 1922 г.—по нашему району вернулись к станку 63 коммуниста. Соотношение рабочих и красноармейцев в партийной организации изменилось с перевесом в сторону первых. Партия получила возможность по окончании гражданской войны заняться более тщательным просмотром своих собственных рядов и очиститься от случайных, примазавшихся к партии, чуждых ей элементов.

При чистке районной партийной организации исключено из партии 452 чел., в том числе 95 занимавших разные ответственные посты, и переведено в кандидаты 62 человека. Мотивированные причины исключения: примазавшиеся к партии (60 чел.), случайный для партии элемент, лишний балласт (125 чел.), безразличное отношение к партии и партобязанностям (65 чел.), дискредитирование партии некоммунистическими поступками (41 чел.), дезертирство с фронта (12 ч.), шкурничество (9 чел.), за антисемитизм (1 чел.), остальные—по разным другим причинам. Происшедшие за все годы передвижения по организациям требовали нового учета организации; произведенная перепись коммунистов (январь 1922 г.) зарегистрировала в районе 104 ячейки с 2.247 чл. партии (без кандидатов). Сама структура организации несколько изменилась после VIII губпартконференции—прежнее деление района на 7 участков ликвидировано; взамен их каждые 5—8 ячеек входили в об'единение («куст»), к которому при-

креплялся райкомом кустовой организатор. Таких «кустовых» об'единений в районе было около 15. В дальнейшем «кустовые» об'единения разбились на более мелкие—«базы». Система делегатских собраний, практиковавшаяся с 1918 г., стала недостаточной; для обсуждения основных принципиальных вопросов и намечения более длительных директив, районная организация перешла к созыву районных партийных конференций, с широким выборным представительством партячеек; 1-я такая конференция Бауманской районной парторганизации (13—15 июня 1923 г.) обсудила доклады о международном положении, о задачах московской промышленности, о кооперации (доклад МСПО), об очередных задачах РКСМ и о культурно-просветительной работе. Авторитет партийной организации среди беспартийных рабочих значительно поднялся. Мы видели, как тяжело на ряде предприятий проходили выборы в совет рабочих депутатов весною 1921 г.,—времена Кронштадтского восстания, означавшего кризис политики военного коммунизма. Уже конец 1921 г. характеризовался иными настроениями рабочих. Рабочие освоили решение партии об изменении курса экономической жизни, увидели первые, еще очень слабые, но уже бесспорные плоды новой экономической политики, видели перелом к восстановлению жизни фабрик, и это в основном решало вопрос об отношении рабочей массы к своему авангарду—партии.

Выборы в совет в начале 1922 г. дали 88% депутатов-коммунистов в Московский совет и 73%—в районный совет; при этом на ряде заводов прежние меньшевистские депутаты были заменены коммунистами или вполне разделяющими политику партии беспартийными рабочими. С большим успехом организация провела в 1922 г. ряд больших политических кампаний,—помощь голодающему Поволжью и в связи с ней изъятие церковных ценностей; мобилизовано было общественное мнение рабочих и вокруг прошедшего процесса эсеров. Да и работа с беспартийными рабочими поставлена была лучше; открытые собрания ячеек, беспартийные конференции, развертывание работы секций совета, культурная работа—давали реальные положительные результаты.

„Рабочая группа".

На ряду с большой практической работой, проделанной парторганизацией в 1922—23 гг., району приходилось еще вести борьбу против остатков рабочей оппозиции. Неудивительно, что в районе, где рабочая оппозиция захватила ряд крупных ячеек и держала в своих руках самый районный комитет больше года (1920—21 г.), остатки этой оппозиции давали себя время от времени чувствовать. Основной вопрос, на котором легче всего споткнуться в условиях нэпа, был точно определен в резолюции XII с'езда партии: «С'езд не может закрыть глаза на то, что обстановка нэпа создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют советское государство рабочему классу и партию советскому государству. Противопоставление советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и диктатуре партии, является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контр-революционный характер».

Вся дальнейшая история показала, как наши внутрипартийные, а точнее антипартийные оппозиции, поворачивали от большевизма именно по этой линии. Верхушка рабочей оппозиции переросла в 1923 г. в антипартийную и антисоветскую «рабочую группу», во главе с Мясниковым, Кузнецовым, Медведевым и другими. Если взять ядро рабочей группы (28 чел.), то в составе его увидим знакомые уже нам имена деятелей рабочей оппозиции в нашем районе; тут и М. К. Берзина, и В. П. Демидов, и А. Г. Баранов, и М. Шавтовалова. В августовском (1923 г.) письме Кузнецова к Мясникову за границу Берзина названа членом московского бюро рабочей группы; впрочем, и самое это бюро—весьма дутая организация, как оказались хвастливо-дутыми и другие данные этого письма; так Кузнецов сообщал невероятные цифры, будто по Москве группа насчитывает 2.229 членов, в том числе по Бауманскому району 189 человек; это оказалось явной ложью; рабоче-группцы надували друг друга. Правда заклю-

чается в том, что перечисленные выше активные работники рабочей группы из прежней рабочей оппозиции нашего района воспользовались сохранившимися у них связями с некоторыми заводами в районе и попытались на этом сколотить капитал. Им удалось сгруппировать своих сторонников на заводе «Мастяжарт», где завкомом руководили Демидов и Берзина, исключенные из партии за фракционную деятельность.

Ячейка не хотела считаться с постановлением губернской конференции и Московского комитета, продолжая под руководством исключенных оппозиционеров работу против МК и райкома. Делегатам на районное собрание ячейкой дается (9/II—1923 г.) директива отводить из районного комитета его руководителей на том основании, что они якобы «оторвались от широких партийных масс», и вводить своих сторонников. На собрании ячейки 18 марта, по сообщению секретаря Московского комитета о причинах исключения Демидова и Берзиной, о перемещении заместителя управляющего заводом, только один член ячейки голосует за предложение «подчиниться постановлению Московского комитета». Ячейку пришлось летом подвергнуть чистке. В июле—августе 1923 г., в связи с конфликтами на некоторых заводах, рабоче-группцы развертывают свою работу, попытавшись выдвинуть даже лозунг политической стачки. Вербуются сторонники на ближайших к «Мастяжарту» заводах «Икар», «Амстро».

На «Икаре» было организовано собирание подписей среди части рабочих по вопросу о Демидове и Берзиной; вопрос этот поднимается на собрании рабочих, и уже когда стали появляться по заводу листки и «рукописи в 8 листов» явно антисоветского порядка, ячейка на экстренном собрании 14 июля признала это контр-революционным делом и повела борьбу против дальнейшего распространения противосоветской литературы.

Тем временем контр-революционная деятельность рабочей группы и «рабочей правды» (ядро последней группы имелось на рабфаке МВТУ) все больше выявлялась партийными и государственными органами.

Следственный материал дал возможность в октябре 1923 г. широко раз'яснить организации сущность этих группировок; картина стала ясна и обманутым рабочим.

Вот решение ячейки завода «Мастяжарт» от 17 октября 1923 г.:

«Заслушав доклад секретаря райкома тов. Ароштама, ячейка еще раз выражает резкое осуждение всякого рода фракционных тенденций и призывает членов партии вести борьбу со всеми проявлениями, имевшими место в связи с поведением Демидова и Берзиной; ячейка считает безусловно обязательным для каждого члена вести борьбу с влиянием внепартийных элементов, заведомо известных как сторонников фракционности».

В раз'яснительной кампании еще раздавались отдельные голоса о том, что можно было бы ограничиться партийными мерами воздействия, не прибегая к помощи советских государственных органов (в связи с арестом икаровского вожака рабочей группы, Баранова), пытались смягчить оценку рабочей группы, рабочей правды, как контр-революционных организаций, но это были уже единичные голоса, вся организация сказала свое слово.

«История» рабочей группы оказалась маленьким эпизодом, не сыгравшим никакой роли в партии; когда членам группы пред'явлены были следственные материалы, они увидели свою собственную физиономию, познали друг друга. Своего лидера Кузнецова, Шавталова так характеризует: «дурак», «полупомешанный фантазер», «озлобленный нервный человек», «всегда старался показать, что за ним сила, связи, организации»; «когда мы старались узнать, кто за ним есть, он всегда козырял большими фигурами», «о связи с рабочими и отдельными заводами он не говорил,—это для него была мелочь; прямо называл губернии, и большие города, и бесконечные цифры — всегда разные». О Берзиной та же Шавтовалова говорит, что у нее «идейный разброд». Баранов называет рабочую группу, в которой он состоял, «уродливыми формами», организацией дутой и несерьезной; количественность ее состава ограничивалась несколькими человеками». Демидов заявил, что считает манифест рабочей группы произведением меньшевистско-эсеровским, представляющим к тому же большую путаницу».

Этот небольшой и печальный эпизод поучителен, однако, в том смысле, что он показывал, куда растут группки, которые

пытаются противопоставлять рабочий класс и его партию советскому государству [1]).

Троцкистская оппозиция 1923—24 г.

Положение в партии весьма осложнилось осенью 1923 г. Почва для дискуссии с троцкистами несомненно была заложена в серьезных трудностях, вставших перед восстанавливавшейся государственной промышленностью. Производство фабрик и заводов росло, но товары не покупались основным их потребителем в СССР—крестьянской массой—из-за дороговизны; получилась картина, далеко не похожая на нынешнее положение. Товаров еще на много меньше, чем теперь, но склады завалены, в магазинах полки заполнены. Группа Троцкого усмотрела в создавшемся положении кризис перепроизводства; это была глубоко ошибочная оценка: как можно говорить о перепроизводстве, когда вся-то продукция закончившегося 1922/23 г. составляла лишь 33—35% от довоенного производства? По существу стоял вопрос о том, чтобы овладеть путями, ведущими от городской социалистической промышленности к раздробленному крестьянскому хозяйству, повести политику, которая способствовала бы укреплению хозяйственной и политической смычки города и деревни, в первую очередь политику снижения цен на промышленные товары и проведение денежной реформы, с отменой «совзнаков», от которых больше всего страдало крестьянство. Троцкисты, никогда не понимавшие значения союза, осуществляющего диктатуру пролетариата с крестьянской массой, искали других причин создавшегося острого положения. Все дело, по мнению троцкистов, заключалось в том, что не было достаточной плановости в развертывании хозяйства; что можно развивать промышленность и не оглядываясь на крестьянский рынок; что не грех брать с крестьянина и высокие цены, лишь бы прибыль была побольше; что можно из-за границы ввозить готовые товары («широкая интервенция»), не смущаясь тем, что это потребует золота от нашего государства; что не нужно проводить и денежную реформу, если можно и этим путем выкачивать средства из крестьянства в государственную казну. Вокруг

[1]) Данные о рабочей группе взяты из документов районного архива и книги тов. Сорина; „Рабочая группа“ („Мясниковщина“), изд. МК РКП 1924 г.

этой близорукой экономической «платформы» была создана троцкистами и обычная во фракционной борьбе платформа политическая; во всем, дескать, виноват Центральный комитет партии, который не умеет руководить, не умеет планировать, бюрократически душит партию и рабочий класс силой «аппарата», не проводит демократии, зажим, режим, — короче, все те грехи, которые мы и после 1923 г. неоднократно слышали от Троцкого и его единомышленников. Начав с октябрьского об'единенного пленума ЦК и ЦКК, на котором они продемонстрировали свое «заявление 46», троцкисты повели глубокую фракционную работу в низовых партийных организациях, в первую очередь в ячейках московской организации; особенно поусердствовали в вузовских ячейках. Для большей убедительности троцкисты не жалели лести по адресу молодежи («молодежь—барометр партии») и демагогических обещаний рабочим. На наш район троцкисты возлагали большие надежды; тут и большие вузы есть (МВТУ, Промышленно-экономический институт и др.), рабфаки, и рабочая оппозиция здорово похозяйничала в прошлом, оставив кое-какие следы в организации, есть и немало учреждений; всякое недовольство можно попытаться использовать в борьбе против партии. Дело не вышло, хотя, несомненно, многих троцкистам удалось пошатнуть. Фракция троцкистов воспользовалась прежде всего неудачным подбором аппарата связи районного комитета с ячейками (инструктора, секретари кустовых об'единений и баз); пустила основательные корни в МВТУ, используя студентов-троцкистов для развертывания работы; воскресила болезни в ячейках, где ранее распространены были рабочая оппозиция и рабочая группа; не забыла былой авторитетности в организации старого лефортовца и видного троцкистского лидера, И. Н. Смирнова, начавшего часто посещать ячейки нашего района. Все было пущено в ход; возбуждалось в заводских ячейках недовольство на почве дававших себя чувствовать финансовых трудностей; использовывалась слабость и неопытность бюро ячеек; отчеты этого времени (октябрь-ноябрь) говорят о слабом влиянии и неавторитетности среди рабочих ячеек завода «Мастяжарт», «Амстро» (где группа бывших исключенных и бывших коммунистов была в 2—3 раза численно больше партийной ячейки), завода «Манометр», ф-ки «Октябрь», Чаеразвесочной Центросоюза и дру-

гих. И когда, несмотря на единогласно принятое постановление Политбюро ЦК о партийном строительстве от 5 декабря 1923 г., Троцкий направил от своего имени письмо организациям о «новом курсе», с явными намеками на перерождение кадра руководящих ленинцев-большевиков, срывая практическое проведение намеченных ЦК мероприятий, по ячейкам пошли жаркие дискуссионные бои. Заседали долго, повсюду докладчики и содокладчики, собрания затягивались до поздней ночи и очень часто продолжались 2—3 вечера.

Положение в районе было весьма напряженное. Аппарат райкома (инструктора, базовые секретари) недурно поработал по заданию троцкистов над подбором первого районного дискуссионного собрания. Это собрание в бывшей хлебной бирже (докладчик о партийном строительстве, Каменев, который в этот период прекрасно знал отличие ленинизма от троцкизма, содокладчик—Преображенский) кончилось победой троцкистов. Резолюция составлена в обычном троцкистском духе,— «полный застой партийной мысли, оторванность партаппарата от масс, повальное назначенство, немедленные перевыборы всего «партийного руководящего аппарата» и т. п. перлы троцкистского стиля. Победа на этом собрании, конечно, окрылила троцкистов; но она имела и другой результат, заставив подтянуться и защитников политики партии, поборников большевистской партийности. Намечается перелом. Уже второе собрание партийного актива района, обсудив доклад тов. Рыкова об экономической политике (содокладчик—тот же Преображенский), стало на сторону большинства ЦК партии. В ячейках, как говорят,—«с переменным успехом»: в одних господствует троцкистская демагогия, в других—горячо, но деловито, по-большевистски, обсуждают тезисы ЦК партии и контр-тезисы (платформу) оппозиции. Вот база завода «Манометр» с 5 мелкими ячейками (во всей-то базе 38 чел.), где и докладчиком выступает оппозиционер Богуславский,—попросту принимает резолюцию первого собрания актива (в протоколе даже фамилия докладчика поставлена—Каменев, а не Богуславский); база завода «Красный мыловар» (4 яч.) требует уравнения материального положения всех членов РКП, допуская подразделение только на холостых и семейных. С другой стороны, база Газового завода (5 ячеек), выслушав докладчика, содокладчика и 35 ораторов, «высказывает твердое доверие ЦК

партии и считает необходимым перейти к практическому осуществлению внутрипартийной демократии под руководством РК». Ячейка фабрики «Электролампа» «считает вредной и неправильной огульную травлю парторганов и партаппарата; руководящие органы партии умело и правильно руководили рабочим классом в самые трудные моменты жизни Советской России, и поголовную смену их, как этого требуют некоторые элементы нашей партии, ячейка считает вредным для нашей партии и для пролетарской диктатуры». Ячейка телефонной сети «возражает против всяких группировок и фракций, под каким бы они видом ни были», ячейка «считает вредным для партии преувеличивание недостатков и ошибок в партии и недооценку положительных достижений». Ячейка фабрики им. К. Цеткин одобряет (большинством 44 голосов против 36) линию работы районного комитета. Собрание актива организации обсуждает 15 декабря отчет о деятельности районного комитета и, после длительных и напряженных прений, принимает 41 голосом против 27 резолюцию одобрения деятельности РК.

Явно наметился перелом в сторону изживания дискуссионной лихорадки и перехода к практическому обсуждению основных вопросов при переходе ячеек к дискуссии по второму вопросу — экономической платформе; оно и понятно, потому что в этой стадии дискуссии приходилось давать ответ на сугубо практические вопросы, которые не так легко перекрыть демагогией о демократии: за повышение цен или за понижение цен, за падающий совзнак или за твердый червонный рубль, за ввоз машин из-за границы или за ввоз готовых товаров, за смычку города и деревни или за разрыв с крестьянством; на этих вопросах рабочие проверяли многих новоявленных «демократов», и многие ячейки, поддерживавшие вначале дискуссии троцкистов, стали отходить от них при обсуждении экономической политики.

Наибольшей горячки все же дискуссия достигла на II районной конференции — в январе 1924 г. Атмосфера на конференции сразу создалась весьма напряженная. В кулуарах б. Введенского нардома бесконечная дискуссия. Даже среди счетчиков споры между сторонниками партии и троцкистами об итогах подсчета. Все выборы производятся двойными списками. Первое голосование по выборам президиума конференции

устанавливает уже соотношение сил на конференции, которое в дальнейшем ходе конференции мало изменялось; основное голосование—резолюция по докладу ЦК партии принята 234 голосами сторонников линии партии против 178 голосов, поданных за резолюцию троцкистской оппозиции. Такое соотношение сил не могло не отразиться на напряженности во всей работе конференции. Достаточно указать, что в прениях по докладу тов. Томского и содокладу Радека, кроме местных районных товарищей, выступали ряд центральных работников—тт. Рудзутак, Зиновьев, Крупская, Ломов—в защиту линии ЦК, Пятаков, Преображенский, И. Н. Смирнов, Богуславский—от троцкистов; оказалась и «фракция» рабочей оппозиции—в единственном числе—И. И. Кутузов, вопрошавший конференцию: «А кто же меня любит? Мне и от тех и от других больновато». Не обошлось без троцкистских содокладов и при сообщении мандатной комиссии и при отчете ревкомиссии. И только к концу конференции, после длительного перерыва, в течение которого согласовывался список состава районного комитета, почти единогласно была принята резолюция по отчету районного комитета и избран райком. Это несколько неожиданное единодушие после бурного хода работ конференции, продолжавшейся больше недели, становится об'яснимым, если учесть ход дискуссии в районной организации; еще значительная часть организации не раскусила всей сущности троцкистских платформ, не разобралась сразу в меньшевистском характере прикрытых левой демагогией красивых фраз; да и троцкисты не показали еще всех свох достоинств, не развернулись еще так, как они это сделали в 1926—1927 г., когда уже и всем членам партии и всему рабочему классу стала ясна контр-революционная сущность троцкизма. Этим об'яснялось то обстоятельство, что в результате переговоров в состав районного комитета, избранного на конференции из 37 чел. введено 13 сторонников троцкистской оппозиции, а список и резолюция по докладу райкома от имени всего президиума вносились И. Н. Смирновым. Партийная организация сделала попытку поверить словам троцкистов об их желании единодушно проводить решения партии. Следует, впрочем, тут же оговориться, что жизнь показала очень быстро неработоспособность такого «коалиционного» райкома и заставила организацию через 3—4 месяца поста-

вить резче вопрос об участии троцкистских фракционеров в работе руководящего органа партии в районе.

После дискуссии 1923—24 г.

Жизнь организации, начиная с 1924 г., настолько еще свежа в памяти, и к тому же так полно освещена сохранившимися документами, что нет надобности сейчас освещать ее сколько-нибудь детально.

Болезни, которые переживала организация во времена рабочей оппозиции и дискуссии с троцкистами 1923 г., полностью изжиты.

Авторитет партии среди рабочих заметно возрастал, в соответствии с значительными успехами, имеющимися за последние годы в области социалистического строительства, массовой и культурной работы. Доверие рабочих к своей партии ясно выявлено в многочисленных политических кампаниях, при перевыборах советов, профессиональных органов и во всей текущей практической работе. Заметно росла наша партийная организация. Вскоре после дискуссии, в ответ на тяжелую утрату партии, на смерть Владимира Ильича, пять с половиной тысяч рабочих нашего района заявили о вступлении в ряды нашей партии. Многие заводские ячейки сразу выросли в 2—3 раза. И следующий 1925 г., год «второго ленинского призыва» дал новых 4.400 членов и кандидатов партии в ряды районной организации.

Ячейки, которые подвержены были в прошлом оппозиционной болезни (заводы «Икар», Раиз, «Манометр», ф-ка им. Балакирева и др.), явно выправились, направив свое внимание на развертывание хозяйства, на ленинское воспитание, на борьбу за большевистское единство, против «ревизоров» ленинизма, против меньшевистско-оппозиционной демагогии. Это сказалось во второй дискуссии с Троцким осенью 1924 г. по поводу его «Уроков Октября»; в дискуссиях с «новой оппозицией» во время XIV с'езда партии, в борьбе с оппозиционным блоком в период между XIV и XV с'ездами нашей партии. Оппозиция собирала уже только 1—2% голосов на своей стороне. Организация выросла не только количественно (на 1 марта 1928 г. в организации состоит 17.565 членов и кандидатов, в комсомольской организации 15.780 человек), чрезвычайно возрос политический и культурный уровень коммунистов,

поднялось качество работы, заметно выросли слои актива организации, развернулась и внутрипартийная демократия и привлечение широких слоев рабочих к участию в хозяйственном, советском и общественном строительстве.

История организации, ее борьбы за социализм не пропала даром; ее живые уроки — развертывающаяся на наших глазах живая работа по строительству социализма.

В. И. ЛЕНИН В БАУМАНСКОМ РАЙОНЕ)[1]

Речь на митинге мобилизованных в бывш. Алексеевском военном училище 2 июля 1918 г.

Ленин указывает, что армия так же, как средства производства, была раньше орудием угнетения в руках класса эксплоататоров. Теперь же в России и то и другое становятся орудиями борьбы за свои интересы для трудящихся.

Этот переворот совершился не легко, это знают солдаты старой царской армии по той дисциплине, которая сковывала эту армию. Затем Ленин приводит случай из недавнего прошлого, когда он в Финляндии услышал, как старая финнка-крестьянка говорила, что в то время, как раньше человек с ружьем не позволял ей собирать хворост в лесу, теперь же, наоборот, он не опасен, он даже охраняет ее. Сколько бы ни обливали нас грязью,—говорит Ленин,—буржуа и их сторонники, сколько бы ни устраивали заговоров белогвардейцы, но раз такое сознание, что теперешняя армия есть защитница трудящихся, проникло в сознание даже таких темных масс, эксплоатируемых, то советская власть крепка.

Ленин указывает, что, как и раньше, голод усиливает спекулянтов и капиталистов. Теперь происходит то же самое, так что новой армии придется, может быть, в гражданской войне иметь дело и с этими спекулянтами на голоде. Пусть старый мир,—продолжает он,—представители отжившего общества будут стараться помочь голодающим по-старому, а новый мир будет это делать вопреки им по-новому. Мы победим,—

[1]) Речи, произнесенные т. Лениным на различных собраниях в районе, изложены были в «Правде». В настоящем отделе собран этот материал, опубликованный также в XX томе соч. Ленина. Товарищей, присутствовавших при выступлениях Владимира Ильича в нашем районе,—просьба сообщать свои воспоминания в Бауманский райком ВКП(б). *Ред.*

говорит Ленин, — если передовые авангарды трудящихся, Красная армия, будут помнить, что они представляют и защищают интересы всего международного социализма. Затем Ленин указывает, что мы не одиноки: пример тому — события в Австрии, а также наши единомышленники, хотя и задавленные сейчас, но делающие свое дело во всех странах Европы.

«Правда», № 135 от 4 июля 1918 г.

Речь на митинге в Лефортовском районе 19 июля 1918 г.

Обостренное положение Советской республики вызвано двумя причинами: международной и внутренней. Мы никогда не скрывали от рабочих и крестьян всей тяжести позорного мира. Несмотря на всю тяжесть, IV с'езд советов нашел необходимым подписать этот мир, чтобы дать возможность русским рабочим и крестьянам передохнуть и укрепиться. Партия левых эсеров взяла на себя ответственность за убийство Мирбаха и поставила Россию на волосок от смерти.

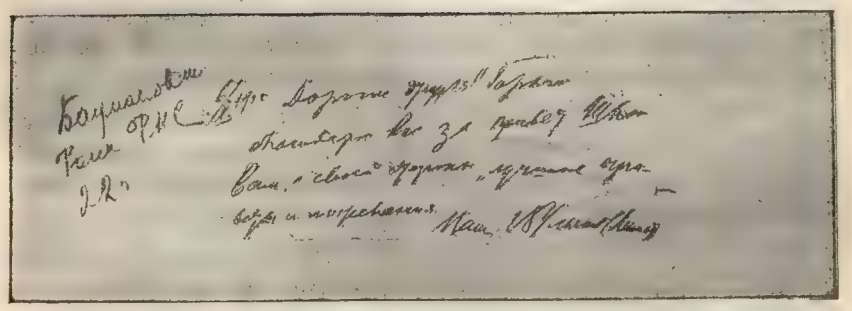
Есть признаки, что германское правительство идет на уступки и, возможно, откажется от введения батальона немецких солдат в Москву. Советское правительство категорически отказало в этом германскому правительству, если бы даже это и вызвало войну.

Авантюра левых эсеров привела к чрезвычайному ухудшению положения советской власти, но, с другой стороны, она привела к тому, что самая лучшая часть ее — трудящийся элемент — отказывается от левых эсеров.

В связи с обострением отношений с Германией обострилось отношение и с другой коалицией. Чехо-словацкое восстание — это их проделка. Этим доказательством является офицарство, поддерживаемое французскими деньгами и помогающее чехо-словакам.

Дальше тов. Ленин говорит о том, что война порождает революцию и, чем дальше она тянется, тем положение воюющих стран делается безвыходнее, тем скорее она приближает их к революции. В Германии и Австрии снова прокатилась волна забастовок. Все империалистские хищники бросаются на Россию и хотят ее растерзать, так как знают, что каждый месяц существования социалистической России готовит им гибель. На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом

В. И. Ленин.



Приветственное письмо В. И. Ленина Бауманской комсомольской газете.

в борьбе с мировым империализмом. Наша задача — продержаться еще.

Далее Ленин переходит к вопросу о голоде, которым спекулируют белогвардейцы, чтобы сбросить советскую власть. Со стороны монархистов, кулаков, богатеев идет бешеная агитация на почве голода. Они не ограничиваются только агитацией, но подкупают бедных крестьян, толкая их на спекуляцию и на борьбу с рабочими. Два класса борются — пролетариат и кулаки, капиталисты. Один из этих классов должен победить, другой—быть разбитым. Наша социалистическая революция зовет на союз сознательных рабочих с большинством беднейших и средних крестьян для борьбы с кулаками, для водворения строжайшего порядка в интересах рабочих. В наших руках есть один путь спасения от голода — союз рабочих с беднейшими крестьянами для борьбы и отобрания хлеба у кулаков и спекулянтов. Смотрите в лицо опасности. У нас повсюду враги, но у нас есть и новые союзники — пролетариат тех стран, где еще ведется война. У нас есть союзники и внутри — огромная масса беднейшего крестьянства, которое пойдет сплоченными рядами с городским пролетариатом.

«Правда», № 151 от 21 июля 1918 г.

Речь на митинге в Басманном районе 30 августа 1918 г.

В краткой, сильной речи тов. Ленин провел на ряде ярких примеров параллель между властью буржуазии и властью трудящихся.

Буржуазия, — указал тов. Ленин, — на время сделалась хозяином в революционной России, господствуя в ней при поддержке социал-соглашателей с Февраля до Октября.

С первых же шагов правительства Милюкова-Гучкова народным массам становилось ясным, куда ведет их буржуазия. Но подлое дело русских капиталистов и помещиков, по существу продолжавших политику свергнутого народом царя, прикрывали меньшевики и эсеры, выступавшие, как социалисты, а на деле предававшие социализм в угоду англо-французской бирже.

Отброшенные Октябрьским восстанием в сторону, отмеченные от революции, соглашатели принялись за свою обыч-

ную работу на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге. Они, наконец, добились того, что советы в этих местах свергнуты, и большевистские деятели отданы на растерзание чехо-словацких наймитов и российских белогвардейцев.

И что же мы видим в этих местах, на развалинах советов? Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам, 8-часовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть.

Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет—ясный и определенный.

«Правда», № 185 от 31 августа 1918 г.

Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 11—12 февраля 1920 г.

В своей речи тов. Ленин касается двух жгучих вопросов советской современности: международного положения и трудового фронта.

Наша Красная армия,—говорит тов. Ленин,—своими победами укрепила положение Советской России и дала нам первую победу над империалистами Антанты.

Чем эта победа об'ясняется?

Ясно, что это достигнуто было не одними победами на фронте, а тем, что мы привлекли на свою сторону солдат воюющих с нами стран. Союзники высадкой десанта сами разложили свою армию и вынуждены были вскоре убрать ее. Солдаты отказались выступить против нас. Одно только слово «советская власть», т.-е. власть трудящихся, переполняет радостью сердца пролетариев всего мира. Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам ее собственных солдат.

С другой стороны, мы не на словах, а на деле доказали свою миролюбивую политику по отношению к малым, соседним с нами государствам. Устами Черчилля Англия грозила

нам походом четырнадцати государств, но этот поход сорвался, когда рядом с нашими победами мы неизменно повторяли свои мирные предложения. Мы предложили Эстонии мир, не считаясь ни с какими границами, а считаясь только с тем, что мы не хотим проливать рабоче-крестьянской крови из-за каких бы то ни было границ.

Снятие блокады об'ясняется исключительно той симпатией, которую внушает советская власть рабочим враждебных нам стран. В Италии дошло до того, что с'езд социалистических партий единогласно принял резолюцию о снятии блокады с Советской России и возобновлении с нею торговых сношений. Буржуазные правительства маленьких стран, хотя не любят большевиков, но убедились, что большевики хотят добрососедских с ними отношений, в то время как те, с которыми генерал Деникин, или другой какой генерал, все бумажки о независимости мелких народностей на завтра же после победы уничтожили. Мы без единой пушки, без единого пулемета, без единого выстрела заключили мир и положили начало заключения мира со всеми воюющими с нами странами. Мы на деле показали, что против мирной политики советской власти должны сложить оружие все правительства.

У нас уже прорублено окно в Европу, которое мы постараемся широко использовать. На нас пытаются натравить Польшу, но эти попытки провалятся, и недалеко то время, когда мы заключим мир со всеми, хотя они говорят, что они нас не признают. Они боятся, как огня, распространения у себя дома большевистской заразы, но хотя они китайской стеной окружили себя, все же в каждой из этих стран большевистская зараза уже есть, она сидит внутри их самих. Эту заразу принесли французские и английские солдаты, которые побывали в Советском Союзе и подышали ее воздухом.

Таким образом, мы одержали две победы. Мы разбили на всех фронтах белогвардейские банды, мы завоевываем мир в международном масштабе, и завоевываем не пушками, а симпатиями, которые сумели внушить не только рабочим, но даже буржуазным правительствам мелких народностей.

Затем тов. Ленин вкратце касается трудового фронта.

Товарищи,—заявляет он,—мы подходим к весне, пережив небывало трудную зиму холода, голода, сыпняка и железнодорожной разрухи. Мы должны победить и на этом фронте.

Если мы сумели во время войны все принести в жертву, отдать все лучшие силы (передовые рабочие, коммунисты и курсанты впереди всех), погибая и поднимая этим настроение всей армии, то и теперь мы говорим: нам надо выдержать этот фронт хозяйственной разрухи. Как и тогда, коммунисты и передовые рабочие, самые добросовестные, самые честные, самые хорошие, самые твердые, вперед! За каждый поезд, за каждый паровоз надо воевать, надо бороться. К этому я призываю беспартийную конференцию.

Товарищи, прежде чем окончить свой доклад, еще несколько слов о мерах, принятых последней сессией ВЦИК. Сессия приняла ряд мер, которые будут на-днях опубликованы в газетах, которые надо читать и разбирать на всех рабочих собраниях, в клубах, на фабриках, заводах и в красноармейских частях. Одно из важных постановлений ВЦИК на которое, по моему мнению, надо было бы обратить серьезное внимание, это — вопрос о борьбе с бюрократизмом в наших учреждениях. Как одна из мер, есть постановление ВЦИК о пересоздании нашего аппарата государственного контроля в аппарат рабоче-крестьянского контроля или рабочей инспекции. Не разгоняя старых чиновников, точно так же, как и из армии, мы не разгоняли специалистов, а приставили к ним рабочих комиссаров, мы должны к этим буржуазным специалистам приставить группу рабочих, которые сами бы присмотрелись, научились и взяли бы эту работу в свои руки. Надо, чтобы рабочие вошли во все государственные учреждения, чтобы они контролировали весь государственный аппарат, и это должны сделать беспартийные рабочие, которые должны выбирать своих представителей на беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. Надо прийти на помощь коммунистам, которые устают под непосильным бременем. Мы должны влить в этот аппарат возможно больше рабочих и крестьян. Мы за это возьмемся, это сделаем и этим изгоним из наших учреждений бюрократизм. Необходимо, чтобы широкие беспартийные массы проверяли все государственные дела и научились бы сами управлять.

«Правда», № 32 от 13 февраля 1920 г.

Некоторые штрихи из жизни В. И. Ленина

(Из статьи тов. Цивцивадзе в газете «Правда» от 23 апреля 1927 г.)

Чрезвычайно любил Вл. Ил. бывать в районах, среди рабочих, в дни больших празднеств. Помню (это было, кажется, в *1920 г.*, во всяком случае после взрыва в Леонтьевском), в один из таких праздников Вл. Ил. позвонил мне и тов. Мясникову и просил поехать с ним по районам.

Мы заехали в Кремль за Вл. Ил. Тот уже ждал нас у под'езда.

— Немножко подождем, товарищи, сейчас должна сестра притти... Ну, что у вас в районах интересного? Как рабочие встречают праздник? Об'едем все районы, если успеем, до 10 часов: в 10 часов у меня заседание. С какого района начнем?

Мы предложили начать с Бауманского, так как, если память мне не изменяет, там в этот день открывали клуб им. Загорского.

Когда Марья Ильинична подошла и мы вчетвером уселись, к нам приблизился какой-то товарищ, которому, видимо, была поручена забота о Вл. Ильиче, и захотел с нами ехать. Но в машине не было лишнего места, и Вл. Ил. деликатно предложил этому товарищу остаться, и с улыбкой добавил:

— Ничего, с нами едут два кавказца, наверное хорошо довезут.

Но предположение Ильича не совсем оправдалось. Мы с Мясниковым долго никак не могли найти назначенного пункта, сколько ни искали, сколько ни расспрашивали всех и каждого. Ильич много смеялся, когда никто из старожилов Бауманского района не мог указать нам улицы, которая у нас значилась в адресе; не могли указать ее по той простой причине, что все улицы здесь оказались переименованными.

— Ну и хозяева! — смеясь, подтрунивал Вл. Ил. над нами. — Хозяева города; нечего сказать! Слушайте, товарищи, нельзя же переименовывать буквально все улицы.

— Это что, Владимир Ильич! Посмотрите, как все дворы, все сады и скверы разгорожены, как они обобществлены! — похвастались мы.

Вл. Ильич разразился хохотом:

— Ха, ха, ха! Рано, товарищи, рано! Придется вам опять все заборы на место поставить.

Наконец нашли нужный нам клуб. Он оказался в очень хорошем месте и довольно уютным. Аудитория была битком набита рабочими и работницами. Неожиданное появление Вл. Ильича, которого знал каждый рабочий, вызвало восторг собрания.

Вл. Ильич, по обыкновению, быстро скинул пальто и стал спрашивать у окружающих его руководителей района:

— О чем вы хотите, чтобы я говорил, товарищи?

Товарищи закидали его вопросами. Он выступил под гром аплодисментов. Ответив, кроме того, на ворох записок, Вл. Ил. быстро оделся и в сопровождении беседовавших с ним рабочих вышел из аудитории.

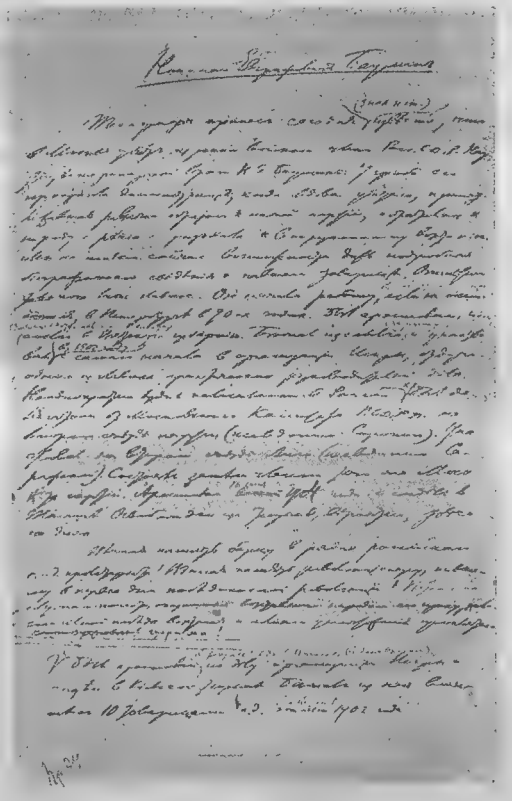
Попрежнему вместе направились мы в другой район.

Все это мелочи, и, может быть, кто-нибудь подумает, что о них не следовало бы и говорить. Да, мелочи. Но в этих мелочах отражается тов. Ленин с его огромным вниманием к нуждам рабочих масс и жизни партии.

Николай Эрнстович Бауман[1])

I.

Телеграф принес сегодня, 3 ноября н/с., известие, что в Москве убит войсками правительства член РСДРП ветеринарный врач Н. Э. Бауман, у гроба его произошла демонстрация, где вдова убитого, принадлежащая, равным образом, к нашей партии, обратилась к народу с речью и призывала к вооруженному восстанию. Мы не имеем сейчас возможности дать подробные биографические сведения о павшем товарище. Отметим лишь главное. Он начал работу в с.-д. организации в Петербурге в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губ. Бежал из ссылки за



Заметка В. И. Ленина о Н. Э. Бауман в журн. „Пролетарий“, № 24 от 7/XI (25/XII 1905 г.)

[1]) Именем Н. Э. Баумана назван наш район и ряд организаций в районе.—*Ред.*

границу и участвовал в 1900 г. с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию. Был арестован в феврале 1902 г. в Воронеже (выдан врачом) по делу организации «Искры» и сидел в киевской тюрьме. Бежал из нее вместе с 10 товарищами с.-д. в августе 1902 г. Был делегатом от Московского комитета РСДРП на II с'езд партии (псевдоним Сорокин), участвовал на втором с'езде Лиги, состоял членом Московского комитета партии. Арестован 16 июня 1904 г., сидел в Таганке. Освобожден из тюрьмы. вероятно, только на днях.

Вечная память борцу в рядах российского с.-д. пролетариата. Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции.

Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма.

Убийство Н. Э. Баумана показывает ясно, до какой степени правы были с.-д. ораторы в Петербурге, называвшие манифест 17 октября ловушкой, а поведение правительства после манифеста—провокацией. Чего стоят все эти обещания свободы, пока власть и вооруженная сила остается в руках правительства. Не ловушка ли в самом деле эта амнистия, когда выходящих из тюрьмы расстреливают казаки на улицах? [1]).

Николай Эрнстович Бауман

Трагической смертью погибший в Москве в первые радостные дни побед революции 1905 г. (18 октября), тов. Бауман, Николай Эрнстович, по партийной кличке «Грач», родился 17 мая 1879 г. в г. Казани, воспитался во 2-й Казанской гимназии, где окончил 7 классов, и в 1891 г. поступил в Казанский ветеринарный институт, который окончил в 1895 г.

Отец его, Эрнст Андреевич, происходит из мещан г. Митавы, немец, лютеранского вероисповедания, проживал близ Казани в селении Поратский завод, где он состоял на службе столяром.

По окончании Казанского ветеринарного института Николай Эрнестович Бауман проживал некоторое время в Петер-

---

[1]) Некролог написан тов. Лениным (см. фотографию заметки в журнале „Пролетарий“).

бурге, где и был арестован. Обвинялся в принадлежности к С.-Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», и 12 декабря 1898 г. был выслан на 4 года, под гласный надзор полиции, в Вятскую губернию. В Вятской губ., в г. Орлове, где он был водворен, прожил около года и 15 декабря 1899 г. бежал за границу. За границей Бауман примкнул к группе с.-д., основавших газету «Искра», в качестве представителя которой он вскоре возвратился в Россию.

11 декабря 1902 г. в Задонске, Воронежской губ., его арестовывают, переводят в киевскую тюрьму в качестве обвиняемого по делу Киевского комитета РСДРП и преступной деятельности с.-д. группы «Искра».

18 августа 1902 г. ему удалось вместе с другими политическими заключенными бежать из тюрьмы. После побега из тюрьмы он уехал за границу, откуда после II с'езда РСДРП опять возвратился в Россию в качестве представителя ЦК РСДРП. Проживает по подложному паспорту на имя германского подданного Вильгельма Зомпфа, и 19 июня 1904 г. в Москве, в связи с провалом заграничной явки, опять арестовывается.

8 октября 1905 г. освобождается под залог и поручительство, весь уходит в партийную работу и с присущей ему неутомимостью принимает активное участие в развертывающихся событиях, приведших к первой русской революции.

18 октября 1905 г. неожиданным предательским ударом его сразили в то время, когда он собирал рабочие массы под красное знамя революции для того, чтобы итти освобождать товарищей из тюрьмы. Он окропил своею кровью революционера, всю жизнь отдавшего революции, в первые радостные дни октября 1905 г.; он умер на передовом посту, как революционер, но память о нем еще долго, долго будет жить.

(По данным архива б. Моск. охран. отделения)

Ив. Меницкий.

О Николае Баумане

Встретился я с тов. Бауманом в киевской тюрьме в 1902 г., когда меня впервые арестовали и привлекли по делу «Искры». Искровские дела были тогда сконцентрированы в руках жандармского генерала Новицкого после того, как ему удалось

выследить киевского представителя «Искры», Крохмаля, и открыть все явки, адреса для писем и шифр последнего. Таким образом, генералу Новицкому удалось проследить и „ликвидировать“ (арестовать) почти всех участников, приехавших со всех концов необ'ятной тогдашней России на совещание или конференцию искровцев. Тов. Бауман тоже приехал на это совещание, кажется, из Москвы. Когда он заметил слежку, то сейчас же оставил Киев, но и в поезде он заметил слежку за собой. Чтобы отделаться от шпиков, он не то выпрыгнул из поезда, не то вышел на маленькой станции в незнакомой для него местности. Как врач, тов. Бауман думал, что лучше всего для него в его положении обратиться к местному врачу за помощью, но последний, некто доктор Вележев, приняв тов. Баумана очень любезно, сейчас же сообщил о нем полиции, и тов. Баумана водворили в Лукьяновскую тюрьму, где уже сидели почти все участники совещания искровцев. Тов. Бауман по сравнению со мной был уже стариком, не так по летам своим, как по революционной деятельности. До киевского ареста он отсидел 19 месяцев в Петропавловской крепости, после чего он был выслан в город Орлов, Вятской губ., на 4 года.

Н. Э. Бауман.

Когда меня перевели в киевскую тюрьму, я попал в тот же коридор, где сидел тов. Бауман. Он мне рассказывал о своем сидении и о тех мытарствах, которые он пережил в этапе, следуя в Вятку. Не трудно было просидеть в одиночке крепости, но труден был этап, где каждый, кому только не лень было, мог издеваться над личностью этапников, — человек превращался в грязное животное. В этапе было тесно, вонь,

грязь, тьма паразитов, и в воздухе висела все время ругань. «Я бы лучше, — рассказывал тов. Бауман, — согласился дольше сидеть в тюрьме, чем итти по этапу». Я тогда сидел в первый раз. Хотя меня арестовали в Вильно и отправили в Киев, но я был перевезен не этапным порядком, а ехал в сопровождении двух жандармов, поэтому рассказ тов. Баумана был для меня еще неиспытанным переживанием. В последующие годы, когда приходилось на своей спине испытывать царский этап, я вспоминал рассказанное тогда в Киеве тов. Бауманом.

Тов. Бауман был душой политического корпуса Лукьяновской тюрьмы. Он принимал деятельное участие в дискуссиях, которые велись на прогулках с эсерами и экономистами, он руководил всеми затеями политиков на прогулках: игрой в городки, хороводом и другими играми. Когда велись подготовительные работы к побегу 11 политиков, то он принимал самое деятельное участие. Перед побегом между участниками его были распределены роли, и несколько раз были произведены репетиции. Тов. Бауману было поручено организовать увеселение для гуляющих политиков, чтобы они не разбрелись по камерам (в середине августа по вечерам бывало холодновато, поэтому публика неохотно выходила на прогулку), что могло дать повод тюремной администрации сократить прогулки (политики тогда гуляли в Лукьяновской тюрьме с утра до темноты). Кроме того, необходимо было, чтобы надзиратели привыкли к шуму во время прогулок; поэтому тов. Бауман организовывал почти каждый день хоровод, а он сам танцовал и лупил в жестяной «барабан». Благодаря шуму, который тов. Бауман устраивал, стало возможно благополучно совершать побег, который удался как нельзя лучше. При желании политических заключенных весь политический корпус мог бы покинуть тюрьму в этот вечер.

Шутя, тов. Баумана политические заключенные называли «балерина». Однако, несмотря на то, что тов. Бауман был руководителем всех игр и всех проделок на прогулках, он на совещаниях искровцев или в спорах с идейными противниками выступал серьезно, солидно и с вескими доводами.

В киевской тюрьме в 1902 г. сидели активнейшие работники «Искры» из разных городов России. В Лукьяновке сидеть было тогда весьма привольно: можно было гулять целый день, книги можно было достать какие угодно. Получались

ежедневно газеты и все заграничные и русские нелегальные органы всех партий сейчас же по их получении в Киев. Переписка с волей была организавана великолепно. Киевляне имели частые свидания с родными и знакомыми. Но, несмотря на все привольности, сидеть было невыносимо, ибо революционное движение в России шагало гигантскими шагами, а пролетарской единой централизованной партии еще не существовало. «Искра» и искровцы тогда только работали над созданием партии.

Во время нашего сидения были крупные студенческие беспорядки в Киеве и в других университетских городах, крестьянские беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях и крупные рабочие забастовки в разных частях России. Эти обстоятельства вынудили искровцев, сидевших в Лукьяновке, составить план побега. Из всех искровцев (их было человек 50—60) согласились принимать участие в побеге лишь 11 человек, из которых 10 действительно бежали. Тов. Бауман был самым деятельным организатором и инициатором этого побега.

Осенью 1903 г., через год после побега, я вновь встретил тов. Баумана в Женеве перед с'ездом заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. Членами «Лиги» были активные искровцы, которые выполняли те или иные партийные функции, возложенные на них редакцией «Искры», или товарищи, которые временно находились за границей после побегов из ссылки или тюрьмы. К последней категории принадлежал тов. Бауман. Так как с'езд «Лиги» должен был состояться после II с'езда партии, на котором искровцы раскололись, то с'езд «Лиги» обещал быть (и действительно был) весьма бурным .Члены «Лиги», приехавшие на с'езд, разделились на сторонников большинства и меньшинства II с'езда партии. Фактически организатором сторонников большинства с'езда «Лиги» был т. Бауман, на квартире которого у нас бывали совещания и составлялись заявления и всякие документы по поводу с'езда «Лиги». В 1904 г. тов. Бауман вернулся в Москву, где ему удалось долго поработать.

До самой своей трагической смерти он остался революционным марксистом—твердокаменным большевиком.

2 июня 1925 г. Осип Пятницкий.

[Из сборника воспоминаний и документов о тов. Баумане. Моск. истпарт].

Убийство Баумана

(Воспоминания очевидца)

Ночью 17 октября (ст. ст.) 1905 г. в штаб Московского комитета РСДРП(б), находившийся в то время в бывшем Императорском техническом училище, бомбой влетела буржуазного вида дама и сообщила от имени с'езда партии народной свободы—в то время заседал учредительный с'езд партии к.-д.—о царском манифесте. По ее словам выходило, что борьба народа за свободу закончилась его полной победой, и отныне самодержавия не существует. Дама передала нам привет от партии к.-д. и поздравление с победой. На нас это сообщение не произвело того впечатления, которое ожидал, повидимому, встретить кадетский вестник. Поверхностная либеральная восторженность наткнулась на суровость мысли пролетарской партии. Мы просили передать кадетскому с'езду, что, даже и не будучи знакомы с деталями манифеста, мы полагаем, что борьба народа за свою свободу не только не закончилась, а только начинается, что победа народа определяется не клочком бумаги, а его реальной силой и организованностью, и что в дальнейшем предстоит колоссальная работа партии пролетариата по закреплению завоеваний народа, обещанных царем в манифесте, путем усиления и расширения его организаций. Дама ушла разочарованная.

Оказавшиеся налицо члены Московского комитета тут же собрались обсудить тактические вопросы завтрашнего дня. Мы все сошлись на той бесспорной мысли, что царское самодержавие д р о г н у л о, и задачу нашей дальнейшей работы мы определили, как необходимость повалить его на обе лопатки.

Мы решили повести утром 18 октября рабочих с митингов в Техническом училище освобождать политических заключенных Таганской тюрьмы. Это должно было служить испытанием реальности царского манифеста и сил как наших, так и царского самодержавия.

С утра 18 октября, как всегда в те дни, все аудитории Технического училища были полны рабочими, слушавшими ораторов. Были мобилизованы все силы МК для успешного проведения приступа на московскую «Бастилию». Все наши почти были в сборе. Среди нас был и «дяля Коля»—Николай Эрнестович Бауман.

Н. Э. Бауман был освобожден под залог до слушания дела 8—10 октября из Таганской тюрьмы, где он сидел с лета 1904 г. по делу ЦК нашей партии; ему было пред'явлено еще обвинение в побеге из киевской тюрьмы в 1902 г. По освобождении он сразу не вступил в руководящую работу, желая, повидимому, ознакомиться после долгого тюремного заключения с обстановкой и условиями нашей партийной работы. А обстановка тогда была такова, что очень трудно было политически ориентироваться в событиях не только такому человеку, который полтора года был оторван от прямой работы, но и тем, которые активно принимали участие в подготовке этих событий. Человеку «подполья», каким был Н. Э. Бауман (и какими мы были все), имевшему до своего заключения дело с конспиративными кружками, группами и в лучшем случае с «массовкой», где-нибудь в лесу [1]) пришлось натолкнуться на невиданное до того в России явление—на всеобщую всероссийскую политическую забастовку, в которой участвовали миллионы рабочих. Для всех нас это было ново, но мы, принимавшие активное участие в подготовке этих событий, подошли к ним постепенно, так сказать, политически учились. В другом положении очутились товарищи, как Н. Э. Бауман, которые после долгого отрыва от партийной работы попали как бы из одной эпохи политической жизни в другую. Конечно, такому работнику, как Н. Э. Бауман, не пришлось бы долго «учиться» и оглядываться, чтобы схватить положение. И надо полагать, что если бы его жизнь не оборвала предательская рука убийцы, он в ближайшие дни после 17 октября занял бы руководящее положение в московской организации, а может быть, и в центральных органах партии. Не возложивши на себя никакой официальной работы, Н. Э. Бауман со дня своего освобождения из тюрьмы живо интересовался нашей работой, посещал все наши заседания МК, высказывал свое мнение по разным вопросам. Настроен он был, как всегда, жизнерадостно и эта жизнерадостность невольно передавалась всем его окружающим. Мы все на

[1]) Бывали, правда, и до 1905 г. крупные массовые стачки, охватывавшие целые районы, напр., ростовская стачка 1902 г. или стачки на юге в 1903 г., но, во-первых, они все же носили местный характер, а, во-вторых, в них принимали активное участие лишь местные работники и незначительное число счастливцев „профессионалов".

него смотрели, как на человека, который не сегодня-завтра «покажет себя».

Около 12 часов дня 18 октября мы, по заранее разработанному плану, пошли по всем аудиториям Технического училища приглашать рабочих на демонстрацию к Таганской тюрьме. Рабочие радостно покидали аудитории, выходили во двор, где строились в колонны. В некоторых аудиториях пришлось встретиться с сопротивлением эсеров, которые были обижены тем, что они не занимают в демонстрации руководящего положения. В порядке построения колонны впереди была выстроена наша боевая дружина.

Приблизительно часа в два дня демонстрация двинулась. По выходе со двора Технического училища на Коровий брод солдаты резервного батальона, находившиеся против казармы, приветствовали демонстрацию. На рабочих, которые привыкли к тому, что солдаты стреляют в рабочих, это произвело сильное впечатление. Станислав (Вольский) обратился к ним с сильной речью, приглашая их присоединиться к демонстрации. Солдаты жестами показывали, что начальство их не выпускает.

Когда демонстранты вышли на Немецкую улицу (ныне Баумановскую) и собирались повернуть налево, у фабрики Дюфурмантеля (направо) стояла толпа рабочих. «Дядя Коля», бывший во главе демонстрации, не вытерпел, заговорило сердце революционера. Он сел на случайно подвернувшегося извозчика,—случайно, так как извозчики в те дни бастовали, с тем, чтобы под'ехать к группе рабочих и присоединить их к демонстрации. Кто-то вручил «дяде Коле» красное знамя [1]).

До сих пор живо встает предо мною картина: одухотворенный «дядя Коля» на извозчике с развевающимся красным знаменем в руках. Все повернулись направо, устремивши свой взгляд вслед «дядя Коле» в ожидании его возвращения с рабочими.

Но не суждено было вернуться «дяде Коле». Не от'ехал он и двадцати саженей, как, наперерез ему, у фабрики Ща-

[1]) Кто этот „кто-то", мне до сих пор установить не удалось. Я живо до сих пор помню его лицо: человек с большой шевелюрой, высокий, бритый, с большими усами, в пенсне, хорошо одетый, в мягкой шляпе. Очень прошу товарищей, знающих фамилию этого лица или само это лицо, если оно существует еще на свете и если эта статья попадет ему в руки,—сообщить в бюро Истпарта.

пова выскочил человек, ударил его по голове какой-то палкой (впоследствии «палка» эта оказалась газовой трубой).

Склонился «дядя Коля», склонилось красное знамя...

Наши дружинники побежали, начали беспорядочную стрельбу. Среди демонстрантов, еще не обстрелянных,—а многие даже не видели, в чем дело,—началась паника, бросились бежать в соседние дворы. Когда через минут пять паника улеглась, принесли бездыханный, изуродованный труп «дяди Коли», убитого черносотенцем.

Это убийство произвело такое удручающее впечатление на всех участников демонстрации, что пришлось отказаться от первоначальной цели демонстрации. Тело Н. Э. Баумана было перенесено в актовый зал Технического училища, где оно было выставлено до самых похорон. Участники демонстрации вернулись в Техническое училище, где с этого времени до погребения все митинги были посвящены Н. Э. Бауману. Широкие рабочие массы, до того не слыхавшие о существовании Баумана, только после его трагической смерти узнали, «какое сердце биться перестало», что погиб их вождь и их друг.

Вся рабочая Москва 18—20 октября находилась под впечатлением смерти Н. Э. Баумана. Не было ни одного митинга, ни одного рабочего собрания, где бы обсуждались другие вопросы, кроме убийства Баумана и предстоящих похорон. Можно сказать, что не только вся сознательная жизнь была отдана Н. Э. Бауманом революции и нашей партии, но и самая его смерть послужила росту и влиянию партии. Его смерть неразрывно связала нашу московскую большевистскую организацию с рабочими массами, показав последним, кто их настоящие друзья. До чего была возбуждена рабочая масса Москвы против убийцы, показывает такой факт. На одном из митингов, кажется, в Институте путей сообщения, кто-то пустил слух, что среди присутствующих находится убийца Баумана. Я был свидетелем, как все набросились на какого-то человека и хотели его растерзать. Только выяснение недоразумения спасло его от смерти.

На следующий день, 19 октября, в штаб МК явился пристав местного участка и просил отдать судебным властям для медицинского вскрытия труп Баумана, так как убийца арестован и против него возбуждено уголовное дело. Конечно,

было ясно, что агентов правительства меньше всего занимали интересы правосудия, а что это обычная полицейская уловка, чтобы сорвать готовившиеся грандиозные похороны. Мы, конечно, пристава выпроводили.

Несколько слов об убийце Н. Э. Баумана. Кто бы он ни был,—просто ли темный человек, или активный член союза русского народа, или охранник, но то, что он-то убийца вождя рабочего класса, сделало его «знаменитым», как Герострата. Фамилии его я не припомню, в делах московской судебной палаты она, конечно, имеется. Он был арестован, судился московской судебной палатой, приговорен к двум годам арестантских рот, а затем помилован Николаем, как совершивший преступление из идейных побуждений. Было бы очень интересно установить на основании документов бывшей московской охранки, был ли это просто черносотенный фанатик, или агент охранного отделения. У всех партийных товарищей того времени сложилось твердое убеждение, что все это дело было подстроено охранкой.

С. Черномордик (П. Ларионов).

„Пролетарская революция", № 9, 1922 г., стр. 288.

В. М. Лубоцкий (Загорский) [1])

Загорский (Денис—Лубоцкий, Владимир Михайлович)—погиб 25 сентября 1919 г. при взрыве бомбы, брошенной во время заседания ответственных партийных работников, в здании Московского комитета в Леонтьевском переулке.

Товарищ Загорский погиб из-за того, что он хотел поднять и выбросить шипевшую бомбу. Его взорвало «в упор». Ему не удалось спасти других. Но он был разрезан на кровавые куски потому, что хотел помочь другим: он видел, какая опасность грозит его товарищам по делу, по классу, по великой революции...

Я знал товарища Загорского еще много лет тому назад. В 1906 г., когда я только что начинал работать в партийной организации, тов. Загорский был уже деятельным членом партии и «организатором», если не ошибаюсь, Городского

[1]) Именем тов. В. Загорского назван клуб рабочих-металлистов на Благуше.—*Ред.*

района. За ним было тогда уже несколько лет партийной работы, которую он начал, когда ему было 16 лет, и которую он кончил с седыми волосами на висках на ответственном посту пролетарской партии.

В. М. Лубоцкий (Загорский).

„Товарища Дениса" хорошо помнят многие старые рабочие-москвичи. Он был живым, подвижным, смелым организатором, веселым и энергичным человеком и прекрасным товарищем. Выходец из буржуазной среды, он успел настолько сродниться с рабочим классом, что редко приходилось даже в те времена видеть человека более „демократичного", в хорошем смысле этого слова. С рабочими у него устанавливались чисто дружеские отношения: он почти со всеми был на «ты», часто жил, ел и спал вместе с ними. Это ценилось в районе: «товарища Дениса» любили как *своего*.

Аресты и высылка в конце концов кончились тем, что Загорский бежал за границу. Он долгое время жил в Англии и в Германии, иногда приезжал на некоторое время в Россию нелегально. Помню, что мы встречались с ним во время этих его приездов. Несмотря ни на что, он всегда дышал здоровым оптимизмом революционера, у которого революция сидит не только в голове, но и в крови, для которого она такая же потребность, как потребность в пище для любого живого существа.

Первые годы своей жизни за границей Денис провел в мучительно тяжелом немецком плену. Захваченный войной в Лейпциге, он был взят как гражданский пленный. Только русская Октябрьская революция освободила его. Тов. Иоффе, будучи в Берлине, устроил его секретарем нашего посольства. Так его удалось выудить из лап немецкого империализма.

Заграничная эмигрантщина, а главное немецкий плен, были хорошей пробой для тов. Загорского. Он оказался верным большевиком, преданным партии до последнего. Ведь известны были случаи, когда даже хорошие товарищи, под влиянием войны и плена, становились истинно-русскими патриотами и начинали травить свою прежнюю партию. Денис был не из таких. Он был и он остался *нашим:* революционное нутро, его боевая природа не дали ему опуститься до уровня «социалистов», состоящих при штабе «отечественных» купцов. И немудрено, что после многолетней отлучки, после тяжелого плена этот изрядно измученный скитаниями человек немедленно, не теряя ни секунды, становится в наши ряды, веселый, живой, как всегда: точно ничего не случилось и точно он так же юн, как тринадцать лет тому назад.

Загорский был у меня за день до смерти, и я, как сейчас помню его смеющееся лицо: «Выживем, Николай, все будет хорошо»,—вот были его последние слова. В этом он не ошибался: победа революции не за горами, несмотря на кризис, в котором мы находимся. Но старый друг не предвидел, что через день от него останутся жалкие кровавые куски...

Тов. Загорского не было на собрании: он пришел к самому концу. Но этот «конец» стоил ему жизни.

Московская организация нашей партии, патриотом которой был всегда «Денис», не забудет памяти человека, который отдал все, что имел, великому рабочему классу. У покойного остался сын «Дениска», молодой Денис. Нужно помочь ему вырасти таким, каким был его отец.

Н. Бухарин.

Владимир Михайлович Лубоцкий
(Воспоминания)

Ранней весной 1904 г. в нашей большевистской эмигрантской среде в Женеве появился новый товарищ, до такой степени юный по виду, что скорее был похож на мальчика, чем на серьезного эмигранта. Этим мальчиком-эмигрантом был Володя Лубоцкий, впоследствии известный в партии под именами Денис и Загорский. Несмотря на то, что тов. Лубоцкому было тогда не больше 20 лет, а выглядел он лет 16-ти, юнец этот успел уже пройти достаточно суровую школу революционного борца.

Вступив в ряды нижегородской организации нашей партии, еще будучи на школьной скамье, Володя Лубоцкий был там вместе с другими арестован на первомайской демонстрации в 1902 г. Саратовская, сормовская и нижегородская демонстрации 1902 г. были первыми демонстрациями, арестованные участники которых были привлечены к ответу в судебном порядке. Этот царский суд поднял волну возмущения в рабочей массе и был широко использован в агитационных целях нашей нелегальной партийной печатью как за границей, так и в России. Товарищи, привлеченные по делу нижегородской первомайской демонстрации 1902 г.—рабочий Михайлов, Моисеев-Зефир, Анна Доброхотова, Владимир Лубоцкий и др.,—после долгого предварительного заключения были присуждены к лишению всех прав и ссылке на поселение в Енисейскую губернию. Вот после того, как был проделан весь этот крестный путь тюрем, суда, ссылки и побега, Володя Лубоцкий и явился к нам свежий, пылающий здоровьем, жизнерадостный, скорее похожий на мальчика, чем на эмигранта.

С лета 1904 г. я не видала т. Лубоцкого до 1905 г., когда мы встретились с ним в московской организации, где он работал тогда под именем Дениса. Насыщенная порохом Москва 1905 г.—не мирная Женева; но нелегальный организатор—районщик Денис все так же весело поглядывал по сторонам, все так же блистал своим молодым задорным юмором, как женевский Володя. Тов. Лубоцкого приходилось встречать на работе в Москве и в 1906 г., после того как восстание было раздавлено; но меньше всех был склонен к пессимизму Денис: он продолжал все так же бодро, энергично и весело работать над укреплением наших партийных рядов.

Третья моя встреча с тов. Лубоцким произошла только через 12 лет,—годы, которые по количеству пережитого могут быть приравнены чуть ли не к столетию,—ведь наша встреча произошла после октября 1917 г.—в 1918 г. Мне тогда пришлось работать по организации и укреплению партийных ячеек в красноармейских частях московского гарнизона, но эта работа, вследствие какой-то организационной несуразицы, производилась почему-то от военного комиссариата города Москвы, а не от Московского комитета нашей партии. Желая исправить эту несуразицу, я отправилась к секретарю Москов-

ского комитета, которого я до того не видала, а знала лишь, что секретарем МК теперь состоит недавно вернувшийся из-за границы старый эмигрант Загорский.

Когда зашла в кабинет секретаря МК, то увидела перед собою незнакомого пожилого бритого человека—европейца по внешности, которому стала излагать план организации специального отдела при МК. Товарищ этот довольно долго слушал меня, а потом расхохотался и говорит: «Все это очень хорошо, что вы предлагаете, но почему вы со мною так говорите, как будто мы с вами незнакомые люди?» И тут меня сразу осенило, что предо мною Володя Лубоцкий, Денис, а не европеец Загорский.

Впоследствии, когда военный отдел был создан при МК и я перешла туда работать, мне приходилось работать в помещении МК в Леонтьевском переулке и постоянно иметь дело с Лубоцким-Загорским. Кто запомнил,—а не запомнить этого нельзя,—как приходилось работать в 1918—1919 гг., тот поймет, какие силы нужны были тогда, чтобы быть секретарем Московского комитета. Тов. Лубоцкий-Загорский с раннего утра до глубокой ночи проводил в помещении МК и несмотря на колоссальное утомление, работал весело, как всегда.

Там, в этом помещении МК, в особняке в Леонтьевском переулке, в роковой день 25 сентября 1919 г. тов. Лубоцкий-Загорский хотел еще раз пошутить—подобрать брошенную эсерами бомбу и выкинуть ее за окно, но то была его последняя шутка: она стоила ему жизни.

Ц. Бобровская.

Николай Дмитриевич Балакирев [1])

Тов. Балакирев, Николай Дмитриевич, происходил из крестьян села Воронова, Подольского уезда, Московской губернии.

Тов. Балакирев не был блестящим оратором-трибуном, но он был отличным организатором и пропагандистом-массовиком. 18 лет он отдал целиком революционной борьбе, все эти

[1]) Именем тов. Балакирева названа пуговичная фабрика быв. Ронталлера.—*Ред.*

годы он был тесно связан с большевистской партией. Его работа известна многим старым большевикам, в том числе т. Рыкову, Ломову, Лихачеву.

Начав с участия в зубатовской организации на фабрике Ронталлер, тов. Балакирев быстро познает провокационную суть зубатовщины и уже через несколько недель он порывает с нею и связывается с организацией с.-д., где до самой смерти остается неизменным и горячим защитником большевизма, почему и получил в районе кличку „твердокаменного“ большевика. В 1905 году он принимает самое активное участие в проведении всеобщей забастовки, вместе с другими активными товарищами ему удается в один день остановить все предприятия Лефортовского района, а в декабрьском восстании активно участвует в баррикадных боях.

Н. Д. Балакирев.

После 1905 г., когда настала реакция, Балакирев не прекратил работы и вместе с другими ушел в подполье. Группа принявшихся за кропотливую и тяжелую подпольную работу состояла всего из нескольких человек, но они были тем ядром, вокруг которого шла непрерывная работа по организации рабочих района. Достаточно было появиться товарищу из центра—для него была готова связь с фабриками и заводами. Собрания происходили летом в лесу, а зимой на квартирах. Больше всего пользовались квартирой Балакирева, и связи в первую очередь шли через него. Там происходили всевозможные собрания; и районные, и подрайонные, и высшего типа кружки, и низшего, и литература нелегальная для массового распространения, и всевозможные явки.

Явки Московского комитета происходили на Ирининской улице в доме Чиховской. Квартиры приходилось часто менять. Бывали у Балакирева тт. Рыков, Ломов, Ярославский, Федулов, «Михаил Миронович» (Н. Н. Мандельштам) и др.

Тов. Балакирев подвергался многим репрессиям. Был арестован 7 раз, просидел в тюрьмах 1½ года, 2 раза был в ссылке,—в общей сложности 4 года. В 1916 г. он возвращается из Олонецкой ссылки и поступает на работу на завод «Пэлка» (вошел в нынешний завод «Мастяжарт»).

В революции 1917 г. он принимает самое активное участие. После Октябрьского переворота он командируется в гор. Подольск, где затем избирается членом Исполкома. В 1919 г., когда революции грозила опасность, Балакирев, как старый испытанный борец за рабочее дело, командируется партией на колчаковский фронт. Умер он от тифа 12 февраля 1920 г. в селении Верхне-Баскунчак, Астраханской губ. на 46-м году жизни.

Родион Осипович Волынкин (Салтыков)

Тов. Волынкин по профессии ткач. В 900-х годах он работал на ф-ке Малышева на Семеновской улице в Лефортовском районе. С открытием о-ва трезвости с библиотекой и чайной на Семеновской улице, при этой чайной нелегальным путем был организован кружок активных работников того времени, в который входили: Петр Глебович Страшков—столяр ф-ки Мусси, Макланов с ф-ки Третьякова, Царев и бр. Сеняевы с ф-ки Мусси и целый ряд других товарищей, которых трудно запомнить. К этому кружку примыкал и тов. Волынкин Родион Осипович.

В 1901—1902 гг. тов. Волынкин вел борьбу против зубатовского влияния среди лефортовских рабочих; по распоряжению полиции ему пришлось покинуть Москву и направиться для работы в Юзовский каменноугольный район, а оттуда в Казань.

В 1904 г. в г. Казани тов. Волынкин открыл вышивальную мастерскую, которая давала ему существование, с другой стороны—давала возможность около его мастерской группироваться целому ряду товарищей социал-демократов, в том числе и тов. Я. М. Свердлову, которые, проживая у тов. Волынкина, вели подпольную работу по агитации и пропаганде социал-демократических идей.

1905 год—начало всеобщей стачки в Москве, тов. Волынкин ликвидирует все дела в своей мастерской в г. Казани и возвращается снова в Москву опять в Лефортовский район, где принимает в наших рядах активное участие в проведении общей забастовки, в выборе делегатов от фабрик и заводов в районный совет. В это время главным образом трудами и настойчивостью тов. Волынкина, построен Введенский народный дом. Волынкин лично ходил, собирал подписи среди рабочих на фабриках и вел борьбу против Введенского храма.

Р. О. Волынкин (Салтыков).

В воруженном восстании 1905 г. тов. Волынкин принимает деятельное участие в агитации за организацию боевых дружин и участвует в баррикадной борьбе.

В 1906 г. тов. Волынкин снова пускается в подпольную работу на Покровке, организует конспиративную квартиру, где собираются оставшиеся товарищи социал-демократы и снова ведется организационная социал-демократическая работа на фабриках и заводах; тов. Волынкин поступает работать ткачом на фабрику Мусси и принимает самое активное участие в организации рабочей кооперации.

Эта работа не могла не обратить внимание полиции, и тов. Волынкину пришлось не только уехать из Москвы, но покончить раз и навсегда с фамилией Салтыков, по которой он до сего времени считался и жил, и пришлось всю дальнейшую работу вести под фамилией Волынкин. Тов. Волынкин с 1907 по 1911 г. работал в Юзовке, в Ростове-на-Дону на разных неквалифицированных работах, ведя актив-

ную агитационную работу. В Ростове пристав, арестовав Волынкина на постройке моста около пристани, выслал его собственной властью за организацию забастовки строительных рабочих. Тов. Волынкин опять уехал в Юзовку, а в 1911 г. появился в Москве, и так как он был уже не Салтыков, он устроился опять на фабрике Мусси ткачом, где проработал до 1916 г. В 1912 г. принял активное участие в организации больничных касс и был одним из организаторов больничной кассы на фабрике Мусси; тов. Волынкин также принимал активное участие в профсоюзной работе.

Февральская и Октябрьская революция тов. Волынкина застала в Москве, он тогда работал в Центросоюзе, в Рыкуновом переулке. В Лефортовском районе он в самое трудное время ведал продовольственным отделом. Московский совет командировал тов. Волынкина по заготовке продовольствия для Москвы в Уфимскую губ., где он пережил дважды колчаковщину. В 1922 г. в Москве тов. Волынкин заболел от последствий костного турбекулеза, продолжая работать в Губсоюзе (кооперации); в 1923 г. в декабре месяце смерть вырвала из жизни храброго, смелого и стойкого революционера, старого большевика, редкого по своей добросовестности товарища, которому мы, оставшиеся в живых, многим обязаны.

А б р а м о в.

Петр Петрович Щербаков [1])

Тов. Щербаков Петр Петрович родился в Москве в 1891 г. 7 апреля (по старому стилю). Отец его был рабочим в артели ткачей, мать там же служила кухаркой. Так как детей в то время не было возможности держать при себе (не позволяли хозяева), а их было трое, то маленького Петрушу пришлось отдать на воспитание к родному дяде в деревню Тульской губ., Каширского уезда, села Митенково. Только 12 лет его взяли обратно в Москву и отдали в чулочную мастерскую в мальчики.

В 1908 г. он поступает на пуговичную фабрику Ронталлер.

[1]) Им. П. П. Щербакова названа шелко-ткацкая фабрика, быв. т-ва шелковой мануфактуры в Москве (Гужон и Мусси).

В 1909 г. он работает некоторое время в кинематографической фирме Ханжонкова, получая по 75 коп. в день. Он ратует за экономическую забастовку и проводит ее среди сотрудников, выигрывая 100% надбавки.

П. П. Щербаков.

В 1911 г. тов. Щербаков был зачислен слушателем научно-популярного отделения университета имени Шанявского и одновременно вступает в партию социал-демократов большевиков. С того же времени начинается его работа в больничной кассе, и по создании таковой при фирме Ронталлер он является деятельным членом правления, истинным представителем и защитником интересов рабочих.

В 1914 г., в начале войны, он работает как член совета Благушинской библиотеки; это было время какого-то ошеломляющего замешательства в рабочей массе. Широкой волной развивалось шовинистическое течение; работа была трудной, но и необходимой.

В 1915 г., когда в районе уже работал районный комитет большевиков, тов. Щербаков много работает по устройству товарищей, находящихся на нелегальном положении. Осенью этого же года он принимает деятельное участие как в экономической забастовке на фабрике Ронталлер, так и в политической общей.

С октября 1915 г. он принимает секретарство районного комитета партии большевиков и ведет эту работу весьма продуктивно до конца 1915 г., когда он был арестован вместе с руководителм Московской организаици большевиков тов. Андреем Скрябиным, ныне В. Молотовым — секретарем ЦК ВКП(б) (на Благуше, по Измайловскому шоссе) и направлен в Таганскую тюрьму. Оттуда в марте 1915 г. он был сослан в Иркутскую губ., где пробыл до 3 апреля 1917 г. Вернувшись из ссылки, тов. Щербаков принялся за активную работу среди текстильщиков Лефортовского района в качестве инструктора

и работал в этой области вплоть до Октябрьской революции.

В октябре 1917 г. он принял самое деятельное боевое участие в революции, работал в качестве санитара и погиб на революционном посту, отдав свою жизнь за дело рабочих, будучи убит в б. Алексеевском военном учил.—27 окт. 1927 г.

Харлампий Тимофеевич Муравьев

Муравьев, Харлампий Тимофеевич—из рабочей семьи Екатеринославской губ., Александровского уезда. 14-летним мальчиком поступил на один из заводов г. Екатеринослава. Стал слесарем. Благодаря старшему брату, терщемуся в эсеровских и анархистских кругах, вошел в кружок, начал читать революционную литературу. В 1908 или 1909 г. был арестован с группой анархистов за экспроприацию и убийство полицейского. Судился в Екатеринославе и был приговорен к смертной казни, но по молодости (16 лет) получил замену 20-летней каторгой. 6 лет был закован в кандалы. Каторгу отбывал в рижской, владимирской и больше всего в ярославской тюрьмах. В тюрьме все время находился под влиянием анархистов. В 1917 г. при освобождении заключенных из ярославской тюрьмы комиссией тов. Полидорова был забракован. Тогда он решил бежать. Побег удался, и в апреле того же года тов. Муравьев появился в Москве с адресами двух эсеров, живущих на квартире большевика С. Н. Петрова. Эсеров на квартире не оказалось, но семья тов. Петрова отнеслась тепло к бежавшему, и вскоре, благодаря участию С. Н. Петрова, тов. Муравьев был признан политическим каторжанином и как таковой подлежащим освобождению.

Х. Т. Муравьев.

Со всей пылкостью молодой натуры, насильственно оторванной в течение 8 лет от жизни, Муравьев сразу окунулся

в самую гущу революции. Здоровый инстинкт подсказал ему, что наиболее революционная и жизненная партия—это партия большевиков, и в критические дни 3—5 июля 1917 г. он уже выступал как активный член партии. Работа в Центросоюзе не удовлетворяла тов. Муравьева, и он перешел на завод «Проводник» в Благуше-лефортовском районе. Природные способности быстро выдвинули тов. Муравьева и на заводе, и в райкоме партии. В Октябрьские дни ему давали ответственные поручения. Это он прошел с отрядом из Лефортовского района через всю Москву к Смоленскому рынку на помощь нашим против юнкеров. Он же бился и под кадетскими корпусами.

Кончились бои. Началась организационная работа. Муравьев бегает по заводам и фабрикам Благуше-лефортовского района, то как оратор от парткома, то как инструктор отдела труда.

В середине декабря того же года—призыв на гайдамаков. Тов. Муравьев вместе с А. Знаменским организует в несколько дней отборный отряд и направляется на Украину.

После блестящих успехов отряд в конце января возвращается в Москву, потеряв одного красноармейца—женщину, убитую при взятии ст. Ворожба. Муравьев назначается членом коллегии районного военного комиссариата. Через некоторое время он формирует отряд на германский фронт и едет вместе с ним в Оршу.

После заключения Брестского мира и установления демаркационной линии Муравьев с остатками отряда вернулся в Москву и снова начал работать в военном комиссариате, одновременно состоя членом райкома и энергично проводя всякие парткампании.

Мобилизованный 7 августа 1918 г., едет с полусотней коммунистов под Казань. Под деревней Маркваши через 2—3 недели попадает в плен, но тут же благополучно удирает. Поступает в 5 армию и двигается вместе с ней на Симбирск. В сентябре он комиссар ударной бригады Спижарного, переходящей из 26 в 27 дивизию. Писем из дому не получает и между боями тоскует по семье.

Последние письма с фронта полны глубокой тоски и по семье, и по культурной московской жизни. Отсутствие газет удручает. Неважные дела на фронте нервируют. Чтобы влить

бодрость в замерзших, полуголодных красноармейцев, сам ездит с ними в разведку, носится из одного полка в другой и. наконец, в декабре того же года, уехав с 3 красноармейцами в разведку, налетает на чехо-словацкий раз'езд в 25 человек. Патроны расстреляны, красноармейцы убиты, его берут в плен. Раздевают до гола и в трескучий мороз ведут голого в Уфу, сажают в тюрьму, пытают.

Перед взятием нашими Уфы 1 января 1919 г. чехо-словаки эвакуируются и увозят с собой всех заключенных. По дороге 70 из них зарубают и выбрасывают под откос, в том числе и тов. Муравьева.

Яков Иванович Бочаров [1])

Яков Иванович Бочаров происходил из крестьян Каширского уезда, Тульской губернии. Отец Бочарова не мог прокормить своей семьи небольшой полоской земли, имевшейся у него, и он, как большинство подмосковных крестьян, уходит на фабрику. С большим трудом на крохи, привозимые домой, ткач Иван Бочаров растит своих двух сыновей и трех дочерей. Старшим из детей был Яков. Пройдя суровую школу крестьянина - пролетария, отец-Бочаров стремится дать доступное для детей крестьянина образование—почти все дети кончают 2-классное сельское училище. В школе Яков своими способностями обращал на себя внимание учителей и пользовался любовью сотоварищей.

По окончании училища Яков Бочаров отвозится отцом в Москву «в ученье» в мастерскую. Сознавая себя помощником в семье, молодой слесарь-водопроводчик стремится познать свое ремесло в совершенстве, и через 2 года учения Яков Бочаров участвует как монтер в сложных работах по прокладке и ремонту водопровода и отопления по Москве, присматриваясь и отмечая у себя резкую разницу между жизнью рабочего и имущего.

1905 г. застает Я. И. Бочарова токарем на арматурном заводе Гакенталь.

Молодой токарь не принимает активного участия в движении и восстании, но борьба рабочих, волна забастовок оставила глубочайший след в душе Якова Ивановича.

---

[1]) Фотографию тов. Бочарова см. на стр. 107.

Находясь все время в самой гуще рабочей массы, великолепно изучив ее, Яков Иванович в разговоре о забастовках образно рисовал роль молодых, стариков, семейных, мастеров и героев-вождей, организаторов и вдохновителей выступлений.

В 1915 г. Бочарову предлагают место мастера. Бочаров принимает мастерство в небольшой мастерской, но, пробыв в этой должности всего 3 месяца, он бежит отгуда, заявляя, что он не желает быть ставленником хозяина над рабочими, а стремится быть вместе с ними. Бочаров переходит на Военно-промышленный завод. Здесь он выдает себя лишь за токаря и до самой революции, несмотря на неоднократные предложения стать мастером, упорно отказывается от этой чести, не желая порывать с массой.

К концу 1915 г. на заводе находился целый ряд прошедших суровую школу подпольной работы товарищей. Здесь— вернувшийся из ссылки И. И. Желтов, С. С. Белорусов, Н. Зыков, И. М. Голубев, Я. Р. Эмдин, Горев, К. Табаков, Яновский и др. Разгорается кампания вокруг выборов в заводскую больничную кассу. Кандидатом, на котором сходятся все, даже требовавшие выставления лишь партийных товарищей (И. М. Голубев), является Я. И. Бочаров. Он проходит в правление и там избирается тов. председателя кассы. Февральская революция собрала все революционные силы в заводском комитете завода (6000 рабочих), и мы видим Я. И. Бочарова в президиуме комитета в течение всего времени существования завода. На всех выборах кандидатов выставляется Я. Бочаров, и не было случая, чтобы голосованием на него не была возложена та или иная обязанность. Вскоре после февральской революции Я. Бочаров вступает в нашу партию. Я. И. Бочаров бессменно состоит делегатом в профсоюзе, членом районного и центрального совета, по спискам большевиков он проходит по Басманному району в районную думу и управу, участвует в целом ряде организаций и комиссий.

Здесь Бочаров проходит суровую школу. Будучи во главе расценочной комиссии и комиссии по определению норм выработки, он не подлаживается к массе, а суровым твердым отношением к делу следит за поднятием производительности, равно как и за согласованием заработка с все возрастающей дороговизной.

На общем собрании 6-тысячной массы он вносит и проводит резолюцию (первую в Москве 1917 г.) о том, что рост

дороговизны можно остановить лишь введением хлебной монополии и национализацией промышленности.

В Октябрьские дни Бочаров как член революционного комитета Басманного района руководит целым рядом сложных операций (штурм Лефортовской военной школы, организация охраны винного склада), принимая непосредственно деятельное участие в восстановлении порядка в районе.

В феврале 1918 г. Я. И. Бочаров переходит, по предложению тов. В. П. Ногина, в областной комиссариат труда как заведующий конфликтным отделом.

Принимая все время участие в работе Московской общегородской больничной кассы, тов. Бочаров с 1919 г. переходит целиком на работу в кассу. С организацией подотдела социального обеспечения и охраны труда Я. И. Бочаров избирается заведующим подотделом Московской губ., а затем заведующим отделом труда.

Отличительной чертой Якова Ивановича было умение отдаваться всем своим существом порученной ему работе.

Совершенно пренебрегая своими интересами, он во главу угла всегда ставил интересы дела. Порученные ему дело он всегда изучал досконально, и суждения его были обстоятельны, прямолинейны, свидетельствовали о знании предмета.

Я. И. Бочаров был недюжинным оратором. При выборах в совет ему ежедневно поручалось выступать на одном-двух собраниях, и рабочие Москвы, вне сомнения, помнят этого типичного рабочего, с шапченкой, надвинутой на уши, в синем потертом пиджачишке, подвязанного шарфом. Будучи уже совершенно больным, он не отказался ни от одного выступления, с большим успехом проведя собрания рабочих. Роковым для него выступлением была конференция в Орехове. После 1½-часового доклада у него хлынула горлом кровь. Он спешит, вопреки настояниям врачей, в Москву; сдает дела

Здесь с ним происходит второй припадок. Его перевозят в санаторию «Высокие горы», над созданием которой он не мало потрудился (теперь санатория имени Якова Ивановича Бочарова), и через 10 дней он умирает от разрыва сердца.

Умер Я. И. Бочаров 32 лет от роду, умер молодым, в расцвете сил, энергии, явив пример того, сколько мощи, организаторского таланта и умения строить новую жизнь таит в себе русский рабочий.

Погребен Я. И. Бочаров на Красной площади.

Григорий Васильевич Титов

Титов, Григорий Васильевич (Александр Игнатьевич Кудрявцев) родился в 1886 г. в деревне Верещагино, Солигалического уезда, Костромской губ. После смерти отца мать отдала его 12-летним мальчиком в учение к подрядчику в Петербург, где он изучал малярное ремесло. В Петербурге тов. Титов очень рано становится сознательным рабочим, и 1905 г. встречает его вполне подготовленным. С 1912 г. он уже в рядах партии. С 1915 г. он ведет активную работу как профессиональную, так и партийную в Москве. Под его руководством печатаются и распространяются прокламации с протестом против империалистической войны. Тов. Кудрявцев в то время состоял представителем общества строительных рааочих. Кудрявцев был непримиримым врагом оппортунизма и ликвидаторства, безгранично преданным революционером В подпольной работе он всегда брал самую опасную работу: печатание прокламаций, хранение, распределение их и т. п. Войны не переваривал и шутя говорил: «Уж я этим ликвидаторам за то, что они поддерживают войну, охотно бы набил морду, да только рук не хочу пачкать!» На войну тов. Кудрявцев категорически отказался итти и работал все время нелегально. Заслуживает быть отмеченной стачка на строившемся заводе „Проводник“, которую организовал тов. Кудрявцев. Трудно было руководить темной семитысячной массой полурабочих-полукрестьян или, пожалуй, больше крестьян, чем рабочих, и, несмотря на это, тов. Кудрявцев твердо стоял на своем революционном посту, выступал на собраниях, распространял листовки, которые он сам же и печатал Однажды он все-таки был арестован, но каким-то чудом его не открыли. Он организует много рабочих кружков, главным

Г. В. Титов.

---

1) Именем тов. Титова назван клуб рабочих трикотажной фабрики „Красная Заря“.

образом, в Лефортовском районе. До Октябрьской революции и во время ее тов. Титов очень много работает по укреплению района, устройству окопов и, наконец, мы его видим с винтовкой в руках при взятии Алексеевского училища. Тов. Титов отправляется на Украину против гайдамаков, в феврале 1918 г. против немцев в Оршу. По приезде с Украины тов. Титов снова собирается в поход, в начале лета 1918 г. отправляется с отрядом (20-м сводным полком) на Урал, против Дутова. Там их застигает чехо-словацкое восстание, и они оказываются отрезанными от центра. С большими трудностями пробиваются остатки полка через Оренбургские степи и Туркестан в Москву к концу августа. Но тут тов. Титов не засиживается; в Москве организуется рабочая дивизия, и тов. Титов снова на фронте, против Краснова, в качестве комиссара одного из рабочих полков. По очищении неприятелем казацких местностей он деятельно работает по организации местной власти. Прослышав, что Вешинский полк отказался выступать против большевиков и вернулся в свою станицу во главе с казаком Фоминым, тов. Титов еще с двумя товарищами, совершенно безоружные, решили пробраться через фронт в станицу Вешинскую, чтобы окончательно разложить полк, разоружить его. И действительно, рискуя попасть в лапы верных Краснову войск, он пробрался в станицу, 2 дня митинговал, привлек окончательно на свою сторону Вешинский казачий полк, выпустил воззвание к населению и, закончив с успехом свою задачу, вернулся в свой полк. Результаты этой геройской экспедиции не преминули сказаться: после Вешинского полка стали сдаваться и другие казачьи полки, и мы почти без боев прошли большую часть Донской области. Тов. Титов первый произвел опыт, давший впоследствии прекрасные результаты, — навербовал из перебежчиков-колчаковцев-добровольцев полк в несколько тысяч, оказавшихся беззаветными бойцами.

Маляр и пильщик по профессии, т. Титов был революционером по призванию и во время революции вырос в большого организатора и стойкого бойца за идеалы коммунизма. Погиб во время взрыва в МК РКП 25 сентября 1919 г.

Тов. Стефановский.

Кто из рабочих нашего района не слышал этого имени славного борца, так геройски погибшего в Октябрьские дни...

Исключительный энтузиаст, беззаветно преданный идее социальной революции—тов. Стефановский подлинно сгорел на ее алтаре.

Солдат 4-й роты Телеграфно-прожекторного полка — он один из первых, воодушевляя других, явился в Введенский народный дом и работал с такой самоотверженностью, что многие из нас радовались и удивлялись.

Но вот один из отрядов двигается к центральной телефонной станции. Впереди тов. Стефановский. Он всегда был впереди, как и во время штурма станции.

Градом пуль с крыш, окон обсыпают белогвардейцы осаждавших. Стефановский выбегает на середину двора и стоя расстреливает показывающиеся наверху мишени. Но скоро сраженный падает.

К сожалению, мы очень немного знаем о тов. Стефановском. Но и то, что известно, зажигает сердце революционным горением.

Вечная и светлая память тебе, милый товарищ... Дело твое растет и родит новые ряды неустрашимых бойцов.

Телеграфист.

(Из газеты Бауманского райкома „У станка“ за 6 ноября 1922 г.).

Андрей Митрофанович Мерзлов[1])

А. М. Мерзлов.

Мерзлов, Андрей Митрофанович был военным комиссаром Лефортовского района гор. Москвы и активным работником Лефортовской районной организации Российской коммунистической партии. Отправившись на Южный фронт, он вернулся оттуда тяжело раненым и 11 сентября 1919 г. умер.

(Из газеты Бауманского райкома РКП(б) „У станка“ от 6/XI 1922 г.)

[1]) Именем тов. Мерзлова назван детский сад на Благуше.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) И МОССОВЕТА

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва — Центр, Кузнецкий мост, д. 7. Телефон 5-20-57.
Ленинград — Проспект Володарского, д. 53-а. Тел. 2-28-56.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ:

Зеликсон-Бобровская, Ц. — Товарищ Бауман. Сборник воспоминаний и документов о жизни, деятельности и смерти тов. Баумана. Под ред. Зеликсон-Бобровской. (на обложке составитель). 93 стр. 65 коп.

Воспоминания и документы о жизни и деятельности, смерти и похоронах тов. Баумана. Для ознакомления с книгой от читателя потребуется знание хотя бы основных моментов истории РКП и революции 1905 г.

Очерки по истории Октябрьской революции в Москве. 381 стр. 1 р. 75 к. (Моск. губ. комиссия по проведению празднования десятилетия Октябрьской революции и Истпарт МК ВКП (б).

К. Милютина—„Экономика и рабочее движение в Москве накануне революции 1917 г.“. Е. Леви—„Московская большевистская организация от февраля до июльских дней“. Приложение к статье Леви (наказы и воззвания МК и т. п.). А. П.—„Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.“. Е. Альперович—„От рабочего контроля к первым шагам промышленного строительства“. А. Померанцева—„Московская печать в 1917 г.“. Я. Пече—„Красная гвардия в Москве“ и др.

Владимирский, М. — Октябрьские дни в Москве. — 71 стр. 30 коп. (Моск. губ. комиссия по проведению празднования десятилетия Октяярьской революции и Москов. Истпарт).

Автор, приводя выдержки из резолюций, сообщая результаты голосований и рисуя соотношение боевых сил, останавливается прежде всего на характеристике организационной стороны событий.—Совет рабочих депутатов, совет солдатских депутатов, городская дума. Партия большевиков. Боевые центры, военные действия, работа военно-революционного комитета, положение в районах, сдача белых, восстановление хозяйственной жизни и т. д.—Автор—член московского партийного боевого центра в Октябрьские дни.

Год борьбы.—Сборник. Составила Н. П. Милютина. 216 стр. 1 р. 90 к. (Моск. Истпарт).

Статьи и воспоминания активных работников московской организации большевиков в феврале-октябре 1917 г.—I. До Октября: Московская организация большевиков накануне февраля. Августовское государственное совещание Керенского в Москве (статья). II. Октябрьские события в центре: в Военно-Революционном Комитете, в Кремле. III. Октябрь в районах: Замоскворечье, Хамовники, Пресня и др.—Картины уличных боев, партийной работы, типы бойцов и пр.

Библиотека

Цена 80 коп.

20679

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Торговый Сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва Центр, Кузнецкий Мост, 7.
Ленинград, Проспект Володарского, 53-а
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА, Центр, Моховая улица, д. 24, 2-й книжный магазин Издательства МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ